

ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2018

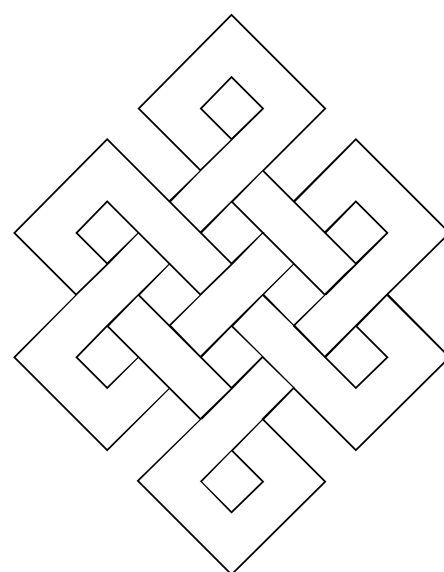
№ 2

nit.tuva.asia

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

№2
2018

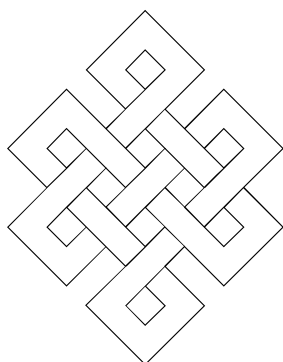

Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2018

№ 2

nit.tuva.asia

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Чимиза Кудер-ооловна Ламажаа, Московский гуманитарный университет, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ)

Лаура Гибратовна Ерекешева, Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейманова МОН РК, Казахстан

Брайан Донахо, Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия

Марина Васильевна Монгуш, Российский государственный архив Российской Федерации, Россия

Владимир Григорьевич Дацышен, Сибирский федеральный университет, Россия

Иванна Витальевна Отроценко, Институт востоковедения имени А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины

Чулуун Сампилдондов, Институт истории и археологии Академии наук Монголии

Марианна Монге-Байыровна Харунова, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, Россия

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)

Чимиза Кудер-ооловна Ламажаа, Московский гуманитарный университет, Россия

Юрий Владимирович Попков, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Россия

Валентина Гавриловна Федотова, Институт философии Российской академии наук, Россия

Галина Федоровна Балакина, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук

Шолбан Валерьевич Кара-оол, Правительство Республики Тыва, Россия

Ольга Матпаевна Хомушку, Тувинский государственный университет, Россия

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Валентина Юрьевна Сузукей, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Россия

Теодор Левин, Дартмаус колледж, США

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)

Каадыр-оол Алексеевич Бичелдей, Национальный музей им. Алдан Маадыр Республики Тыва, Россия

Людмила Алексеевна Шамина, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Россия

Наталья Николаевна Широкова, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Россия

Нина Михайловна Киндикова, Горно-Алтайский государственный университет, Россия

Мира Викторовна Бавуу-Сюрюн, Тувинский госуниверситет, Россия

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Александр Сергеевич Папын, редактор, администратор, Россия,

Владимир Сергеевич Макаров, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Россия

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIH PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus.

Включен в Перечень ВАК Минобрнауки РФ.

EDITOR-IN-CHIEF

Chimiza K. Lamazhaa, Moscow University for the Humanities, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY)

Laura G. Yerekesheva, Institute of Oriental Studies (Almaty), Kazakhstan

Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany

Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation, Russian Federation

Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation

Ivanna V. Otroshchenko, Krymsky Institute of Oriental studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine

Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology, Academy of Science Mongolia, Mongolia

Marianna M.-B. Harunova, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)

Chimiza K. Lamazhaa, Moscow University for the Humanities, Russian Federation

Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Galina F. Balakina, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Sholban V. Kara-ool, The Government of the Republic of Tuva, Russian Federation

Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTUROLOGY (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY)

Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation

Theodore Levin, Dartmouth College, United States

PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)

Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation

Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Natalya N. Shirobokova, Institute of Philology, SB RAS, Russian Federation

Nina M. Kindikova, Gorno-Altay State University, Russian Federation

Mira V. Bavuun-Syuryun, Tuvan State University, Russian Federation

TECHNICAL GROUP

Alexander S. Papyn, Editor, Manager, Russian Federation

Vladimir S. Makarov, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Russian Federation

The New Research of Tuva welcomes contributions in Russian and English.

The journal is published quarterly.

The journal is indexed in ERIH PLUS, RINTs, KiberLeninka, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus.

В оформлении обложки номера использована фотография Валерия Иргита (Россия)

Cover photo by Valery Irgit (Russian Federation)

ISSN 2079-8482

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial» («Атрибуция — Некоммерческое использование») 4.0 Всемирная. This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

Тема выпуска
«Проблемы экономической культуры и
деловой этики тувинцев в XXI веке»

Ответственный редактор —
доктор экономических наук
Галина Ф. Балакина
(Тувинский институт комплексного освоения
природных ресурсов Сибирского отделения
Российской академии наук)

Theme of the issue
**Problems of economical culture and business
ethics of Tuvans in 21st century**

Guest editor, Doctor of Economy
Galina F. Balakina
(Tuvinian Institute for Exploration
of Natural Resources,
Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences)

Аспекты культуры

Aspects of Culture

DOI: 10.25178/nit.2018.2.1

ТУВИНСКОЕ ВРЕМЯ
И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРА ТУВИНЦЕВ“TUVAN TIME”
AND ECONOMIC CULTURE
OF TUVANS**Чимиза К. Ламажаа**Московский гуманитарный
университет, Российская Федерация**Chimiza K. Lamazhaa**Moscow University for the Humanities,
Russian Federation

В статье впервые анализируется тувинское время (тыва үе) — понимание тувинцами повседневного времени, — как важная часть их общей культуры, имеющая тесную взаимосвязь с экономической культурой. Подобное отношение ко времени у тувинцев рассматривается как степное время, которое наблюдается также у народов Монголии, и других регионов кочевой культуры центральной Азии. Люди степи демонстрируют особое время культуры, особый темп жизненного уклада, который относится исследователями к варианту восточного типа понимания времени.

This is a first ever study of the notion of ‘Tuvan time’ (Tyva үе) – the way Tuvans reckon time in their everyday lives. This idea is examined as an integral part of Tuvan culture, being most directly linked to practices of economic culture. This vision of time can be seen as a version of ‘steppe time’, also typical for the peoples of Mongolia and other Central Asian regions of nomadic culture. People of the steppes have been found to possess a specific cultural time, a certain pace of lifestyle which has been classified within the Oriental type of understanding time.

Отмечается, что для понимания времени традиционно использовались средства опредмечивания, соотношения с конкретными действиями и обозначением места действий. Рассматриваются термины тувинского языка, означающие время. Фиксируются интересные выводы других исследователей (филологов, культурологов) об особенностях ориентации тувинцами во времени и пространстве, которые опираются на наблюдения за движением Солнца, звезд.

To reckon and understand the notion of time, Tuvans have traditionally used the strategies of objectification, matching time to specific action and mentioning the place of action. The article studies Tuvan terms signifying time, with a focus on the conclusions scholars of language and culture have made in their studies of how Tuvans find their way in space and time by observing the daily motion of the Sun and stars.

Особо акцентируется проблема обусловленности тувинского времени и экономической культурой

Special attention is given in the article to the link between ‘Tuvan time’ and their economic culture. This way of understanding time appeared in the economic lifestyle of extensive animal farming that most Tuvans in the past and present were involved in.

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5, корп. 6, каб. 18. Тел.: +7 (499) 374-73-90. Эл. адрес: lamajaa@tuvu.asia

Lamazhaa Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Deputy Director, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-73-90. E-mail: lamajaa@tuvu.asia

тувинцев. Понимание времени сложилось в условиях экстенсивного скотоводства, которым занималось большинство предков и современных тувинцев. Соответственно хозяйственная деятельность людей почти целиком зависела от природных, погодных циклов, ритмов, конкретных условий. Это обусловило стратегию адаптации не только к собственно среде, но и к протеканию процессов в этой среде, к самому пониманию времени. Человеку оставалось только следить за неспешным процессом выпаса скота и отчасти его регулировать. Это определило неспешность как одну из главных временных характеристик культуры.

Анализируются культурные установки тувинцев, связанные с планированием и пунктуальностью. В постсоветское время *тыва үе* подчеркивается как право людей не соблюдать точное время. *Тыва үе* определяется не как время, а как комплекс обстоятельств (изменение погоды, приметы, необходимость соблюдения важных дел, получение указаний от кого-либо), которые сильнее людей и которые влияют на их намерения, на длительность событий, действий. Неспешность особенно заметна у жителей сельских районов, но присутствует и у горожан из-за значительной внутренней миграции в Туве из села в город, а также в силу устойчивости базисных оснований традиционной культуры в ситуации «вписывания» ее носителей в современность.

Фактор тувинского времени следует учитывать приезжим, самим жителям Тувы, органам власти, представителям бизнеса как существенный фактор современной экономической культуры тувинцев и важное условие стратегического планирования.

Ключевые слова: время; категория времени; тувинское время; степное время; кочевая культура; пунктуальность; планирование; тувинцы; Тува; экономическая культура

Correspondingly, their economic activity almost wholly depended on natural cycles, weather changes, climatic rhythms and conditions. This determined the strategy of adapting to both the environment in general and to its elements, such as the flow of events and of time in this environment. People had only to watch the slow grazing of their cattle and only at times intervene to regulate the process. This made unhurriedness one of the most important temporal features of Tuvan culture.

The article analyzes the cultural views of the Tuvans on planning and punctuality. In the post-Soviet years, *'Tyva үе'* has come to mean the right to be imprecise and is determined by several circumstances, such as a change in weather, climate lore, the need to follow important routines or directions. All of these factors are seen as bigger and more important than people, control their intentions and regulate the length of events and actions. Unhurriedness is most marked among the rural populations, but is also quite conspicuous in urban areas since internal migration from the countryside to towns remains significant. Foundations of traditional culture remain strong, too, since those who feel bound to it have managed to "write it into" their contemporary lives.

The factor of 'Tuvan time' is an important one to reckon for visitors to the region, residents of Tuva, local authorities, business people. It is an important element of contemporary economic culture and a powerful precondition for strategic planning.

Keywords: time; category of time; 'Tuvan time'; time of the steppes; nomadic culture; punctuality; planning; Tuvans; Tuva; economic culture

Введение

Понимание категории времени в кочевых культурах относится исследователями к общей модели восточной культуры и в целом противопоставляется представлениям западной культуры. Разница в культурных установках настолько существенная, что становится сразу очевидной при встрече представителей двух культурных миров. Так, люди западного мышления, привыкшие ценить точность, пунктуальность, приехав в степные районы и столкнувшись с иным пониманием времени у кочевников, теряются и испытывают дискомфорт. Сами местные жители также оказываются в ситуации встречи культур, наблюдая в приезжих людей торопливых, суетящихся.

Однако, помимо этих повседневных проблем, современные условия глобализации поставили перед людьми разных культур задачи и экономического диалога — раз-

вития собственной экономики, приспособления своей деятельности к общим рыночным условиям. Но задачи эти корректируются со спецификой экономической культуры — трудовой мотивации, особенностей сознания и поведения, основанных на традиционных видах хозяйственной деятельности. И одним из аспектов экономического сознания является понимание времени, исчисление времени, которое имеет значительное влияние на скорость принятия решений, на темп работы, пунктуальность и пр.

Целью настоящей работы является анализ понимания времени в тувинской культуре, не мифологического времени, не исторического, а повседневного, которое рассматривается в тесной взаимосвязи с экономической культурой тувинцев. Тема эта является чрезвычайно важной в связи с обсуждением особенностей экономической культуры тувинцев, в свете перспектив экономического развития Тувы, и в целом регионов, население которых преимущественно является потомками кочевников.

Степное время и столкновение культур

«Тувинское время» или *тыва үе* — идиома, распространившаяся в постсоветское время в Туве, выражающая неспешность тувинцев, их ориентацию не на циферблат, а на некие внешние факторы, которые побуждают действовать (природные явления, указания от кого-либо), а также невозмутимость в ситуации принятия решений.

Эта относительная неспешность и тувинцев, и монголов, и других народов кочевой культуры уже достаточно описана в научной литературе как одна из особенностей пространственно-временной картины мира. В целом подобное отношение ко времени у кочевников можно назвать *степным временем*, которое до сих пор удивляет приезжих в Туве, в Монголии, других регионах.

Например, монголовед, дипломат, историк, публицист М. И. Майский, в начале XX века работавший в Монголии, писал, что известную пословицу «Время — деньги» в монгольской степи следует «вывернуть наизнанку»: «Время — не деньги». Ситуацию, которая привела его к такому выводу, он описывал так:

«Если вы уславливались с монголом о выходе каравана в пятницу, вы могли быть уверены, что он приведет верблюдов только в воскресенье или в понедельник. И если вы обрушивались на опоздавшего с упреками, он с самым невозмутимым видом заявлял:

— А я думал, что ты в этот день не поедешь.

— Как не поеду, как у нас было условлено выступать именно в этот день?

— Да я посмотрел с утра — погода будто плохая, облака на небе... Я и подумал, что ты не поедешь... Куда торопиться? Дней в году много...» (Майский, 1959: 47).

Наблюдая за монголами, автор признавал, что это не пустые отговорки, а вполне искреннее убеждение. «Он (монгол. — Ч. Л.) просто органически не в силах был понять, как можно придавать значение выходу каравана в определенный день, потому что дней в году действительно много и все они для него совершенно равны» (там же).

В одной из полевых записей во время поездки в Монголию в 1988 г. Н. Л. Жуковская упоминает о 9-дневном ожидании учеными поездки из Улан-Батора в поле. Сначала у них не было ни денег, ни машины, ни бензина, ни сопровождающего. Но даже при появлении транспортного средства и заправки, выехать долгое время никак не удавалось: сначала один сопровождающий монгол не мог поехать (так как у него три дня назад родилась дочь), затем монголка, которая его заменила, не могла по разным причинам (то сложно собраться, то надо куда-то съездить, то просто несчастливый день)... (Жуковская, 2002: 52–52).

Схожую историю про недавние приключения германских журналистов в Туве я слышала в 2017 г. из уст этномузыковеда В. Ю. Сузукей¹. Дисциплинированные и пунктуальные планировщики своего путешествия вооружились картами, навигаторами, выстроили хронометраж поездки от столицы республики до районного центра и отметили точный час, чтобы успеть выехать и прибыть на место, встретиться с нужными им людьми — героями своего проекта. И договорились с местным водителем об отправлении автобуса в 8 утра... Когда он появился в 11 часов, в ответ на гневные отповеди уже взвинченных ожиданием путешественников, он лишь пожал плечами «Мне жена пирожки в дорогу пекла». Удивился, зачем надо так торопиться. И обещал привезти их к месту вовремя. Однако, надо сказать, во время поездки немцам пришлось самим несколько раз просить остановить машину, чтобы запечатлеть на фото- и видеоаппаратуру на перевалах природные красоты, от которых у них захватывало дух.

Монгольский ученый Х. Цооху пишет, что для монголов любимым словом является *маргаш* — завтра. Он эквивалентен словосочетанию «через 24 часа», но в действительности, к сожалению, может означать и несколько дней, даже недели. «В чем причина такого неудобного положения? — размышляет автор. — Монгол не может детально рассматривать суть задания или обязанности, он подходит к нему на основе душевной ориентации и допускает ошибку в распределении времени. Поэтому обещание “завтра” часто не выполняется вовремя» (Монгольский мир ..., 2014: 167).

После столкновения с такими примерами «природной распушенности», как называет это Х. Цооху (там же), после первого культурного шока и погружения в неспешный стиль жизни аборигенов люди западной цивилизации обычно начинают осознавать, что им проще оставить свои привычки, свою пунктуальность, чем пытаться добиться от местных жителей понимания и такой же заботы о быстро утекающих часах и минутах. Степное восприятие времени не связано с секундами, с минутами. Люди степи не распоряжаются временем, а приспосабливаются к нему, тем самым демонстрируя особое время культуры, особый темп жизненного уклада (Бортникова, 2017: 28).

Научные подходы к тувинскому времени

Проблема культурных оснований для формирования стратегий экономической деятельности является новой для тувиноведения, а также других прикладных

Благодарю Валентину Юрьевну Сузукей за любезное согласие изложить эту историю в статье.

научных отраслей, комплексно изучающих конкретные этнические культуры центральноазиатского региона. Прежде всего это было связано с тем, что регион входил в советское пространство, где эта тема, как мы понимаем, не была востребована и исследования культуры, культурных факторов имели свои особенности, в зависимости от особенностей исторического развития науки и социальных условий.

Достаточно долгое время в тувиноведении (Ламажаа, 2010: Электр. ресурс) доминировал этнографический подход к тувинской этнической культуре в целом, и к экономической культуре в частности, направленный прежде всего на фиксацию, систематизацию этнографического материала. В его рамках проблема основных мировоззренческих категорий, в том числе категорий пространства и времени, рассматривается в основном как особенности этнической — тувинской — картины мира. Вопросы экономической культуры, где главными основными терминами являлись термины «хозяйственная деятельность», «культурно-хозяйственный тип» и пр. исследовались обычно отдельно. Разумеется, исследователи понимали тесную взаимосвязь мировоззрения и деятельности, однако, трактовали ее часто в рамках своих теоретических парадигм, которые при всех попытках объективного анализа имеющихся фактов, в свою очередь строились на основе определенных социальных, идеологических заказов.

Так, например, в одной из часто цитируемых этнографических работ по традиционной культуре тувинцев Л. П. Потапова «Очерки народного быта тувинцев» (Потапов, 1969), теме понимания времени тувинцами отведен отдельный раздел. Автор использует здесь термин «народные знания», противопоставляя их научным знаниям о природе, то есть фактически относя народные знания к ненаучным, точнее — донаучным: «...в этих народных знаниях и представлениях часто встречаются иррациональные элементы» (там же: 279). Это было вполне в духе представлений о прогрессивном характере развития знаний и деятельности XX века. Однако, этнограф признает: «... тем не менее в своей массе они вполне рациональны и заслуживают положительной оценки, так как в свое время влияли на развитие и уровень жизни народа» (там же).

К народным знаниям Л. П. Потапов относит летоисчисления, приводя полученные им в полевых исследованиях сведения о календарях тувинцев: 12-летнем животном цикле, годовом календаре. Автор подробно приводит описания представлений тувинцев о каждом годе и каждом месяце, поскольку они были связаны с различными поверьями и приметами: «С каждым годом двенадцатилетнего цикла были связаны представления о счастливом и несчастливом годе, причем критерием для такой характеристики являлась главным образом погода и ее влияние на хозяйство» (там же: 282). Так, например, Год мыши считался «счастливым», т. к. снега бывает мало, скот хорошо зимует, охота на зверя добычлива, посев дает хороший урожай, люди живут хорошо (там же: 282–283). Засушливым считался Год змеи, несчастливыми — Год обезьяны, Год курицы и др. Характеристики месяцев у тувинцев также связывались с определенными хозяйственными занятиями. При этом, начальным зимним месяцем считался нынешний декабрь. Аалы в этот месяц уже находились на зимних стойбищах, утеплялись зимние загоны для скота, охотники выходили или уже находились на промысле (там же: 284–285).

Л. П. Потапов не углубляется в вопрос о происхождении у тувинцев 12-летнего цикла, отмечая лишь распространенность этой системы у многих народов центральной Азии и очевидное удобство при исчислении личного возраста человека, «так как считать по этому календарю было не трудно любому неграмотному человеку, ввиду того, что названия двенадцати животных, именами которых обозначали названия лет данного цикла, шли одно за другим в одном и том же порядке. Родившийся, например, в год мыши вел счет своему возрасту с этого года, и его рождение приходилось по данному календарю через каждые 12 лет, считая с года мыши. Зная, сколько раз в течение его жизни наступал год мыши, человек точно определял свой возраст, он складывал двенадцатилетия и прибавлял к ним годы, прошедшие от последнего года мыши» (там же: 287). Подобное заключение о неграмотности и одновременно способностях складывать и прибавлять точные цифры, конечно, несколько противоречиво.

Главным же фактом является то, что для тувинцев не был актуальным вопрос об установлении точного астрономического возраста. В многочисленных исследованиях проблематики возраста у тувинцев, обрядов жизненного цикла присутствуют прежде всего общие названия, термины для возрастных категорий, и нет точных указаний на количество лет (например: Кенин-Лопсан, 2006: 4–5; Волков, Салчак, Шаалы, 2009; Айыжы, 2015). Авторы монографии по педагогическим традициям тувинцев Г. Н. Волков, К. Б. Салчак и А. С. Шаалы, пишут, что «В обычной жизни возраст человека тувинцы делят на три этапа: утро жизни — детство (чаш, бичии уе); полдень — зрелость (улуг кижжи); вечер — старость (кырган назын). Такое представление отражено в тувинском фольклоре, в частности, имеется загадка: “Утром на четвереньках, в полдень на двух ногах, а вечером — на трех”» (Волков, Салчак, Шаалы, 2009: 40).

Современные исследования происхождения 12-летнего животного цикла у народов Юго-Восточной Азии предлагают разные гипотезы по вопросу истоков появления такого исчисления, но и особенности его распространения и развития до 60-летних циклов. Так, согласно астрономической гипотезе, действующий уже несколько тысяч лет в регионах Азии (Центральной и Юго-Восточной) 60-летний циклический календарь представляет собой хронологическую систему, основанную на астрономических циклах движения Солнца, Земли, Луны, Юпитера и Сатурна (Цимбульский, 1982: 78; Монгуш, 2015: Электр. ресурс). Об отличном врожденном зрении кочевников и их умении наблюдать прохождение по небу звезд, в том числе Юпитера писали путешественники еще XIX века, например, Ф. П. Врангель (Путешествие ... , 1948). В. В. Цимбульский предположил, что эта наблюдательность кочевников и позволила им установить время, за которое Юпитер делает полный оборот вокруг Солнца — примерно за 12 лет. Разделив путь Юпитера на 12 равных частей по 30° и дав каждой части наименование определенного животного, кочевники Центральной Азии создали солнечно-юпитерный 12-летний календарный цикл (Цыбульский, 1982: 78-79). Он также пишет, что семья кочевника имела свою юрту, купол которой в теплую часть года оставался открытым, а жерди купола служили ориентиром для наблюдения звезд и планет, что делало юрту своеобразным семейным «планетарием», благодаря чему накапливались астрономические знания и передавались из поколения в поколение. Развитие же календаря с 12-летним циклом до 60-летнего, по мнению ряда авторов, принадлежит китайцам (Яковлев, Электр. ресурс).

Н. Л. Жуковская также упоминает разные гипотезы относительно происхождения 12-летнего календаря и отмечает относительно большую ясность с астрономической гипотезой: «Астрономической основой 12-летнего календаря может быть только вычисленный астрономами еще в глубокой древности “юпитерный” цикл, т. е. период полного оборота Юпитера вокруг Солнца, равный 12 годам, а если быть совсем точным — 11,862 года» (Жуковская, 2002: 57).

Очевидно, что исследования народных знаний тувинцев (как и других кочевых народов) относительно пространственно-временных категорий нуждаются в углублении, а также в применении междисциплинарного подхода. Традиционное понимание времени народами имеет глубокие корни и представляет собой не просто комплекс знаний, точных наблюдений за природными явлениями, но и комплекс знаний в сочетании с их применением в хозяйственной деятельности.

Тема интерпретации народным сознанием десятков поколений природных явлений, их происхождения, соответствующих им процессов, которая происходила в форме мифологизации (Традиционное мировоззрение..., 1988), в этом случае является отдельной темой, связанной с мифологическим временем культуры. Углубленные исследования повседневного понимания времени помогут рассматривать рациональные основания традиционной культуры.

Отношение ко времени как элемент культуры

Современная наука в основном отошла от прогрессистского отношения к ценностям разных культур и уже не расценивает их с точки зрения правильности или не правильности, близости к абсолютной истине. Научную трактовку картины мира культур, приближение к пониманию тувинского времени необходимо производить, оставив оценочные суждения и предубеждения, принимая культурную обусловленность как объективную социокультурную данность.

Как подчеркивает английский лингвист Р. Льюис, «картина мира меняется от одного языка к другому, и деловое поведение меняется вслед за ней. Не существует одной-единственной метафизической сферы человеческих мыслей и действий. Различным языкам соответствуют различные “сегменты опыта”, и нам не остается ничего другого, кроме как изучать больше языков» (Льюис, 1999: 52).

Вопрос об отношении ко времени, имеющем культурную специфику, ныне в условиях глобализации активно обсуждается в культурологической литературе, востребованной для бизнеса, то есть имеющей практическую направленность. Среди концепций специалистов по межкультурным коммуникациям, компаративистским работам известны типологии культур в зависимости от отношения ко времени.

Так, интересна типология активности культур уже упомянутого Р. Льюиса — моноактивные (Linear-active), полиактивные (Multi-active) и реактивные (Reactive) (Lewis, 2006). Для первых важны пунктуальность, исполнительность; выполнение задачи — превыше всего (американцы, англичане, немцы, швейцарцы, шведы, датчане и др.) Вторые отличаются эмоциональностью своих представителей, гибкостью их поведения; их не очень заботит пунктуальность, они привыкли делать множество дел

одновременно, нередко не доводя их до конца (итальянцы, латиноамериканцы, арабы и др.). Реактивные (слушающие) культуры придают наибольшее значение вежливости и уважению (жители Японии, Китая, Тайваня, Сингапура, Кореи), сохранению репутации. Они организуют свою деятельность не по строгому и неизменному плану, а в зависимости от обстоятельств, реагируя на происходящие изменения.

Еще одна известная концепция принадлежит перу американского антрополога Э. Холла. Он подразделил культуры в зависимости от характера использования ими пространства и времени на высококонтекстные и низкоконтекстные, а также культуры с преобладающим монохромным или полихромным использованием времени (Hall, 1966, 1976). Представители монохромных культур стремятся четко расписывать свой график и заниматься делами последовательно, приступать к выполнению новой задачи только после выполнения предыдущей. В этих культурах межличностные отношения менее важны, чем выполнение задачи — по крайней мере, в деловой сфере (США, Англию, Германию, Скандинавские страны). Представители полихромных культур чаще занимаются множеством дел одновременно, четких графиков они не составляют или, по крайней мере, не слишком охотно их придерживаются (культуры латиноамериканских и арабских стран, а также Россия) (Hall, 1966).

Определенные выводы исследователей представляют интерес для нашей темы и в следующем отношении. В концепции Р. Льюиса, например, упоминается такая особенность некоторых восточных культур, в которой единственно возможным отношением ко времени признается адаптация людей к нему. В этих культурах время не линейно, но и не привязано к людям или событиям, оно циклично. Каждый день солнце встает и садится, одно время года следует за другим, небесные тела совершают свое круговращение, люди стареют и умирают, но их дети повторяют все сначала. И поскольку многие жители Азии хорошо знают о циклической природе времени, деловые решения принимаются там совершенно иначе, чем на Западе. Западный человек часто ждет от восточного быстрого решения или такого подхода к текущей сделке, который основан на ее сегодняшних преимуществах и не учитывает того, что было в прошлом. Но восточный человек так поступать не может. Прошлое создает контекст, подоплеку настоящего решения, которое они, как восточные люди, могут долго обдумывать — их руки связаны самыми различными обстоятельствами (Льюис, 1999: 94).

Так, в культурологии признано, что каждая культура имеет свое собственное понимание времени, которое необходимо знать и понимать, и понимание времени определяет темп жизненного уклада, особенности протекания коммуникации людей (Бортникова, 2017: 28).

Опредмечивание тувинского времени

Отсутствие четких, акцентированных временных отрезков, которые бы измерялись приборами и понимались в абстрактном, числовом измерении, архаическими культурами восполняется с помощью мифологизации, а также опредмечивания, соотнесения с конкретными действиями и обозначением места действий. На этом основании сложились и традиции культуры кочевников (Кононов, 1978).

Например, исследователи монгольской культуры пишут о том, что в зачинах эпических произведений народов время первотворения мира выражается через фразы действий, при этом формула времени заменена картиной мира (Скородумова, 2004: 229; Пространство в традиционной ... , 2008: 36). Выразителями наступления времени, его протекания, изменения становятся небесные светила, атмосферные явления, растения, животные.

В древних текстах тувинского эпоса тоже используются именно эти маркеры. Формулировки обозначения собственно времени, термины тувинского языка *шаг* (время), *шагда* (давно), которые можно увидеть в опубликованных ныне изданиях тувинского фольклора, часто являются привнесенными элементами, словами-клише современных сказителей-информантов (см.: Ондар, 2017). В ранних пластах фольклора распространены формулы обозначения времени в соотнесении с временем суток (утро, ночь), сменой сезонов года, действиями героев.

Хорошо известен этнографами бытовой способ определения дневного времени кочевниками — по движению солнечного луча, падающего сквозь дымовое отверстие и передвигающегося по внутренней обстановке юрты (Потапов, 1969: 298–299, 301–304; Жуковская, 2002: 40). Другие способы увязывались с различными бытовыми действиям: время заваривания чая, время кипячения молока в котле, время выкуривания одной трубки и др. (Потапов, 1969: 305).

Еще один аспект опредмечивания времени до сих пор выражается в тувинском языке, присутствует в терминологии пространственно-временных координат, о чем интересно пишет В. Ю. Сузукей (Сузукей, 2009: Электр. ресурс). Так, знание народа о пространстве и времени соотносилось не только с видимым (с поверхности Земли) движением Солнца, но и учитывало движение планет Солнечной системы в масштабах Галактики. Юг в тувинском языке обозначается словосочетанием *мурнуу чүк* — «передняя сторона» (Тувинско-русский словарь ... , 1968: 304), т. е. сторона света, находящаяся спереди или в передней части. Причем эта ориентация, по мнению Сузукей, была аналогичной положению человека, который находился лицом к теплу, как перед костром, наблюдал за прохождением Солнца по экватору. Соответственно юг становился «верхним миром». А север — *соңгу чүк* (задняя сторона) (там же: 382) рассматривался как «нижний мир», холодный, поскольку человек располагался к нему спиной. Соответственно, «восток» и «запад» также меняют направления или местоположение относительно правой и левой руки человека (Сузукей, 2009, Электр. ресурс).

Ориентация во времени также опирается на наблюдения о движении солнца. Собственно слово *хүн* имеет два значения: «день» и «Солнце». Чередование дней во времени имеет следующие обозначения:

ПРОШЛОЕ	БУДУЩЕЕ
<i>дүүн</i> — вчера	<i>даарта</i> — завтра
<i>бурунгу хүн</i> — позавчера	<i>соңгузу хүн</i> — послезавтра
<i>бурундаа хүн</i> — поза-позавчера	<i>соондаа хүн</i> — послепослезавтра

По поводу слова *дүүн* есть мнение, что оно восходит к сочетанию *дүү хүн*, которое переводится как «тот день» и относится к указанию на объект (см.: Татаринцев, 2002:

302, 237) — очевидно, может иметь и трактовку «то Солнце». А словосочетание *буруңгу хүн* расшифровывается, как день, прошедший впереди вчерашнего дня, т. е. слово «впереди» соотносится с ориентацией человека, смотрящего вперед. Соответственно *бурундаа хүн* означает день, прошедший раньше или вперед позавчерашнего дня. Слово *буруңгаар* в тувинском языке означает движение «вперед» и показывает на позицию впереди человека. В. Ю. Сузукей эту логику трактует так: в реальной жизни «прошлое» действительно проходит «перед глазами» человека и все события прошедшего времени, как правило, известны человеку во всех деталях.

Логика понимания будущего выстраивается соответственно в противоположном порядке. Слово *даарта* образовано путем сращения слов в сочетании *даң эрте* (раньше первых лучей солнца, раньше зари) (Татаринцев, 2002: 28, 85). *Соңгузу хүн* означает день, который придет после завтрашнего дня или день идущий сзади завтрашнего дня. *Соондаа хүн* — день, грядущий или идущий позади послезавтрашнего дня.

Таким образом, названия дней в прошедшем времени обозначены как дни, ушедшие вперед. События дней будущего времени «надвигаются» на человека сзади и он еще не знает, какие события будут происходить в будущем, поскольку они находятся у него «за спиной» (там же).

В. Ю. Сузукей подчеркивает, что «описание» времени и пространства в тувинском языке учитывает глобальное движение планет Солнечной системы в масштабах Галактики (и, возможно, Метагалактики) (там же). Подобная солнечная ориентация является традиционной для многих тюркских народов (Кононов, 1978).

Понимание тувинского времени также основано на разном подходе к вопросу чисел и исчислений, который отражен в языке, а значит — в ментальных установках, в логике мышления. Интерес представляют тезисы В. Ю. Сузукей относительно понимания математических дробных чисел в тувинском языке. Так, в тувинском языке, например, они прежде всего произносятся «снизу вверх» (от целого числа к частному, а в русском языке часто наоборот — от частного к целому. Для тувинцев, например, такое озвучивание времени, как «половина второго» требует некоторого времени для переосмысления этой фразы на тувинское звучание (поскольку на тувинском языке будет строиться в ином порядке — как «Один час с половиной», *Бир шак чартык*), иначе он придет на свидание на один час позже (или опоздает на поезд или самолет) (Сузукей, 2009: Электр. ресурс).

Так, повседневное тувинское время является составной частью картины мира культуры, выражается особой логикой тувинского языка и соответственно должно рассматриваться как ментальная установка.

Хозяйственно-экономическая обусловленность формирования тувинского времени

Как я уже упоминала, исследования пространственно-временных представлений тувинцев и особенностей их хозяйственной деятельности, по традиции производились отдельно. Это, конечно, не было особенностью тувиноведения. Подобный подход

был общим в научном знании, когда экономисты настороженно относились к такой «расплывчатой» теме, как культура, а культурологи, философы в свою очередь были критически настроены к экономике (см.: Безуглова, 2015).

Сегодня тематика взаимосвязи культуры с экономикой и собственно экономической культурой — стала очень актуальной, востребованной и обсуждается в самых разных аспектах. При этом исследования экономической культуры активно проводятся как философами, так и самими экономистами. Культура имеет значение для экономики (Культура имеет ... , 2002) и это утверждение уже мало кем оспаривается. Исследовательские интересы сейчас сконцентрированы на решении вопросов о том, каким является это значение, как оно проявляется, как его исследовать (Sen, 2004).

«Культурный поворот» (*cultural tern*) в проблематике экономики Тувы произошел и в тувиноведении с середины 1990-х гг. — прежде всего с работ Г. Ф. Балакиной и З. В. Анайбан (Балакина, Анайбан, 1995). Однако, при анализе экономической культуры тувинцев тема отношения ко времени ими практически не поднималась.

Чтобы говорить о соотношении этих двух понятий, прежде всего, уточню основное определение. *Экономическая культура* рассматривается мною как составная часть культуры, как совокупность ценностей, норм, стереотипов, определяющих особенности хозяйственной деятельности людей. Соответственно, экономическая культура, как и вся культура, имеет особый временной аспект — мифологическое время, историческое, повседневное. Особое понимание времени сложилось в ходе практического освоения мира, в ходе хозяйственной деятельности, выражено в языке, влияет на особенности планирования дел, их реализацию, проявляется в скорости и обстоятельствах принятия решений. То есть необходимо говорить о сложном переплетении, взаимовлиянии экономической культуры и тувинского времени.

Главным видом занятий тувинцев было разведение животных в форме экстенсивного пастбищного скотоводства, когда скот выпасался на естественных пастбищах, которые менялись в зависимости от сезонов года. Соответственно хозяйственная деятельность людей почти целиком зависела от природных, погодных условий. Это обусловило стратегию адаптации не только к среде, но и к протеканию процессов в этой среде, к самому пониманию времени. А поскольку человеку оставалось только следить за неспешным процессом выпаса скота и отчасти его регулировать, то это определило неспешность как одну из главных временных характеристик культуры. С этой неспешностью тесно связан и фатализм, предопределенность понимания происходящего в жизни, поскольку значительным природным явлениям, в том числе стихийным бедствиям, эпидемиям скота — человек не был в силах противостоять. Смены сезонов, природные циклы, повторяющиеся траектории небесных тел — все это обусловило понимание глобального порядка, которое следовало принимать как данность.

Сегодня основная часть тувинского этноса — сельчане — традиционно являются выразителями и носителями основного хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов (Вайнштейн, 1972), поэтому столь живо и тувинское время — степное время, или время скотоводов. Разумеется, помимо основного хозяйственно-культурного типа (ХКТ) кочевых скотоводов, в Туве были распространены и ХКТ земледельцев, охотников, оленеводов, о которых писал С. И. Вайнштейн (там же).

Особенности их деятельности, их стратегий действий и освоения пространства и времени существенно разнообразят тувинскую картину мира и добавляют к ней и представления о человеческой активности и динамизме событий, которые зависят и от действий самих людей.

Риверсивность тувинского времени и экономической культуры

Связь времени и экономической культуры — не одностороннее движение. Эта связь характеризуется и обратным воздействием времени на экономическую культуру, т. е. риверсивностью (обратимостью, возвратностью). В настоящее же время экономическая культура тувинцев, как уже подчеркивалось, в существенной мере определяется фактором *тыва үе*. Он также присутствует и в городской жизни республики благодаря значительной внутренней миграции — из села в город.

В последние годы *тыва үе* даже подчеркивается в общественном дискурсе как право людей на задержки, на опоздания; как оправдание нелюбви тувинцев к пунктуальности. Концепт *тыва үе* выражает, прежде всего, не само время, а комплекс обстоятельств, которые во многом определяют мотивацию и деятельность людей, которые влияют на длительность событий, протяженность действий, на определение момента отсчета времени или его окончания.

Так, приезжим, которые прибывают в Туву и пытаются действовать сообразно своим представлениям о пунктуальности, хронометраже, расписании, надо понимать, что специфичность региона выражается в том числе и в отношении местного населения ко времени. Сразу следует делать поправку на временной фактор и не ожидать соблюдения точных сроков, не требовать их, не провоцируя тем самым межкультурных конфликтов. Разумеется, не абсолютно всё столь сложно и непредсказуемо. Например, график работы определенных учреждений обязан строго соблюдаться. Но в местностях с малым количеством населения будет не удивительно, если даже официальные учреждения будут работать по тувинскому времени, то есть с сильным влиянием субъективных представлений о счастливых и несчастливых днях, о каких-то более важных делах и пр.

Жителям Тувы, которые выезжают из республики в другие регионы России, прежде всего в мегаполисы, а также за границу, приходится обязательно перестраиваться для того, чтобы успевать, не опаздывать и не медлить с принятием решений. То есть тувинцам надо понимать, что тувинское время существует только на тувинской земле.

Я упомянула и жителей Тувы, имея в виду не только тувинцев, подчеркивая тем самым факт адаптации местного населения региона к тувинскому пониманию времени. Принятие ими этнокультурной особенности коренных жителей происходит практически неизбежно, особенно с учетом численного превосходства в республике тувинцев.

Перестройка на иное восприятие времени и принятие иной временной стратегии личных действий происходила и со мной лично, с автором данной статьи, поскольку я родилась и выросла в Туве, а с 1990-х годов уже постоянно проживаю и работаю в

Москве. Тувинское время для меня «включается» лишь в момент приездов на малую Родину, когда приходится столичную пунктуальность отставлять и следовать здесь порой довольно непредсказуемому течению событий и встреч.

Органам власти (федеральной и региональной), выстраивающей стратегии экономического развития региона с учетом социального, культурного фактора, надо понимать, что «тувинское время» внесет коррективы со сдвигом сроков, создаст особую длительность согласований, добавит период ожидания «когда сверху скажут» и пр. Безусловно, это чрезвычайно неудобно с точки зрения и планирования, и отчетности, однако, к сожалению, так чаще всего и происходит.

Фактор тувинского времени очень важен для понимания немногочисленным представителям внешнего бизнеса, у которых появляется желание вести деловые переговоры с жителями Тувы прежде всего в самом регионе на месте и возможно планирующим открытие в республике производств, привлечение к нему местного населения в качестве наемных работников.

Например, завод сборки деталей, сложного технологического производства в Туве не запустить. Тувинцы просто не способны на монотонный, скрупулезно точный труд. Не потому, что не могут делать сложное и точное (вспомним народных умельцев, мастеров декоративно-прикладного искусства). А потому, что не приспособлены к монотонности и соблюдению точных хронометражей. Как показывают этносоциологические исследования, тувинцы сами предпочитают труд или животноводов, или творческий, то есть не жестко регламентированный.

Заключение

Тувинское время (*тыва үе*), которое удивляет, даже раздражает приезжих в Туве, в том числе и ученых — представителей других культур, представляет интереснейший аспект тувинской культуры, а шире — культуры номад центральной Азии. Это повседневный способ понимания времени, временной протяженности тувинцами, который восходит истоками в древние пласты культуры и представляется вполне оформленным способом постижения народом окружающего мира, пространственно-временной основой картины мира. И в этом плане говорить о ненаучности знаний кочевников, их безграмотности и отсталости — это уже устаревший подход.

Будучи тесно связанным с хозяйственной деятельностью скотоводов, охотников, земледельцев — с экономической культурой, тувинское время было сформировано ее особенностями и в свою очередь обуславливало трудовую мотивацию, и оно до сих пор влияет на повседневное поведение значительной части населения. В советское время при наличии советских отношений доминирующий тип хозяйства сохранялся, поэтому, видимо, и проблема со временем не была столь острой для основной массы населения. И сейчас для тех, кто занят в традиционном хозяйстве, жизнь протекает по законам *тыва үе*.

Тувинское время стало проблемой, когда оно столкнулось с другим пониманием временем — представителей других культур. Сегодня, в условиях глобализации и тесного переплетения экономических интересов, влияния мирового рынка, наме-

рений власти вывести регион на путь самообеспечения и социального развития, очевидно, что Тува должна, как и вся Россия, модернизироваться, т. е. осовремениться. Но следует ли тогда считать, что тувинское время является препятствием в этом деле, особенно если мы определяем его как часть культурного сознания? Полагаю, что ответ на этот вопрос лежит в теме использования культурного багажа для модернизации, в сложной, но необходимой методике учета культурных факторов для постановки и решения экономических задач, особо значимых в горизонте стратегического планирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айыжы, Е. В. (2015) Категория «возраст» и отношение к нему в традиционной культуре тувинцев // Казанский педагогический журнал. № 5–12. С. 415–421.

Балакина, Г. Ф., Анайбан З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск : Наука : Сиб. изд. фирма. 137 с.

Безуголова, Н. П. (2015) Культура как экономический феномен (зачем экономике нужна культура?) // Культура и образование. № 2. С. 33–44.

Бортникова, Т. Г. (2017) Отношение ко времени как отражение этнического сознания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 5. С. 27–32.

Вайнштейн, С. И. (1972) Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М. : Наука. 314 с.

Волков Г. Н., Салчак К. Б., Шаалы А. С. (2009) Этнопедагогика тувинского народа. Кызыл : Тываполиграф. 212 с.

Жуковская Н. Л. (2002) Кочевники Монголии : Культура. Традиции. Символика. М. : Восточная литература. 247 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 232 с.

Кононов, А. Н. (1978) Способы и термины определения стран света у тюркских народов // Тюркологический сборник. 1974. М. : Издательство «Восточная литература». 304 с. С. 72–89.

Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу (2002) / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований. 320 с.

Ламажаа, Ч. К. (2010) Тувиноведение: область знания и социальная миссия [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/472> (дата обращения: 16.01.2018).

Льюис, Р. Д. (1999) Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию / пер. с англ. Т. А. Нестика. М. : Дело. 439 с.

Майский, И. М. (1959) Монголия накануне революции. М. : Изд-во восточной литературы. 309 с.

Монгольский мир: между Востоком и Западом (2014) / под ред. Ю. В. Попкова, Ж. Амарсаны. Новосибирск : Автограф. 351 с.

Монгуш, Б. Б. (2015) Истоки двенадцатилетнего животного календаря и его связь с празднованием Шагаа [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/50> (дата обращения: 01.02.2018).

Ондар, М. В. (2017) Стандарты, отражающие время в тувинских героических сказаниях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1. Ч. 2. С. 157–163.

Пространство в традиционной культуре монгольских народов (2008) / Нанзатов Б. З., Николаева Д. А., Содномпилова М. М., Шагланова О. А. М. : Восточная литература. 341 с.

Потапов, Л. В. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823, и 1824 г.г. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф. П. Врангеля (1948) / под общ. ред. Е. Шведе. М. : Издательство Главсевморпути.

Скородумова, Л. Г. (2004) Монгольский язык: образы мира. Улан-Батор: б/и. 328 с.

Сузукей, В. Ю. (2009) Пространство и время в традиционной культуре тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1–2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/669> (дата обращения: 09.02.2018).

Татаринцев, Б. И. (2002) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск : Наука. Т. 2 (Д, Ё, И, Й). 388 с.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир (1988) / Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Новосибирск : Наука. 226 с.

Тувинско-русский словарь. Около 22 тысяч слов (1968) / под ред. Э. Р. Тенишева. М. : Издательство «Советская энциклопедия». 646 с.

Цыбульский, В. В. (1982) Календари и хронология стран мира. М. : Просвещение. 128 с.

Яковлев, В. М. Двенадцатилетний животный цикл в Китае и у древних тюрков [Электронный ресурс] // Синология.Ру. URL: <http://www.synologia.ru/a/Двенадцатилетний%20животный%20цикл%20в%20Китае%20и%20у%20древних%20тюрков> (дата обращения: 09.02.2018).

Hall, E. T. (1966) The hidden dimension. Garden City ; New York : Doubleday. 201 p.

Hall, E. T. (1976) Beyond Culture. Garden City ; New York : Anchor Press. 256 p.

Lewis, R. D. (2006) When cultures collide: managing successfully across cultures. Boston ; London : Nicholas Brealey International. 599 p.

Sen, A. (2004) How Does Culture Matter? // Culture and Public Action / Rao, V. and Walton, M. (Hg.). Stanford : Stanford University Press. P. 37–58.

Дата поступления: 30.03.2018 г.

REFENECES

Aiyzhy, E. V. (2015) Kategoriia «vozrast» i otnoshenie k nemu v traditsionnoi kul'ture tuvintsev [Category of "Age" and the attitude of the Tuvans towards it in the traditional culture]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal*, no. 5–12, pp. 415–421. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Anaiban Z. V. (1995) *Sovremennaia Tuva: sotsiokul'turnye i etnicheskie protsessy* [Contemporary Tuva: socio-cultural and ethnic processes]. Novosibirsk, Nauka, Sib. izd. firma. 137 p. (In Russ.).

Bezuglova, N. P. (2015) Kul'tura kak ekonomicheskii fenomen (zachem ekonomike nuzhna kul'tura?) [Culture as an economic phenomenon: Why does the economy need culture?]. *Kul'tura i obrazovanie*, no. 2, pp. 33–44. (In Russ.).

Bortnikova, T. G. (2017) Otnoshenie ko vremeni kak otrazhenie etnicheskogo soznaniia [Attitude to time a reflection of ethnic consciousness]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 5, pp. 27–32. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1972) *Istoricheskaia etnografiia tuvintsev. Problemy kochevogo khoziaistva* [Historical Ethnography of Tuvans. Problems of nomadic economy]. Moscow, Nauka Publ. 314 p. (In Russ.).

Volkov G. N., Salchak K. B. and Shaaly A. S. (2009) *Etnopedagogika tuvinskogo naroda* [The ethnopedagogy of the Tuvan people]. Kyzyl, Tyvapoligraf. 212 p. (In Russ.).

Zhukovskaia N. L. (2002) *Kochevniki Mongolii : Kul'tura. Traditsii. Simvolika* [Nomads Of Mongolia: Culture. Traditions. Symbolism]. Moscow, Vostochnaia literatura. 247 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev* [Traditional Tuvan culture]. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 232 p. (In Russ.).

Kononov, A. N. (1978) Spособy i terminy opredeleniia stran sveta u tiurkskikh narodov [Methods and terms of finding cardinal directions among the Turkic peoples]. In: *Tiurkologicheskii sbornik. 1974*. Moscow, Vostochnaia literature Publ. 304 p. Pp. 72–89. (In Russ.).

Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuiut obshchestvennomu progressu [Culture Matters: How Values Shape Human Progress] (2002) / L. Harrison and S. Huntington (eds.), transl. from Engl. Moscow, Moskovskaia shkola politicheskikh issledovani. 320 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2010) Tuvinovedenie: oblast' znaniia i sotsial'naia missiia [Tuvan studies as a field of knowledge and as a social mission]. *The New Research of Tuva*, no. 4 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/472> (access date: 16.01.2018). (In Russ.).

Lewis, R. D. (1999) *Delovye kul'tury v mezhdunarodnom biznese. Ot stolknoveniia k vzaimoponimaniuu* [Business Culture in International Business: from Collision to an Understanding] / transl. from Engl. by T. A. Nestik. Moscow, Delo. 439 p. (In Russ.).

Maiskii, I. M. (1959) *Mongoliia nakanune revoliutsii* [Mongolia on the brink of the revolution]. Moscow, Izd-vo vostochnoi literatury. 309 p. (In Russ.).

Mongol'skii mir: mezhdru Vostokom i Zapadom [The Mongolian world: between East and West] (2014) / Iu. V. Popkov and Zh. Amarsany (eds). Novosibirsk, Avtograf. 351 p. (In Russ.).

Mongush, B. B. (2015) Istoki dvenadtsatiletnego zhivotnogo kalendara i ego sviaz' s prazdnovaniiem Shagaa [Origins of the 12-year animal calendar and its connection with the Shagaa festival]. *The New Research of Tuva*, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/50> (access date: 01.02.2018). (In Russ.).

Ondar, M. V. (2017) Standarty, otrazhaiushchie vremena v tuvinskikh geroicheskikh skazaniakh [Standards representing time in the Tuvian heroic legends]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 1, vol. 2, pp. 157–163. (In Russ.).

Potapov, L. V. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev [Essays on the traditional life of Tuvans]*. Moscow, Nauka Publ. 402 p.

Prostranstvo v traditsionnoi kul'ture mongol'skikh narodov [Space in the traditional culture of the Mongolian peoples] (2008) / Nanzatov B. Z., Nikolaeva D. A., Sodnompilova M. M. and Shaglanova O. A. Moscow, Vostochnaia literatura. 341 p. (In Russ.).

Puteshestvie po severnym beregam Sibiri i po Ledovitomu moriu sovershennoe v 1820, 1821, 1822, 1823, i 1824 g.g. ekspeditsiei pod nachal'stvom flota leitenanta F. P. Vrangelia (1948) [The journey along the Northern shores of Siberia and the Arctic sea made in 1820, 1821, 1822, 1823, and 1824 by the expedition under the command of Navy Lieutenant F. P. Wrangel] / ed. by E. Shvede. Moscow, Izdatel'stvo Glavsevmorputi. (In Russ.).

Skorodumova, L. G. (2004) *Mongol'skii iazyk: obrazy mira [Mongolian language: images of the world]*. Ulan-Bator, s.n. 328 p. (In Russ.).

Suzukei, V. Iu. (2009) Prostranstvo i vremena v traditsionnoi kul'ture tuvintsev [Space and time in traditional Tuvan culture]. *The New Research of Tuva*, no. 1–2 [online] Available: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/669> (access date: 09.02.2018). (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (2002) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka [An etymological dictionary of the Tuvan language]*. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2 (Д, Ё, И, Ы). 388 p. (In Russ.).

Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremena. Veshchnyi mir [The traditional worldview of Turkic peoples of South Siberia. Space and time. The outer world] (1988) / ed. by L'vova E. L., Oktiabr'skaia I. V., Sagalaev A. M. and Usmanova M. S. Novosibirsk : Nauka. 226 s.

Tuvinsko-russkii slovar'. Okolo 22 tysiach slov [A Tuvan-Russian dictionary. C. 20,000 words] (1968) / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ. 646 p. (In Russ.).

Tsybul'skii, V. V. (1982) *Kalendari i khronologiiia stran mira [Calendars and chronology of the world]*. Moscow, Prosveshchenie. 128 p. (In Russ.).

Iakovlev, V. M. Dvenadtsatiletnii zhivotnyi tsikl v Kitae i u drevnikh tiurkov [The twelve-year animal cycle in China and among ancient Turks]. *Sinologiiia.Ru* [online] Available at: <http://www.synologia.ru/a/Dvenadtsatiletnii%20zhivotnyi%20tsikl%20v%20Kitae%20i%20u%20drevnikh%20tiurkov> (access date: 09.02.2018). (In Russ.).

Hall, E. T. (1966) *The hidden dimension*. Garden City, New York, Doubleday. 201 p.

Hall, E. T. (1976) *Beyond Culture*. Garden City, New York, Anchor Press. 256 p.

Lewis, R. D. (2006) *When cultures collide: managing successfully across cultures*. Boston; London: Nicholas Brealey International. 599 p.

Sen, A. (2004) *How Does Culture Matter? In: Culture and Public Action* / Rao, V. and Walton, M. (Hg.). Stanford, Stanford University Press. Pp. 37–58.

Submission date: 30.03.2018.

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К. Тувинское время и экономическая культура тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/768> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2018.2.1

For citation:

Lamazhaa Ch. K. "Tuvan time" and economic culture of Tuvans. *The New Research of Tuva*, 2018, no. 2 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/768> (accessed: ...). DOI: 10.25178/nit.2018.2.1

DOI: 10.25178/nit.2018.2.2

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ТУВИНЦЕВ В ГОРИЗОНТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА

Юрий В. Попков

Институт философии права Сибирского
отделения Российской академии наук;
Новосибирский государственный технический
университет, Российская Федерация,

Евгений А. Тюгашев

Новосибирский национальный
исследовательский государственный
университет, Российская Федерация

ECONOMIC CULTURE OF THE TUVANS WITHIN THE SCOPE OF THE SOCIOCULTURAL APPROACH

Yuri V. Popkov

Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences;
Novosibirsk State Technical University,
Russian Federation,

Evgenii A. Tiugashev

Novosibirsk National Research
State University, Russian Federation

Авторы считают, что применительно к периодам социальных перемен понимание культуры как совокупности норм, определяющих социальное поведение, недостаточно и ограничено. В качестве более адекватной концепции они предлагают интерпретировать культуру как конкретно-исторический вариант существования общества в его качественно определенной специфике. Этому соответствует социокультурный подход, в котором речь идет об ансамбле культур, а «социокультурное»

In this article, the authors argue that for the periods of social turmoil, understanding culture as a set of norms controlling social behavior is limited and insufficient. A more adequate approach would involve interpreting culture as a specific historical version of the society's

Попков Юрий Владимирович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (383) 330-22-40. Эл. адрес: yuripopkov54@mail.ru

Тюгашев Евгений Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1. Тел.: +7 (383) 269-67-42. Эл. адрес: filosof10@yandex.ru

Popkov Yuri Vladimirovich, Doctor of Philosophy, Professor; Chief Research Fellow, Institute of Philosophy and Law, Siberian branch, Russian Academy of Sciences; Professor, Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University. Postal address: 8 Nikolaev St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 330-22-40. E-mail: yuripopkov54@mail.ru

Tiugashev Evgenii Aleksandrovich, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Theory and History of Law, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk National Research State University. Postal address: 1 Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 269-67-42. E-mail: filosof10@yandex.ru

понимается как социальное в его культурном разнообразии. Экономическая культура в рамках этого подхода трактуется как качественная специфика отдельного хозяйственного организма, формирование которого определяется локальными условиями его месторазвития. Экономическая культура в ее конкретном своеобразии выступает элементом социокультурного разнообразия.

Рассмотрение экономической культуры тувинцев в горизонте социокультурного подхода и сквозь призму разнообразия позволяет выделить несколько важных аспектов изучения данной темы, слабо представленных в существующем научном дискурсе. Так, акцентировано внимание не только на доминантной кочевой, но и субдоминантных хозяйственных культурах, в рамках которых формировались разные навыки, способности и качества. Если кочевой образ жизни способствовал созерцательности и неспешности, то охота требовала динамизма, земледелие и ремесло — кропотливости и тщательности. Обобщенный экскурс в хозяйственную историю тувинцев позволил сделать вывод, что хозяйственное разнообразие не только обеспечивает устойчивость экономической культуры тувинцев, но и выражает ее вариабельность, способность развиваться в многообразных модификациях. Данная полиморфность выступает важным ресурсом, позволяющим актуализировать резервные пути этнического развития, не всегда очевидные в условиях доминирования того типа экономической культуры, который определял традиционный облик тувинцев. Задействование этого потенциала может составлять важный резерв на будущее.

Обзор этнографических данных позволяет опровергнуть распространенное мнение о том, что тувинцам не свойственна культура запасов. В то же время важнейшей составляющей их экономической культуры выступают ценности жизнеобеспечивающей экономики. Люди являются не только носителями человеческого капитала, но и «благодаря длительному пользованию». Основной целью жизнеобеспечивающей экономики как базового типа экономической системы является производство и воспроизводство человека как высшего блага. В этом отношении экономическую культуру тувинского народа следует признать успешной, поскольку за последнее столетие численность тувинцев выросла более чем в пять раз и Тува лидирует в России по уровню рождаемости.

Показано, что этноэкономическим механизмом выживания и жизнеобеспечения тувинцев является клановость. Известные издержки клановости искупаются, с одной стороны, достигаемой солидарностью и устойчивым развитием наиболее успешного

существования в ее качественной форме. Это отсылает нас к социокультурному подходу, постулирующему культуру как ансамбль, а социокультурное пространство — как социальное в культурном разнообразии. В этом контексте экономическая культура может быть рассмотрена как набор качественных признаков конкретного экономического образования, сформированного в условиях локального развития. Со всеми своими особенностями, экономическая культура является элементом этого социокультурного разнообразия.

Изучение экономической культуры тувинцев сквозь призму социокультурного подхода и этой разновидности разнообразия позволяет выделить несколько важных аспектов этой проблемы, редко затрагиваемых в существующем академическом дискурсе. Следует сделать акцент, например, не только на доминантной кочевой культуре, но и на субдоминантных экономических культурах, которые помогли сформировать ряд навыков и техник. Хотя кочевничество способствовало развитию неторопливой и созерцательной жизни, охота требовала динамизма, а земледелие и ремесла — усердия и тщательности. Краткий обзор экономической истории тувинцев позволил авторам сделать вывод, что экономическое разнообразие обеспечивает устойчивость экономической культуры тувинцев и выражает ее вариабельность, способность развиваться в различных модификациях. Эта полиморфность выступает важным ресурсом, помогающим запускать альтернативные пути этнического развития. Эти пути редко являются очевидными в условиях доминирования того типа экономической культуры, который формировал традиционный образ жизни тувинцев. Использование этого потенциала может стать важным резервом для будущего развития.

Обзор этнографических данных помогает опровергнуть распространенное мнение о том, что тувинцам не свойственна культура запасов. В то же время важнейшей составляющей их экономической культуры выступают ценности жизнеобеспечивающей экономики. Люди являются не только носителями человеческого капитала, но и «благодаря длительному пользованию». Основной целью жизнеобеспечивающей экономики как базового типа экономической системы является производство и воспроизводство человека как высшего блага. В этом отношении экономическую культуру тувинского народа следует признать успешной, поскольку за последнее столетие численность тувинцев выросла более чем в пять раз и Тува лидирует в России по уровню рождаемости.

Статья показывает, что клановая структура тувинского общества выступает как этноэкономический механизм выживания и поддержания. Известные издержки клановости искупаются, с одной стороны, достигаемой солидарностью и устойчивым развитием наиболее успешной группы родства в этносоциальном отборе; а с другой — временным

в этносоциальном отборе родоплеменного коллектива, а с другой стороны, временной стабильностью межклановой ситуации в структуре этноса.

Ключевые слова: тувинцы; этнокультура; экономическая культура; этноэкономика; традиция; социокультурный подход; этнокультурное разнообразие

stability the inter-clan balance brings to the structure of the ethnicity at large.

Keywords: Tuvans; ethnoculture; economic culture; ethnoeconomy; tradition; sociocultural approach; ethnocultural diversity

Социокультурный подход и понятие экономической культуры (вместо введения)

Известно, что успешность изучения конкретной научной проблемы во многом определяется выбором адекватных для этого методологических средств. С учетом многолетнего опыта авторов в исследовании разных составляющих этносоциальных и этнокультурных процессов (Попков, Тюгашев, 2012; Попков, 2016: Электр. ресурс), можно констатировать эвристичность социокультурного подхода для анализа обозначенной проблемы экономической культуры тувинцев. Его возможности уже были продемонстрированы нами в исследовании менталитета тувинцев как важного компонента их культуры (Тюгашев, Попков, 2017: Электр. ресурс).

В самом общем виде социокультурный подход предполагает рассмотрение общества как единства культуры и социальности, формируемого в процессе и в результате деятельности активности человека. Такое определение является широкораспространенным, хотя соотношение культурного и социального понимается по-разному.

Наиболее известна трактовка культуры как совокупности норм, определяющих социальное поведение. В рамках данной трактовки экономическая культура характеризуется как система норм, правил и образцов, ценностей и обуждений экономического поведения (Throsby, 2001: 3–4). Определение степени соответствия текущего экономического поведения установленным нормам позволяет оценить «уровень его культурности» и при необходимости скорректировать это поведение.

Такое понимание культуры удовлетворительно в ситуации устоявшейся экономической системы, особенно в рамках стабильно функционирующего традиционного хозяйства. Вместе с тем в процессе экономического развития часто возникает потребность в изменении экономических норм и формировании хозяйственно-поведенческих альтернатив. Эта потребность возникает либо в случае контакта различных экономик, либо в случае модернизации, когда пересмотр норм хозяйствования становится повседневной рутинной. С точки

зрения понимания экономической культуры как совокупности норм трудно объяснить как различие этих норм в разных экономиках, так и основания корректировки самих норм.

Динамику культуры в эпоху перемен более удовлетворительно описывает другая концепция, определяющая культуру как конкретно-исторический вариант существования общества в его качественно определенной специфике. Именно такое общественно-историческое понимание поддерживается ЮНЕСКО (Всеобщая декларация ЮНЕСКО ... , Электр. ресурс). Культура характеризуется ЮНЕСКО как элемент культурного разнообразия человечества. Утверждается, что культура должна рассматриваться как совокупность присущих обществу (или социальной группе) отличительных признаков. Соответственно, в развитой на основе данного определения культуры интерпретации социокультурного подхода общество понимается как ансамбль культур, а социокультурное — как социальное в его культурном разнообразии (Попков, Тюгашев, 2012).

Предпочтительность общественно-исторического понятия культуры определяется тем, что данное понятие объясняет факт разнообразия и специфики отдельных культур адаптивностью конкретного общества к природному и культурно-историческому ландшафту. И эта адаптация осуществляется, прежде всего, в процессе хозяйственной деятельности. Конкретные параметры ландшафта местообитания определяют преобладающий хозяйственно-культурный тип, в том числе специфические для него нормы хозяйственной деятельности.

Таким образом, экономическую культуру предлагается понимать как качественную специфику отдельного хозяйственного организма. Эта специфика определяется локальными условиями его месторазвития. В свою очередь, экономическая культура в ее конкретном своеобразии является элементом социокультурного разнообразия человечества.

Экономическая культура тувинцев через призму разнообразия

В оптике социокультурного подхода экономическая культура тувинцев описывается как этноспецифическая культура — в сопоставлении с хозяйственными культурами других народов. В то же время сама она обладает внутренним этнокультурным разнообразием, обусловленным различиями этнотерриториальных групп тувинцев, проживающих в разных природных и культурно-исторических ландшафтах. Так, С. И. Вайнштейн выделял хозяйственно-культурные типы охотников-оленоводов, охотников-скотоводов и скотоводов (Вайнштейн, 1991: 293). Это разнообразие не только обеспечивало устойчивость экономической культуры тувинцев, но и выражало ее вариабельность, способность развиваться в многообразных модификациях.

Данная полиморфность выступает важным ресурсом, позволяющим актуализировать резервные, запасные пути этнического развития, не всегда очевидные в условиях актуального доминирования того типа экономической культуры, которая определяла традиционный облик тувинцев.

Экономическая культура тувинцев обычно описывается как культура кочевого хозяйства. В ракурсе социокультурного подхода представляется существенным тот исторический факт, что кочевое скотоводство было главным, но не единственным видом хозяйственной деятельности тувинцев. Традиционное тувинское хозяйство было многоотраслевым и в зависимости от конкретных природно-климатических условий включало также присваивающие формы хозяйства (охоту, рыболовство и собирательство), оленеводство, земледелие, домашнее производство и ремесло.

Хотя, как отмечала Е. Д. Прокофьева, многие районы Тувы не знали земледелия, оно было представлено у чаданских земледельцев и каахемских Салчаков, которые обменивались зерном с другими группами тувинцев (Прокофьева, 2011: 165). Значимость земледелия была настолько велика, что в череде календарных народных праздников отмечались особые земледельческие праздники: суг бажы дагыыры (освящение начала реки), буга бажы дагыыры (освящение начала канала) (Кужугет, 2006: 90–93).

Следует обратить внимание, что в средневековой Туве большое развитие получили горное дело, металлургия и кузнечное ремесло. Здесь осваивали железную руду, медь, серебро, золото и олово (Кызласов, 1969: 46). Кроме того, добывали соль, каменный уголь, строительные материалы (камень, алебастр, гипс, глины) (История Тувы, 2001: 168). Но хозяйственные традиции, связанные с данными видами деятельности, со временем могли утрачиваться. Так, к началу XX века в Туве насчитывалось не более 100 кузнецов, хотя в монгольский период создавались целые ремесленно-хлебопашеские поселения и города с большим количеством соответствующих специалистов (там же: 237).

Таким образом, традиционное хозяйство тувинцев имело комплексный характер, что было существенным для его устойчивого функционирования. Например, Л. П. Потапов писал о том, что хозяйственный комплекс тувинцев включал пастбищное табунное скотоводство, охоту на мясного и пушного зверя, мелкое земледелие с небольшими посевами ячменя и проса, сбор и заготовку диких съедобных корней и растений. «Устойчивость комплекса проявлялась и в том, что ведущее значение в нем имело скотоводство в сочетании с охотой, в то время как земледелие носило подсобный характер, — отмечал он. — Соединение этой хозяйственной триады с мелкой домашней промышленностью, обеспечивающей поддержание технической базы комплексного хозяйства и переработку его продукции, делало такое хозяйство жизнеспособным и устойчивым и позволило при помощи коллективных усилий, сочетающихся с индивидуальным трудом, максимально освоить в хозяйственном отношении

разнообразную по ландшафту огромную территорию и обеспечить здесь обитание человека и развитие его культуры» (Потапов, 1969: 82).

Очевидно, что многоотраслевой характер традиционного хозяйства требовал от занятых в этих отраслях тувинцев особых и разнообразных умений и качеств. Если кочевой образ жизни формирует созерцательность и неспешность, то охота требовала динамизма, земледелие и ремесло — кропотливости и тщательности. Различия в трудовой культуре определяли и особенности экономических взаимоотношений. Поэтому наряду с доминантной кочевой культурой тувинцев необходимо выделять сопутствующие ей субдоминантные хозяйственные культуры, которые в определенных исторических условиях могли иметь существенное значение.

Значимость обозначенных хозяйственных традиций, на наш взгляд, не стоит преуменьшать. По крайней мере, следует учитывать их устойчивость и преемственность. Важным в данном отношении представляется заключение А. К. Кужугет, которая подчеркивает, что тувинцы унаследовали от скифов, гуннов, тюрков, монголов сложнейшую технику обработки металлов — литье, ковку, резьбу по золоту, бронзе, железу (Кужугет, 2010: 16). Несомненно, благодаря этому среди тувинцев сохранился и тот тип работника, который способен к монотонному труду, хотя такой труд для тувинцев в целом и в настоящее время малопривлекателен (Балакина, Кылыгдай, 2015: 31, Электр. ресурс).

Культура запасов

Одним из принципов социокультурного подхода является социокультурная чувствительность, которая позволяет оценить значение малозаметных деталей культуры. Например, стереотипным кажется следующее наблюдение Ч. К. Ламажаа: «Мы не привыкли делать запасы, так как всегда жили сегодняшним днем, и считаем остальные народы, умеющие делать накопления, — жадными...» (Ламажаа, 2011: 333). Б. А. Мышлявцев также констатирует: «Вообще склонность русских делать запасы многими тувинцами оценивается отрицательно. Такое качество, как запасливость, в тувинской культуре оценивается негативно...» (Мышлявцев, 2009: Электр. ресурс).

Но детальное рассмотрение хозяйственной культуры различных субэтнических групп тувинцев выявляет многообразные практики запасания добытых или произведенных продуктов (Тюркские народы ..., 2008: 76–95).

Так, на зиму путем сушки и заморозки, а также другими способами консервации создавались большие запасы молока, кумыса, мяса домашних и диких животных, костей, рыбы, дикорастущих растений (дикая редька, луковицы сараны и кандыка, корни живородной гречихи и дикого пиона), ягод черемухи. Примечательно, что корни живородной гречихи добывали,

раскапывая норки полевых мышей, где хранились сделанные ими запасы (там же: 95). Молочные продукты также использовались в виде сухих жирных пенок, масла (в т. ч. замороженного), сухого сыра. Летом мясо вялилось, а из рыбы делали рыбную муку. В хозяйствах западных тувинцев создавались запасы проса и ячменя.

Следовательно, этнографические данные не подтверждают распространенное мнение о том, что тувинцы не привыкли делать запасы. Действительно, сезонно обусловленная цикличность хозяйственной деятельности создавала определенные излишки продуктов, что позволяло поддерживать жизнеобеспечение на привычном уровне на всех фазах пищевого цикла. Вместе с тем, не все группы тувинцев имели эти излишки. Отмечается, что в традиционном тувинском обществе бедняцкие хозяйства не имели возможности делать достаточные запасы мяса и молочных продуктов (там же: 78). Кроме того, в силу особенностей хозяйственно-культурного типа охотники-оленоводы не замораживали мясо впрок, но создавали на зиму большие запасы дикорастущих растений (там же: 93). Исследователи указывают, что именно в охотничье-оленоводческой культуре тоджинцев осуждалась добыча зверя и рыбы сверх необходимого количества. И при этом подчеркивается, что из-за коммерческих интересов другие тувинцы в этом отношении мало отличаются от русских (там же: 195–196).

Таким образом, очевидно, что тувинцы умеют запасать впрок и накапливать необходимые продукты питания. Это означает, что они способны реализовывать долгосрочные экономические стратегии.

Жизнеобеспечивающая экономика

Важной составляющей социокультурного подхода является принцип социокультурной относительности, согласно которому развитие общества как ансамбля культур обеспечивается соотносящимися, противоположными и дополняющими ценностными ориентациями. Так, если экономическая культура Запада ориентирована на производство вещей, то на Востоке преобладает эволюционно более значимая ориентация на рост жизненного потенциала. Для тувинцев главное богатство заключается не в вещах, а в людях, прежде всего в детях.

Исследователями отмечается традиционное детолюбие тувинцев. Ребенок, пишет Ч. К. Ламажаа, в тувинских традициях «это любимый родной маленький человечек, средоточие надежд и чаяний для родителей: продолжатель рода, мерило семейного богатства, благополучия, залог счастливой старости для человека. Это одна из главных ценностей в тувинской культуре» (Ламажаа, 2015: Электр. ресурс). Не случайно тувинские обрядовые благопожелания часто

содержат пожелание иметь многочисленное потомство.

Положительно оценивая эту традицию, Ч. К. Ламажаа полагает, что важно отказаться от современной ориентации на человеческую жизнь как средство экономического развития. «Процветание должно основываться на обратной формуле: человеческая жизнь — цель, экономика — средство» — подчеркивает она (Ламажаа, 2011: 309).

Мы склонны акцентировать более сложный характер отношения: человек (и его жизнь) — экономика. Человеческую жизнь в целом вряд ли верно выносить за скобки экономики, поскольку последняя есть в конечном итоге цель и продукт комплексной системы экономической деятельности.

Говоря о богатстве как цели экономической деятельности, экономисты не всегда отдают себе отчет в том, что главным богатством является человек. Он не только носитель человеческого капитала, но и «благо длительного пользования». В обществе производство материальных благ есть прежде всего производство человека как высшего блага. Это основная цель жизнеобеспечивающей экономики как базового типа экономической системы, для которой традиционная, рыночная, командная и другие типы экономических систем выступают лишь средствами.

Напомним, что обширную программу приращения общей пользы государства на основе сохранения и размножения российского народа в свое время выдвинул М. В. Ломоносов. Великий русский мыслитель полагал, что в многочисленном трудоспособном населении заключено «величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей» (Ломоносов, 1956: 384). Поэтому умножение народонаселения составляет конечный результат экономической деятельности этноса, обеспечивающей его эволюционный успех.

В аспекте жизнеобеспечения тувинскую экономическую культуру следует признать достаточно успешной. С 2015 г. Тува лидирует в России по уровню рождаемости. За последние 100 лет численность тувинцев в Туве (в регионе исконного расселения) выросла более чем в 5 раз: с 48 тыс. чел. в 1918 году до 249 тыс. в 2010 году. Немногие народы в России добились за данный период такого успеха.

С учетом данного обстоятельства, следует признать справедливым мнение Ч. К. Ламажаа о том, что тувинская культура также является производительной (Ламажаа, 2011: 308). По ее оценке, в ней заложены ценности, которые не противоречат идеям процветания и улучшения благосостояния членов социума. Действительно, результаты различных опросов показывают, что старшее поколение и молодежь Тувы по-прежнему признает важность таких базовых ценностей, как семья, здоровье, материальный достаток, образование (Седен, 2017: 56; Татарова, 2016: Электронный ресурс). Это ценности жизне-

обеспечивающей экономики, безусловно важной для экономической культуры тувинцев.

Сакральная экономика

Ведущими экономическими отношениями жизнеобеспечивающей экономики признаются дележно-коммуналистические отношения — кормление и даче-дележ (Семенов, 2014: 224–306). Добываемый жизнеобеспечивающий продукт подлежит разделу (дележу), в том числе среди тех, кто не способен прокормить себя сам.

Такой порядок жизнеобеспечения существует и в традиционной экономической культуре тувинцев. Так, Б. А. Мышлявцев пишет: «Охотник не должен пользоваться тем, что посылает ему хозяин тайги, для личного обогащения, он должен поделиться добычей с другими. Того, кто не делится, могли наказать и люди, и духи-хозяева» (Мышлявцев, 2009: Электр. ресурс). Действительно, тувинцы делили добычу между всеми участниками охотничьей артели поровну, о чем свидетельствуют этнографы середины XX века (Потапов, 1969: 126). У скотоводов отмечался обычай наделять родственников и соседей мясом убойных животных и некоторыми молочными продуктами (там же: 183–192). Ч. К. Ламажаа указывает, что в хозяйственной народной этике порицается тот, кто не делится частью своего богатства с родственниками, с бедными (Ламажаа, 2011: 292). И она приводит известный тувинский принцип, записанный Е. К. Яковлевым: «Тебе оран (*Вселенная; земля и небо.* — Ч. Л.) дает, почему ты не даешь, сегодня тебе дал, завтра мне даст, тогда я поделюсь» (там же; курсив источника. — Ю. П., Е. Т.; см. также: Яковлев, 1900: 67).

По мнению Б. А. Мышлявцева, когда данный принцип не соблюдается, то тувинцы оценивают это как жадность и нарушение базового экономического порядка. Соответственно, изъятие избыточного имущества у обеспеченных людей, особенно у приезжих, в форме воровства или грабежа тувинцы могут воспринимать как справедливые действия по восстановлению нарушенного порядка и возвращению положенной им доли. Эта практика квалифицируется в традиционной правовой культуре не как преступление, а как правосудие и наказание от лица духов-хозяев местности (Мышлявцев, 2009: Электр. ресурс).

Покровительство духов-хозяев местности необходимо для успешной хозяйственной деятельности во всех архаических и традиционных культурах. Последние покровительствуют прежде всего местным жителям. Например, по сообщению информатора Б. А. Мышлявцева, Хозяйка Монгун-Тайги гневается, если приезжают и собирают много растений с целью обогащения не только русские, но и тувинцы из соседних районов (Мышлявцев, 2009: Электр. ресурс). Духов необходимо уважать, спрашивать разрешения для местопребывания

и ведения хозяйственной деятельности, кормить, одаривать и приносить жертвы. Так, в Каргалинском горнометаллургическом центре эпохи неолита существовали сакральные траншеи и штольни, жертвенные ямы и другие святилища (Каргалы ..., 2002: 56–81).

В Туве сохраняется архаическая традиция почитания священных гор. Хотя на священные горы тувинцы старались не ходить, тем не менее, было возможно посещение гор, на которых находились святилища (Тюркские народы..., 2008: 135). Как показывает история горного дела, в том числе в древней и средневековой Туве, вполне возможно заключение контракта с духами-хозяевами гор и безопасная добыча полезных ископаемых на основе сложившихся традиций (Ооржак, 2015: Электр. ресурс). Так, при добыче агальматолита тувинцы совершали следующий ритуал – у горы с целью умиловить духов священного места брызгали молоком во все четыре стороны света (Иргит, 2016: 74).

По-видимому, развитие горнопромышленного комплекса Тувы также должно сопровождаться мифоритуальным обеспечением. Такое обеспечение может существенно поднять сакральный статус данной отрасли хозяйственной деятельности, гарантировать не только ее легитимацию, но и духовное верховенство. Ведь хорошо известно, что в ряде племен традиционных культур Африки кузнецы были вождями. В Туве кузнецы также находились в почете, воспевались в эпосе и соперничали с шаманами (Вайнштейн, 1973: 81).

Традиция вариабельна и разнообразна. Бережное отношение к природе не исключает ее использования. Социокультурный подход позволяет не только выявить значимые различия в культуре, но и выделить ее субдоминантные типы. Он ориентирует на возможную и даже неизбежную инверсию, циклическую смену типов культуры и безусловное задействование архаических социокультурных ресурсов в модернизации.

В ремифологизации горнорудного дела можно опираться на традицию, согласно которой даже представитель светской власти не может оторвать кузнеца от работы, поскольку «кузнечное мастерство старше» (Отчет агронома ..., 2002: 187). Культ священных гор также может содействовать использованию архаических религиозно-мифологических ресурсов в легитимации промышленной модернизации Тувы в массовом сознании населения.

Экономика этнической идентичности

Единство социокультурной идентичности населения в настоящее время рассматривается как важный экономический ресурс (Akerlof, Kranton, 2010; Campbell, Hall, 2009). Общность идентичности не номинальна, а выражается в целостности социального тела как корпорации. Она гарантирует взаимное доверие и взаимопонимание, позволяет избегать дополнительных издержек

на контроль и обеспечение безопасности, формирует устойчивую мотивацию хозяйственной деятельности.

В жизнеобеспечивающей экономике общность этнической идентичности формировалась, как правило, при проведении родоплеменных праздников в совместном потреблении ритуальной пищи. Общность еды порождала родство по пище, единство тела и единого духа, единую личность и единую идентичность соплеменников, образующих коллективное «Я».

Неотъемлемым элементом ритуалов, объединяющих родоплеменные коллективы тувинцев, является участие в нем духов-хозяев местности. А поскольку именно духи-хозяева являются старшими, то они отвечают за младших и являются подателями благ. Тем самым они являются фактически главами родоплеменных кланов. Поэтому тувинец — «сын гор, дитя рек» (Ламажаа, 2011: 327), но следует подчеркнуть — что он сын разных гор и рек, которые являются прародителями. В рамках кланов решается проблема жизнеобеспечения как отдельных родов, так и родов, принадлежащих к одной территориальной общности, символизируемой и идентифицируемой соответствующими духами-хозяевами местности.

Как известно, клан — это патрилинейная родственная группа, решающая проблему коллективного выживания. Признаками клана как формы социально-экономической организации являются территориальная наследственная клановая собственность, внутриклановая экономическая взаимопомощь, самоидентификация его членов по происхождению от общего мифического первопрародителя, которым был бог или культурный герой. В условиях буржуазной или социалистической модернизации значение клановых связей не уменьшалось, а, наоборот, увеличивалось, как отмечают исследователи феномена клановости (см. обзор: Апрыщенко, 2006: 29–30).

Издержки клановости искупались, с одной стороны, достигаемой солидарностью и устойчивым развитием наиболее успешного в этносоциальном отборе родового организма коллектива, а с другой стороны, временной стабильностью межклановой ситуации в структуре этноса. В контексте сакральной экономики достигнутое каким-либо кланом верховенство следует интерпретировать не просто как несправедливую узурпацию привилегий, а как общественно признанное выражение объективного верховенства идентифицирующего его духа-хозяина, его протекции как более мощного покровителя и подателя благ по сравнению с другими духами-хозяевами.

Для снятия издержек клановости, на наш взгляд, недостаточно волевого, личностно и морального обусловленного расширения радиуса доверия, как полагает Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2011: 289). Все же следует исходить из того, что «просто так тувинские коллективные «Я» друг друга не возлюбят» (там же: 288). Исторический опыт показывает, что клановые системы трансформируются

вследствие объективных процессов разрастания и сегментации доминирующего клана, его застоя и загнивания на фоне ускоренного демографического роста соперничающих кланов, диверсификации экономики и формирования альтернативных «кормовых» площадок для других кланов. В пределах одного клана эффективна ротация кадров, оптимизирующая их использование и в то же время консолидирующая клан и укрепляющая его позиции. Привязанность кланов к определенным территориям и территориально обусловленные различия хозяйственно-культурных типов объективно формируют общую платформу для сотрудничества и формирования межклановых союзов. Такие союзы становятся экономической основой интеграции этноса тувинцев как социокультурного целого.

Социокультурная сложность экономической культуры тувинцев (вместо заключения)

Социокультурный подход выражается в ряде принципов, реализация которых раскрывает единство и противоречивое взаимодействие культур, одна из которых является господствующей стороной взаимодействия, а другая — подчиненной стороной. Согласно принципу социокультурного различия, общество как целое несводимо к одной культуре. Последняя всегда сосуществует с контркультурой и опирается на нее как на дополняющий способ адаптации и развития, который со временем может стать ведущим. Принцип социокультурной чувствительности требует обращать внимание на факты культуры, которым не придается значения в рамках сложившихся стереотипов. А эти стереотипы, как гласит принцип социокультурной относительности, абсолютизируют ценностные ориентации представителей конкретной культуры с ее горизонтом видения. Относительность культур определяет возможность социокультурной инверсии и предполагает циклическую смену типов культуры. Но эта смена происходит в рамках одного социокультурного целого и укрепляет его идентичность.

Горизонт социокультурного подхода дает возможность осуществить переоценку известных фактов, характеризующих экономическую культуру тувинцев. Констатация разнообразия хозяйственно-культурных типов и многоотраслевого характера традиционной тувинской культуры позволяет обратить внимание на реализацию потенциала тех ее форм, которые актуальны в современном мире. Учет социокультурной чувствительности помогает заметить практику образования запасов в рамках пищевых циклов. Повсеместность этой практики опровергает миф о неспособности тувинцев к долгосрочному планированию. Принцип социокультурной относительности смещает фокус внимания с инструментальных ценностей рыночной экономики

на эволюционно более перспективные и экономически оправданные ценности жизнеобеспечивающей экономики. Принцип социокультурной инверсии позволяет понять сохраняющие свое значение мифоритуальные механизмы сакральной экономики. Известный феномен клановости в свете принципа социокультурной идентичности выглядит как объективно существующий и относительно оптимальный социоэкономический институт, обеспечивающий этносоциальный отбор. Таким образом, стратегию и тактику развития экономической деятельности тувинцев важно разрабатывать с учетом ее социокультурной сложности и нелинейной динамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апрыщенко, В. Ю. (2006) Клановая система Горной Шотландии: традиции и модернизация. Ростов н/Д: Изд-во Рост, ун-та. 320 с.

Балакина, Г. Ф., Кылгыдай, А. Ч. (2015) Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве. Кызыл: ТувИКОПР СО РАН. 160 с. [Электронный ресурс] // ИПЦ. URL: http://ipc-publisher.ru/monographs.aspx?id_mn=22 (дата обращения: 12.03.2018).

Вайнштейн, С. И. (1972) Историческая этнография тувинцев: проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука. 314 с.

Вайнштейн, С. И. (1973) История народного искусства Тувы. М. : Наука. 223 с.

Вайнштейн, С. И. (1991) Мир кочевников центра Азии. М.: Наука. 296 с.

Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 02.02.2016).

Иргит, А. К. (2016) Этнопедагогика камнерезного искусства. Технологические приемы и способы художественной обработки агальматолита // Этнокультурное содержание образования. Материалы первых салчаковских этнопедагогических чтений / сост. Г. Д. Сундуй, А.-Ч. В. Куулар. Кызыл : ИПО «Билиг». С. 73–75.

История Тувы : в 2 т. (2001) / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск : Наука. Т. I. 367 с.

Каргалы. Том II. Горный — поселение эпохи поздней бронзы. Топография, литология, стратиграфия. Производственно-бытовые и сакральные сооружения. Относительная и абсолютная хронология (2002) / сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. М. : Языки славянской культуры. 184 с.

Кызласов, Л. Р. (1969) История Тувы в средние века М. : Изд-во МГУ. 214 с.

Кужугет, А. К. (2006) Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. Кемерово: КемГУКИ. 320 с.

Кужугет, А. К. (2010) Художественные традиции тувинцев // Вестник Тывинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 1. С. 14–22.

Ламажаа, Ч. К. (2011) Тува между прошлым и будущим. СПб. : Алетейя. 368 с.

Ламажаа, Ч. К. (2015) Ребенок в тувинской культуре [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/47> (дата обращения: 12.02.2018).

Ломоносов, М. В. (1956) О сохранении и размножении русского народа // Ломоносов М. В. Собрание сочинений. М. : Изд-во АН СССР. Т. 6. С. 381–404.

Мышлявцев, Б. А. (2009) Нормативная культура тувинцев (конец XX — начало XXI в.) [Электронный ресурс] // Samlib.ru. URL: http://samlib.ru/m/myshljawcew_boris_aleksandrowich/tuva-1.shtml (дата обращения: 02.05.2017).

Ооржак, В. О. (2015) Экологические особенности традиционных способов добычи чонар-даша [Электронный ресурс] / Региональная экономика: технологии, экология и инфраструктура / отв. ред. докт. экон. наук Г. Ф. Балакина. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. С. 272–279 // ИПЦ. [http://ipc-publisher.ru/Admin/files/collections/2015-konf-mk\(pdf-postateino/2015_10_OorzhakVO_272-279.pdf](http://ipc-publisher.ru/Admin/files/collections/2015-konf-mk(pdf-postateino/2015_10_OorzhakVO_272-279.pdf) (дата обращения: 02.05.2017).

Попков, Ю. В. (2016) Этносоциальные процессы в Сибири: актуальные вопросы теории и практики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/92> (дата обращения: 10.03.2018).

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2012) Социокультурное движение в гуманитарном сообществе и социокультурный подход // Вестник НГУ. Сер.: Философия. Т. 10. Вып. 3. С. 58–63.

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Прокофьева, Е. Д. (2011) Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб. : Наука. 538 с.

Седен, А. В. (2017) Проблемы трудовой социализации молодежи Республики Тыва // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 1. С. 52–63.

Семенов, Ю. И. (2014) Происхождение и развитие экономики: от первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). М. : URSS ; КРАСАНД. 717 с.

Татарова, С. П. (2016) Ценностные ориентации населения Республики Тыва (по материалам опроса жителей сел и городов) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/70> (дата обращения: 12.03.2018).

Отчет агронома Турчанинова А. А. за 1915–1916 гг. (2002) // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX – начало XX века) / Подготовка текстов, предисловие и комментарий А. К. Кужугет. Кызыл: Тувинское книжное издательство. С. 175–194.

Тюгашев, Е. А., Попков, Ю. В. (2017) Менталитет тувинцев в горизонте социокультурной феноменологии Питирима Сорокина [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/723> (дата обращения: 10.03.2018). DOI: 10.25178/nit.2017.3.1.

Тюркские народы Восточной Сибири (2008) / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Алексеев. М. : Наука. 422 с.

Яковлев, Е. К. (1900) Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск.

Akerlof, G. A., Kranton, R. E. (2010) *Identity Economics: How our identities shape our work, wages, and well-being*, Princeton, New York : Princeton University Press. 185 p.

Campbell, J. L., Hall, J. A. (2009) National identity and the political economy of small states // *Review of International Political Economy*. 16: 4. P. 547–572. DOI: 10.1080/09692290802620378

Throsby, D. (2001) *Economics and Culture*. New York : Cambridge University Press. 208 p.

Дата поступления: 15.03.2018 г.

REFERENCES

Apryshchenko, V. Iu. (2006) *Klanovaia sistema Gornoj Shotlandii: traditsii i modernizatsiia [The clan system of the Scottish highlands: traditions and modernization]*. Rostov n/D: Rostov State University Publ. 320 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2015) *Etnoregional'nye modeli adaptatsii k rynku truda v Tuve*. Kyzyl: TuvIKOPR SO RAN. 160 s. [Ethno-regional models of adaptation to the labour market in Tuva. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 160 p.]. IPTs [online] Available at: http://ipc-publisher.ru/monographs.aspx?id_mn=22 (access date: 12.03.2018). (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1972) *Istoricheskaia etnografiia tuvintsev: problemy kochevogo khoziaistva [The Historic Ethnography of Tuvans: Problems of a Nomadic Economy]*. Moscow, Nauka. 314 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1973) *Istoriia narodnogo iskusstva Tuvy [History of folk art in Tuva]*. Moscow, Nauka. 223 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1991) *Mir kochevnikov tsentra Azii [The world of nomads of the center of Asia]*. Moscow, Nauka. 296 p. (In Russ.).

Vseobshchaia deklaratsiia IuNESKO o kul'turnom raznoobrazii [UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity]. *UNESCO* [online] Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (access date: 02.02.2016). (In Russ.).

Irgit, A. K. (2016) Etnopedagogika kamnereznogo iskusstva. Tekhnologicheskie priemy i sposoby khudozhestvennoi obrabotki agal'matolita [Ethnopedagogics of the art of stone-cutting. Techniques of artistic processing of agalmatolite]. In: *Etnokul'turnoe sodержanie obrazovaniia. Materialy pervykh salchakovskikh etnopedagogicheskikh chtenii [Ethno-cultural content of education. Proceedings of the 1st Salchak ethno-pedagogical readings]* / comp. by G. D. Sundui and A.-Ch. V. Kuular. Kyzyl, IPO «Bilig». Pp. 73–75. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History Of Tuva] : in 2 vols. (2001) / ed. by S. I. Vainshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. Vol. I. 367 p. (In Russ.).

Kargaly. Tom II. Gornyi — poselenie epokhi pozdnei bronzy. Topografiia, litologiia, stratigrafiia. Proizvodstvenno-bytovye i sakral'nye sooruzheniia. Otnositel'naia i absolutnaia khronologiia [Kargaly. Volume II. Mountain settlement of the late Bronze age. Topography, lithology, stratigraphy. Workshops, domestic and sacred buildings. Relative and absolute chronology] (2002) / comp., ed. by E. N. Chernykh. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. 184 p. (In Russ.).

Kyzlasov, L. R. (1969) *Istoriia Tuvy v srednie veka [The History of Tuva in the Middle Ages]*. Moscow, Izd-vo MGU. 214 p. (In Russ.).

Kuzhuget, A. K. (2006) *Dukhovnaia kul'tura tuvintsev: struktura i transformatsiia [Spiritual culture of Tuvans: structure and transformation]*. Kemerovo, KemGUKI. 320 p. (In Russ.).

Kuzhuget, A. K. (2010) Khudozhestvennyye traditsii tuvintsev [Artistic traditions of Tuvans]. *Vestnik Tyvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, no. 1, pp. 14–22. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2011) *Tuva mezhdu proshlym i budushchim [Tuva between the past and the future]*. St. Petersburg, Aleteiia. 368 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2015) Rebenok v tuvinskoi kul'ture [A child in the Tuvan culture]. *The New Research of Tuva*, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/47> (access date: 12.02.2018). (In Russ.).

Lomonosov, M. V. (1956) O sokhraneni i razmnozhenii rossiiskogo naroda [On the preservation and reproduction of the Russian people]. In: Lomonosov M. V. *Sobranie sochinenii [Collected works]*. Moscow, AN SSSR Publ. Vol. 6. Pp. 381–404. (In Russ.).

Myshliavtsev, B. A. (2009) Normativnaia kul'tura tuvintsev (konets XX — nachalo XXI v.) [The normative culture of the Tuvans in late 20th and early 21st century]. *Samlib.ru* [online] Available at: http://samlib.ru/m/myshljawcew_boris_aleksandro-wich/tuva-1.shtml (access date: 02.05.2017). (In Russ.).

Oorzhak, V. O. (2015) Ekologicheskie osobennosti traditsionnykh sposobov dobychi chonar-dasha [Environmental features of the traditional methods of production of chonar-Dasha]. In: *Regional'naiia ekonomika: tekhnologii, ekologiia i infrastruktura [Regional economy: technologies, ecology and infrastructure]* / ed. by G. F. Balakina. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. Pp. 272–279. *IPTs* [online] Available at: [http://ipc-publisher.ru/Admin/files/collections/2015-konf-mk\(pdf-postateino/2015_10_Oorzhak-VO_272-279.pdf](http://ipc-publisher.ru/Admin/files/collections/2015-konf-mk(pdf-postateino/2015_10_Oorzhak-VO_272-279.pdf) (access date: 02.05.2017). (In Russ.).

Popkov, Iu. V. (2016) Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri: aktual'nye voprosy teorii i praktiki [Ethnosocial processes in Siberia: topical issues of theory and practice]. *The New Research of Tuva*, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/92> (access date: 10.03.2018). (In Russ.).

Popkov, Iu. V. and Tiugashev, E. A. (2012) Sotsiokul'turnoe dvizhenie v gumanitar-nom soobshchestve i sotsiokul'turnyi podkhod [The sociocultural movement in the humanities' community and the sociocultural approach]. *Vestnik NGU, Issue Filo-sofiia*, vol. 10, no. 3, pp. 58–63. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev [Essays on the traditional life of Tuvans]*. Moscow, Nauka. 402 p. (In Russ.).

Prokof'eva, E. D. (2011) *Protsess natsional'noi konsolidatsii tuvintsev [The Process of National Consolidation of the Tuvans]*. St. Petersburg, Nauka. 538 p. (In Russ.).

Seden, A. V. (2017) Problemy trudovoi sotsializatsii molodezhi Respubliki Tyva [The problems of labour socialization of youth of the Republic of Tuva]. *Vestnik Tuvin-skogo gosuniversiteta. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, no. 1, pp. 52–63. (In Russ.).

Semenov, Iu. I. (2014) *Proiskhozhdenie i razvitie ekonomiki: ot pervobytnogo komunizma k obshchestvam s chastnoi sobstvennost'iu, klassami i gosudarstvom (drevne-vostochnomu, antichnomu i feodal'nomu) [Origin and development of the economy: from primitive communism to societies with private property, classes and the state (ancient Eastern, ancient and feudal)]*. Moscow, URSS; KRASAND. 717 p. (In Russ.).

Tatarova, S. P. (2016) Tsennostnye orientatsii naseleniia Respubliki Tyva (po materialam oprosa zhitelei sel i gorodov) [Value orientations of the population of the Republic of Tuva: A study of an opinion poll of urban and rural residents]. *The New Research of Tuva*, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/70> (access date: 12.03.2018). (In Russ.).

Otchet agronoma Turchaninova A. A. za 1915–1916 gg. [Report of agronomist Turchaninov A. A. for 1915–1916] (2002). In: *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev glazami inostrantsev (konets XIX – nachalo XX veka) [Traditional culture of Tuvans through the*

eyes of foreigners: late 19th - early 20th century) / preparation of texts, preface and commentary by A. K. Kuzhuget. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. Pp. 175–194. (In Russ.).

Tiugashev, E. A. and Popkov, Yu. V. (2017) Mentalitet tuvintsev v gorizonte sotsiokul'turnoi fenomenologii Pitirima Sorokina [Mindset of Tuvans in terms of Pitirim Sorokin's cultural phenomenology]. *The New Research of Tuva*, no. 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/723> (access date: 10.03.2018). DOI: 10.25178/nit.2017.3.1 (In Russ.).

Tiurkskie narody Vostochnoi Sibiri [The Turkic peoples of Eastern Siberia] (2008) / ed. by D. A. Funk and N. A. Alekseev. Moscow, Nauka. 422 p. (In Russ.).

Iakovlev, E. K. (1900) *Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniia doliny Iuzhnogo Eniseia i ob'iasnitel'nyi katalog etnograficheskogo otdela muzeia [Ethnographic review of the foreign population of the southern Yenisei valley and explanatory catalogue of the ethnographic Department of the Museum]*. Minusinsk. (In Russ.).

Akerlof, G. A. and Kranton, R. E. (2010) *Identity Economics: How our identities shape our work, wages, and well-being*. Princeton, New York, Princeton University Press. 185 p.

Campbell, J. L. and Hall, J. A. (2009) National identity and the political economy of small states. *Review of International Political Economy*, 16: 4, pp. 547–572. DOI: 10.1080/09692290802620378

Throsby, D. (2001) *Economics and Culture*. New York, Cambridge University Press. 208 p.

Submission date: 15.03.2018.

Для цитирования:

Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Экономическая культура тувинцев в горизонте социокультурного подхода [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/769> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2018.2.2

For citation:

Popkov Yu. V. and Tiugashev E. A. Economic culture of the Tuvans within the scope of the sociocultural approach. *The New Research of Tuva*, 2018, no. 2 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/769> (accessed: ...). DOI: 10.25178/nit.2018.2.2

DOI: 10.25178/nit.2018.2.3

ТРУД В ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ КОЧЕВНИКОВ ПОСТСОЦИАЛИЗМА (НА ПРИМЕРЕ БУРЯТ, КАЛМЫКОВ, ТУВИНЦЕВ)

LABOR IN POST-SOCIALIST ETHNIC CULTURE: THE CASES OF BURYATS, KALMYKS AND TUVANS

Любовь Б. Четырова

Самарский национальный
исследовательский университет
им. С. П. Королева, Российская
Федерация

Lyubov B. Chetyrova

Samara National
Research University,
Russian Federation

В статье рассматривается вопрос о феномене труда в культуре тюрко-монголов — бурят, калмыков, тувинцев. Обосновывается положение о типологическом единстве трудовой культуры этих народов, связанных единством тюрко-монгольского этногенеза. Анализируется опыт трансформации их трудовой культуры в ходе форматирования данных этносов в период реализации советской модернизации.

Ключевые моменты в развитии трудовой культуры выделяются на основании этапов формирования этносов и их трансформации: период существования Монгольской империи; вхождение в состав Российской империи; советский период. Показано, что в истории трудовой культуры этих этносов конкурирующими были две основные модели труда: труд кочевника-скотовода, тесно связанный с ратным делом, и труд земледельца. В результате успешной реализации советской модернизации в большинстве регионов их проживания сформировалась модель труда оседло живущего работника.

Рассматривается, как происходило изменение моделей и образов труда в период социальных

The article analyzes the phenomenon of labor in the culture of three Turkic-Mongol peoples — Buryats, Kalmyks, and Tuvans. The author proves the typological unity of their labor culture. These peoples were unified by the Turkic-Mongolian ethnogenesis, as well as by the common experience of being reformatted as Socialist nations in the course of Soviet modernization.

The key moments in the development of their labor cultures can be outlined in accordance with the stages of their ethnicity formation and their transformation into Socialist nations: the period of the Mongol Empire; accession into the Russian Empire; the Soviet period. Two basic models of labor were competing within the labor history of these ethnic groups: that of a nomadic livestock breeder (and, connectedly, a warrior) and that of an agricultural worker. Finally, the labor model of a sedentary living worker has appeared in the course of Soviet modernization.

Четырова Любовь Борисовна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета им. С. П. Королева. Адрес: 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, д. 34. Тел.: +7 (846) 337-99-54. Эл. адрес: chetyrova@gmail.com

Chetyrova Lyubov Borisovna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, S. P. Korolyov Samara National Research University. Postal address: 34 Moskovskoye shosse, 443086 Samara, Russian Federation. Tel.: +7 (846) 337-99-54. E-mail: chetyrova@gmail.com

трансформаций, начавшихся в начале 1990-х годов. Экономический коллапс, в который оказалось ввергнуто постсоветское общество, запустил разные стратегии выживания, в числе которых было обращение к архаике в этнических регионах. В трудовой сфере такими стратегиями стали не только возрождение пастбищного скотоводства, но и легализация шаманов, медлгчи, деятельность которых квалифицируется как трудовая, приносящая доход.

Ключевые слова: труд; модели труда; кочевники; кочевая культура; тюрко-монголы; ратное дело; империя; пастбищное скотоводство; земледелие; шаман; советская модернизация; буряты; калмыки; тувинцы; экономическая культура

The article also considers how the change of labor models and images occurred during the period of social transformations that began in the early 1990s. The economic collapse of the post-Soviet society helped elaborate various survival strategies, including a turn to the archaic in ethnic regions. Such labor strategies include the revival of pasture livestock breeding, the legalization of shamans and healers (medglchi), whose work is recognized as a source of legitimate income.

Keywords: work; labor models; nomads; nomadic culture; Turkic-Mongol peoples; military affairs; empire; pasture cattle breeding; agriculture; shaman; Soviet modernization; Buryats; Kalmyks; Tuvans; economic culture

Введение

До настоящего времени около 200 млн людей на планете занимаются пастбищным скотоводством. Производство мяса занимает 70% всех сельскохозяйственных земель или 30% всей поверхности земли. В Амазонии сегодня 70% прежде лесистых территорий ныне используются как пастбища для скота (Nierenberg, 2007: 24, Электр. ресурс). Производство и потребление мяса растут год от года (там же: 24, Электр. ресурс). Все это говорит о том, что не только животноводство, но и пастбищное скотоводство сегодня активно развиваются.

Для тюрко-монгольских народов пастбищное скотоводство испокон веков было главным видом хозяйственной деятельности. Несмотря на то, что в советский период развивались и доминировали совсем другие виды хозяйственной деятельности, скотоводство по-прежнему рассматривается как важный вид деятельности среди них. Российские тюрко-монгольские этносы, пройдя через горнило советской модернизации, стали нациями, представители которых являются образованными людьми, трудящимися в самых разных отраслях экономики. Успешно интегрируясь в современное общественное производство, руководствуясь современными моделями труда, данные этносы продолжают сохранять и следовать модели труда — пастбищному скотоводству. Согласно социологическим опросам, около 70% жителей Калмыкии поддерживают возрождение степного скотоводства (Бадмаев, 2007: 11). В последние десятилетия в этнических регионах растет число домохозяйств, в той или иной мере занимающихся скотоводством. Главной причиной возврата к прежней кочевой модели труда является, конечно, безработица на селе. Такая модель труда воспринимается людьми как исконная, архетипическая, выступающая как ресурс идентичности тюрко-монгола. Однако, если взглянуть на историю

формирования моделей труда в культуре тюрко-монголов ретроспективно, то обнаружится, что далеко не все из указанных народов и далеко не всегда были кочевниками–скотоводами.

Целью статьи является исследование трансформаций моделей труда в культуре тюрко–монголов, начиная с раннего средневековья и вплоть до пост-социалистического периода.

Символизм трудовой культуры кочевников

Труд как действия, направленные на внешний мир и требующие физических усилий, конституирует, согласно А. Шюцу, повседневность (Шюц, 1988: 129–137). Признаками повседневного переживания и поведения являются отсутствие рефлексии, а также личностной вовлеченности в те или иные ситуации, типическое восприятие других и мотивов их действий. С этой точки зрения все виды практик у кочевников кодифицированы, исполняются в строгом соответствии с правилами и не подвергаются сомнению. К примеру, убой животных осуществляется строго по правилам, нарушение которых чревато негативными последствиями для работника и его рода. Или перемещение женщины в пространстве юрты строго определено. Ей, в частности, запрещено переступать через очаг. Нарушение запрета считается тяжким грехом.

Мир труда кочевника в его социальном аспекте интерсубъективно типизирован и структурирован, представляет собой типизированный мир социального действия и коммуникации. Данный мир отличают типичные действия, типичные мотивы, типичные модели исполнения разных видов труда.

Однако тот труд, который исполняли кочевники тюрко-монголы отличается по своему смыслу от того, в котором его понимает А. Шюц. Этот труд не был активным изменением внешнего мира. Напротив, кочевники старались как можно меньше изменять окружающую их среду. Труд кочевника должен быть экологичным, так как в противном случае нанесение невосполнимого ущерба окружающей среде лишает его пастбищ и водных источников. Кочевники вынуждены следить за воспроизводством пастбищ, чистотой и сохранностью водных источников. К примеру, у монголов были табуированы стирка белья в водоемах — реках, озерах, ручьях, введен запрет на купание в них.

Восприятие внешнего мира у кочевника традиционного общества отличается от восприятия, живущего в десакрализованном мире, работника индустриальной эпохи. Также, как фабричный рабочий, кочевник не сомневался в существовании внешнего мира, считая, что мир таков, каким он воспринимается. Однако для кочевника явленный мир — это лишь зримая часть мира, который гораздо более разнообразен, глубок и опасен. Картина мира тюрко-монголов с древности до средневековья была синкретичной, в ее

создании участвовали тэнгрианские, шаманские, буддийские религии. В разные периоды в евразийских степях, как пишет Ю. Дробышев доминировали те или иные религии, но чаще всего главенствовал Культ Неба. Тэнгрианство было естественным порождением образа жизни кочевников, к которому оно было наиболее адаптировано (Дробышев, 2014: 240).

Чувственное и сверхчувственное переплетены в опыте трудовой жизни кочевника. К примеру, если жертвенное животное, преподнесенное богам в буддийском обряде сетер, погибает, то стадо лишается защиты богов, а хозяин — благополучия и удачи. Рассматривая экономические заповеди различных религий, исследователи отмечают, что поскольку отношения *indigenous* (коренных, аборигенных) людей с природой являются скорее взаимосвязью, чем инструментальными отношением, то использование ресурса ритуально оформляется. Прежде чем снять кору с кедра аборигены Аляски совершают обряд, прося прощения у духов дерева и обещают не брать больше, чем нужно. Такой подход создает осознанную и минималистскую этику использования ресурсов (Gardner, 2010: 29, Электр. ресурс).

Символизация трудовой культуры кочевников тюрко-монголов была чрезвычайно велика. Хозяйственные практики становятся опытом труда лишь будучи реализованы согласно тому символическому порядку, который был принят в том или ином кочевом сообществе. Хозяйственное освоение новых земель закреплялось всегда на символическом уровне. Так, с приходом в период раннего средневековья предков монголов в степи изменилась сакральная география, так как прежние тюркские маркеры — каменные бабы разбивались и опрокидывались. Устанавливались новые маркеры, указывающие на места силы — *обо* на горных вершинах и перевалах (Дробышев, 2006: 60–61).

Чтобы понять символизм трудовой жизни, нужно понять насколько важна символическая составляющая, символические и экспрессивные практики в культуре средневековых монголов, наследниками которых в той или иной мере считают себя современные тюрко-монголы. Ю. Дробышев предлагает любопытную интерпретацию военных жестокостей монголов. Чтобы понять, их следует рассматривать в контексте той символической реальности, в которой они жили. Уничтожение в иранском городе Нишапуре не только всех людей, но и животных (в 1221 г.) было, конечно, мстью за смерть и пролитие крови члена дома Чингисхана (был убит зять хана), что расценивалось, как страшный грех. С этой точки зрения геноцид был действием экспрессивного порядка, устанавливающего достоинство и репутацию (Козлова, 1999: 26). Но, что гораздо важнее, этот геноцид символически превращал территорию Нишапура в «заповедник смерти», лишенный всякой потенции к жизни. Отрубив головы людям, размозжив кости им и животным, монголы, верящие в существование иной реальности, где после смерти эти существа могли бы жить, тем самым прекращали их загробное существование. Духи погибших после смерти

*Фото 1. Автор в Усть-Коксинском районе Горного Алтая. Фото Р. А. Кушнерик, 2010 г.
Photo 1. The author in Ust'-Koksinsky rayon of the Republic of Altai. Photo by R. A. Kushnerik, 2010.*

лишались возможности оказывать покровительство живым. В созданном геноцидом анти-мире духи были бессильны (Дробышев, 2014: 457). Столбы из отрубленных голов создавались не только для устрашения, но символизировали расшатанную из-за гибели Чингиза мировую ось: «Гибель Чингиза ... открывала некую брешь, через которую врывались силы хаоса. Преградить им путь можно было, укрепив расшатанное мироздание посредством возведения "мировой оси". Головы для этой цели подходили как нельзя лучше: они содержали в себе жизненную силу — *сульдэ*» (там же: 458–459).

Телесные практики тюрко-монголов насквозь пронизаны символикой. Формы коммуникации часто невербальны и основаны на оптико-кинетический способ передачи информации — жесты, мимика, знаковые ритуальные движения тела. Телесный язык составляют символические жесты приветствия, поощрения, указания, согласия, несогласия, презрения, угрозы и т. д. К невербальным способам коммуникации относятся также символика одежды, пространства, пищевой символизм (Бадмаева, 1992: 3–6).

Следовательно, выявление и изучение моделей труда, существовавших в культуре тюрко-монголов, возможно лишь с учетом символической составляющей трудового процесса.

Следовательно, выявление и изучение моделей труда, существовавших в культуре тюрко-монголов, возможно лишь с учетом символической составляющей трудового процесса.

О типологическом единстве трудовой культуры тюрко-монголов

Единство трудовой культуры тюрко-монголов обусловлено, во-первых, сходством символизма их культуры в целом, во-вторых, форматированием культур этих этносов в составе Великой Монгольской империи, в-третьих, схожим комплексом религиозных верований, среди которых важную роль, начиная с XVI в. начинает играть тибетский буддизм. Эти народы связывает единство тюрко-монгольского этногенеза в период монгольских завоеваний, а в дальнейшем — опыт пребывания в составе Российской империи. Решающую

роль в форматировании тюрко-монгольских этносов в социалистические нации сыграли преобразования советского периода, когда воплощался в жизнь проект советской модернизации.

Считается, что главным видом хозяйственной деятельности населения евразийских степей было и является скотоводство. Скотоводство у племен, населявших евразийские степи в эпоху бронзы, развилось, проходя следующие этапы: придомное, пастушеское, яйлажное, кочевое. Появление кочевого хозяйства связано с появлением всадничества и колесничества, что придало населению евразийских степей исключительную мобильность. Коневодство, даже несмотря на численное преобладание овцеводства, стало доминирующим в хозяйственной, а затем символической системе (Жанисов, 2002: 88–89). Соответственно, появилась культовая практика и символическая составляющая. Этим объясняется появление культа коня и воспевание коня в эпосе и фольклоре тюрко-монголов.

Однако репертуар моделей труда, реализуемых тюрко-монголами с раннего средневековья, не ограничивался лишь скотоводством. Без труда ратного нормальное функционирование скотоводческого кочевого хозяйства было попросту невозможно. Для содержания скота на подножном корму требовались пастбища, борьба за которые шла между кочевниками непрерывно. Главными причинами миграций кочевников и одними из главных причин вооруженных столкновений между ними были захват и охрана пастбищ. Кочевники тюрко-монголы были всегда вооружены и при необходимости становились иррегулярными войсками, а в некоторых случаях, как, например, в империи Чингис-хана или Джунгарском ханстве — профессиональной армией.

Следовательно, главный вид трудовой деятельности кочевников тюрко-монголов — скотоводство, то есть разведение овец, лошадей, крупного рогатого скота, верблюдов, тесным образом связано с ратным делом. Такая связь проявлялась, например, в институте скотокрадства (бур. — *баримта*, калм. — *баранта*), существовавшем у всех кочевников. *Баримта* (*баранта*) была актом восстановительной юстиции и осуществлялась либо по постановлению судебных органов, либо как личная месть. Такая кража скота у калмыков не считалась воровством, а, напротив, доблестью. Удальцы, участвовавшие в этом,

Фото 2. Доение кобылиц в кочевом хозяйстве Монголии. Фото Л. Четыровой, 2011 г.

Photo 2. Milking of mares at a nomadic farmstead in Mongolia. Photo by L. Chetyrova, 2011.

восстанавливали таким способом справедливость. *Баримта (баранта)* могла быть возмещением ущерба, понесенного в ходе военных столкновений, разбоя или иных криминальных действий.

К примеру, людей калмыцкой владелицы Джал (XVIII в.), готовившейся к паломничеству в Тибет, и пославшей их в Царицын за необходимыми вещами, ограбили. Возмущенная владелица пишет астраханским властям, что возьмет баримту с купцов и просит власти не придирается к этому случаю (Сусеева, 2003: 60). Калмыки не рассматривали *баримту (баранту)* как воровство. Институт баримты (баранты) в трансформированном виде сохранился до настоящего времени. В Туве, например, кайгалы в 1990-е годы стали преступной субкультурой (Даргын-оол, 2006: 52–53).

С ратным делом связан также другой вид хозяйственной деятельности тюрко-монголов — охота. На существование охотного промысла и наличие большого количества соболиных мехов у ранних монголов (шивэй) указывают китайские источники (Дробышев, 2006: 55). Соболиный мех использовался ими не только для ношения, но и в меновой торговле, и по стоимости был сопоставим со столь ценным ими железом (там же: 57).

Как пишет Дж. Лэйн, облавная охота (*nerge*) у кочевников Евразии была частью их жизни и культуры. Персидский средневековый историк Джувейни писал, что Чингис-хан стал использовать облавную охоту как военные учения. Облавная охота была отличной тренировкой для войны и сражений. Такая охота, в которой принимал участие каждый воин и большая часть рода, начиналась осенью, длилась три месяца. Оттачивались такие воинские качества, как дисциплинированность, скоординированность действий, установление эффективных коммуникаций между подразделениями (тумэнами) (Lane, 2006: 107). Об этом же пишет Ю. Дробышев, ссылаясь на Великую Ясу Чингис-хана, сочинение Джувейни, а также работы Б. Я. Владимирцова. Охота играла в монгольском обществе особую роль, которая не сводилась к добыванию мяса или к развлечению. Чингис-хану приписывают такие слова: «Когда нет войны с врагами, пусть предаются делу лова — учат сыновей, как гнать диких животных, чтобы они навывали к бою и обретали силу и выносливость и затем бросались на врага, как на диких животных, не щадя [себя]» (цит. по: Дробышев, 2014: 439). Охота сплачивала представителей разных родов и этнических групп.

Военное искусство монголов, несомненно, выросло из навыков ведения больших облавных охот, так как монголы использовали в военных операциях те же приемы, что и на охоте (там же). По словам французского историка Р. Груссе, монголы применяли приемы ведения охоты в своих атаках — маневры проводились молча, по сигналам флажков. Затем внезапно, в подходящий момент, атаковали с пронзительными криками, что сбивало противника с толку. Сражение было подобно охоте, монгол охотился человека точно также, как на антилопу или тигра. Самые известные кампании монголов в Трансоксиане,

и в Венгрии выглядели как облавные охоты, в которых противника доводили до утомления, сбивали с толку, постепенно сужая круг окружали противника плотным кольцом и методично уничтожали его (Grousset, 1970: 224–225).

Последняя облавная охота у калмыков была проведена зимой 1757–1758 гг., когда наместник Дондук–Даши собрал на Куме около 2 тысяч человек, которые должны участвовать с его сыном Убаши в облавной охоте. Астраханский губернатор Жилин с тревогой увидел в таком скоплении калмыков войско, готовящееся выступить военным походом на Кабарду (Батмаев, 1993: 131).

С принятием монголами буддизма отношение к охоте изменилось. Принявшие духовные сан отказывались от охоты, а вокруг монастырей существовал заповедный режим земель. Запрет на охоту вблизи монастырей был законодательно закреплен на съезде монгольских князей в 1709 г. В период социализма, когда монастыри были закрыты, произошло сокращение численности основных промысловых видов — тарбагана, сайги, кулана и других копытных. Сегодня, по предварительным оценкам, охотой промышляет около 250 тысяч жителей Монголии, а их доход от охоты превышает 100 млн. долларов в год. Основной рынок сбыта — Китай (Дробышев, Гунин, Бажа, 2008: 122–123).

Итак, военные занятия средневековых монголов тесно переплетались и с таким видом хозяйственной деятельности, как охота.

Другим видом хозяйственной деятельности, издавна существовавшим у тюрко-монголов, было земледелие. В IX–XII вв. у населявших территорию Тувы, Горного Алтая и Северо-Западной Монголии тюрков существовало развитое земледелие, чему подтверждением служат значительное число древних оросительных каналов, сеть которых особенно выросла после IX в. Каналы имели каменные опорные стены. В Туве найдены древнехакасские косы–горбуши, втульчатые лемехи от плугов, что свидетельствует в пользу земледельческой традиции, существовавшей и у автохтонов Алтая и Тувы на протяжении веков (Кызласов, 1984: 108). Особенно земледелие было развито у древних хакасов, которые выделялись благодаря этому из других народов Центральной Азии и Сибири. Об этом свидетельствуют как письменные, так и археологические источники. Древнехакасский хлеб был действительно желанной и важнейшей добычей для многих степняков, как в ранние, так и в более поздние эпохи (там же: 103).

Впрочем, отношение тюрков к земледелию было неоднозначным. Тюркский Бильге-каган в VIII в. «берет также на вооружение и доводы против оседлого образа жизни, занятий земледелием в долинах. Он заклинает сохранить жизнь кочевников и скотоводов и постоянно иметь центром перемещений горную зону священных лесов» (Базен, 1986: 355).

Вопрос о существовании земледелия у монголов не прост. Как отмечает Ю. И. Дробышев, средневековые монголы, настоящие кочевники по своему

*Фото 3. Мемориал в честь трех великих империй.
Монголия. Фото Л. Четыровой, 2011 г.*

*Photo 3. Memorial in honor of Three Great Empires, Mongolia.
Photo by L. Chetyrova, 2011.*

образу жизни и, вероятно, менталитету разительно отличаются от своих предков, живших в лесах по среднему течению Амура (Дробышев, 2006: 55). Согласно китайским династийным источникам, у ранних монголов (шивэй) «очень много щетинника, пшеницы и проса», они «питаются свининой и рыбой, разводят крупный рогатый скот и лошадей, но по обычаю не имеют овец. Летом живут в городах, а зимой переселяются, отыскивая воду и траву. Много соболиного меха» (Материалы..., 1984: 135). Наличие поселений (городов), разведение свиней и земледелие указывает на

преимущественно оседлый образ жизни.

Но даже кочевники практиковали земледелие. Оно, правда, осуществлялось весьма примитивным способом — клочки земли засеивались весной и оставались до конца лета, пока хозяева кочевали в степях. Вернувшись, кочевники собирали урожай. Земля должна была быть достаточно плодородной и увлажненной — в долинах рек и подгорных шлейфах на краю степи (Дробышев, 2006: 55).

Е. И. Кычанов также приводит сведения в пользу существования земледелия у ранних монголов из династийной истории Тан «Цзю Тан шу». Здесь говорится о том, что эти племена «объединяются в группы и живут, иногда числом до нескольких десятков или сотен семей. Заостряют деревья и делают сохи, не насаживая на них металлических сошников (лезвий). Соху тянет человек, и производится посев. Не разрешается использовать (для пахоты) быков. Летом там много туманов и дождей, зимой много инея и снега. В качестве домашних животных там годятся собаки и свиньи» (Кычанов, 1980: 137). В источнике указано на влажный климат, описаны орудия труда.

Земледелие возможно, там, где количество годовых осадков составляет не менее 400 мм и есть реки (Масанов, 1995: 41). Ссылаясь на работы исследователей кочевой экономики, Н. Н. Крадин и Т. Д. Скрынникова пишут, что у монголов имелись такие условия, хотя и на ограниченных территориях, а значит было земледелие. Подтверждение тому они находят в «Сокровенном сказании», где есть упоминания о просе, ступах и хлебных запасах у меркитов (Крадин, Скрынникова, 2006: 77). Земледелие развивалось в долине реки Орхон, где располагалась столица Монгольской империи — Каракорум, один из районов

которого — Карабалгас — был заселен земледельцами (Ткачев, 1987: 227–228). По словам В. Н. Ткачева, места в просторной долине хватало и земледельцам, и куреням воинов, и стадам скота. Однако, поскольку земледелие и скотоводство взаимоисключают друг друга по способу использования земель, то пашни и сады обносились стенами, представлявшими собой невысокие валы с плетневым забором. Они защищали поселения ремесленников и земледельцев (Ткачев, 1986: 228).

Исследователи отмечают, что создание кочевых империй стимулировало земледелие. На Керулуне Чжан Дэ Хой в 1240-х гг. наблюдал возделывание земли монголами и китайцами вместе. Там сеяли только коноплю и пшеницу. В долине Орхона близ монгольской столицы он отметил орошаемые поля и огороды. Следы древней распашки сохранились в некоторых районах Монголии и Тувы (Дробышев, 2014: 435–436).

Нельзя не согласиться с Ю. Дробышевым, предостерегающим против упрощенного деления монгольских племен на «лесные», занимавшиеся в основном охотой и рыболовством и «степные», занимавшиеся скотоводством. Хозяйственный уклад «лесных» людей был неоднороден, здесь были охотничье-рыболовецкие племена и скотоводческо-земледельческие (там же: 58).

В репертуар моделей труда помимо скотоводства, ратного дела, охоты и земледелия входит также ремесло, которое также было тесно связано с ратным делом — изготовление оружия, военного снаряжения, доспехов. В столице Монгольской империи Каракоруме существовал металлургически-керамический район, расположенный близ городища Тахай–балгас (Ткачев, 1986: 228).

С торговлей обстояло сложнее. Не будучи сами торговцами, кочевники применяли стратегию принуждения к торговле.

И, наконец, в репертуар трудовых моделей входил труд священнослужителей — жрецов тэнгрианского культа, шаманов, буддийских монахов. Все они исполняли возложенные на них функции профессионально — обладали необходимыми знаниями, которые получали либо в устной передаче, как шаманы и жрецы, либо учились в монастырях, как тибетские монахи. За свои услуги они получали плату, которая составляли либо их личный доход, либо доход монастыря. Кроме того, буддийские монастыри были крупными землевладельцами и владельцами скота, т. е. участвовали в хозяйственной деятельности (Дробышев, Гунин, Бажа, 2008: 126).

Ключевые моменты развития трудовой культуры

Ключевые моменты в развитии трудовой культуры я выделяю на основании этапов формирования тюрко-монгольских этносов и их трансформации в социалистические нации:

- период существования Монгольской империи;
- постимперский период, характеризующийся многообразием тюрко-монгольских государств и, соответственно, этносов;
- период вхождения тюрко-монголов в состав Российской империи, проводившей политику христианизации и связанной с ней седиментации (оседлость и земледелие);
- советский период и формовка социалистических наций;
- постсоветский период.

Предки монголов, как уже говорилось, в VI–IX вв. жили в лесах, были оседлыми в прочных жилищах, занимались преимущественно охотой и рыболовством, выращиванием свиней и лошадей. В конце X — начале XI в. начался процесс постепенного расселения монголоязычных этнических групп, которые вытесняли и ассимилировали тюркоязычные группы. Всего за 200 лет они из лесных рыболовов, охотников и земледельцев стали всадниками — скотоводами. У тюрков они заимствовали породы степного скота, навыки и умения ухода за ним, а также передвижные жилища и другие формы материальной культуры степняков (Кызласов, 1984: 81).

Современем они стали «людьми на коне», своего рода кочевой аристократией, презиравшей земледелие, в котором, тем не менее, они нуждались. В период завоеваний они нашли выход в том, что земледелием принудили заниматься пленных и рабов, т. е. людей низкого социального статуса. Как отмечает В. Н. Ткачев, «зажиточные скотоводы, особенно аристократы, стремились в любой форме подчеркнуть свой социальный статус «человека на коне» (Ткачев, 1986: 221).

Переселение предков монголов в степи в настоящее время вряд ли может подвергаться сомнению. Можно спорить о частностях — месте расселения древних монголов, путях их миграции на запад, времени и сроках переселения, но лишь признанием факта миграции можно объяснить, как территория Монголии — исконная вотчина тюрков, стала местом формирования монголов как этноса-завоевателя (Кычанов, 1980: 148). Ойраты — *лесной народ*, предки современных калмыков до переселения на запад занимались охотой и вели полукочевой образ жизни. Став союзниками Чингис-хана и его подданными, они стали исполнять свой ратный долг и, соответственно, перешли к кочевому образу жизни монголов.

Изменение типа хозяйствования произошло в X–XI вв., когда монгольские племена мигрировали в степи современной Монголии. Из охотников, скотоводов с примитивным земледелием они превратились в кочевников-скотоводов (Кычанов, 1980: 144). Противоречивое отношение монголов к воде — с одной стороны, боязнь загрязнить воду, с другой — крайне расточительное отношение к воде, отличающее их от жителей оазисов, исследователи объясняют

происхождением монголов из богатых водными ресурсами мест (Дробышев, 2006: 59).

Используя данные своих наук, археолог Б. Дашибалов и лингвист В. Рассадин в своей совместной работе обосновывают, что предки монголов жили на территориях, прилегающих к морю, занимались рыболовством и земледелием. В. Рассадин обратил внимание на то, что большая часть монгольских слов, обозначающих степной ландшафт и степных животных, заимствована у тюрков (Дашибалов, Рассадин, 2004: 85). У бурят развита морская мифология, в которой представлены 27 морских божеств. У калмыков, бурят и монголов есть слова, обозначающие морских рыб, трепангов, рыбьего жира и т. д. (там же: 38). Привлекая к анализу описание земли из фольклорных произведений монгольских народов, авторы заключают, что древние монголы жили там, где были горы, перевалы, степи, песчаные места, соприкасающиеся с морем. Сегодня это современные провинции КНР Хэбэй, Ляонин и прилегающие территории Внутренней Монголии (там же: 40). Археологические находки — остатки домов, в фундаменте которых найдены черепа свиней, выполняющих защитную функцию, древних оросительных систем в Баргузине, говорят о том, что предки монголов вели оседлый образ жизни (там же: 36). Ю. И. Дробышев пишет, что «по мере продвижения в Халху и освоения кочевого образа жизни, в основу рациона монголы положили мясные и молочные продукты. Позже, видимо, не без влияния тибетского буддизма, доля рыбных блюд сошла практически к нулю» (Дробышев, 2006: 39). Об этом же пишет археолог Л. Р. Кызласов: ранние монголы были лесными рыболовами и охотниками, содержали придомно свиней, лошадей и не знали кочевого скотоводства (Кызласов, 1975: 172).

Такой важный вид хозяйственной деятельности, как торговля у тюрко-монголов также связана с ратным делом. Кочевники издавна стремились выйти на рынки Китая, который долгое время отказывал им в этом. Как пишет Е. Баринава, в курганах кочевников Семиречья обнаружено всего несколько китайских монет. Однако, это не значит, что кочевники не торговали с Китаем. Правильней будет предположить, что основной формой торговли был обмен, а не купля–продажа. Данная форма торговли вытекала из дани и обмена подарками (Баринава, 2013: 248).

Если оценить завоевания Чингис–хана с этой точки зрения — установления торговых отношений, то ясно видно, что целью великого хана был не столько захват богатств завоеванных государств или обложение покоренных народов данью, сколько установление контроля над Шелковым путем. Шелковый путь издавна связывал три великие цивилизации — Китай, Индию и Средиземноморье. Беря начало в Сиане (Чанъань, Китай), он разветвлялся на множество путей, ведущих в города Индии и Средиземноморья. Монголы, которых отделяли от этого торгового пути всего пятьсот километров, покупали у торговцев предметы роскоши — шелк, шерстяные ткани, серебряную посуду,

способную, как они считали защитить от яда и черной магии, оружие, жемчуг, полудрагоценные камни, музыкальные инструменты, раковины, лекарства и косметику для богатых женщин. Взамен они, правда, мало что могли предложить. Торговцев интересовали не грубой выделки кожи кочевников или иные продукты скотоводства, а соболиные меха, шкуры антилоп, тигров, волков, рога лосей, северных оленей. Китайская медицина широко использует разные части тела диких животных — от языка до хвостов и тестикул (Weatherford, 2010: 46–48).

Большую часть этих привлекательных с точки зрения продажи предметов можно было найти у ойрат, проживавших в лесах на северо-западе озера Байкал. Как полагают западные исследователи, Чингис-хан, строя свою империю ставил целью установить контроль над торговыми путями, главным из которых был в то время Шелковый путь. Великий хан использовал не только военные средства, но и брачные стратегии. Для реализации своей цели он выдал свою дочь и внучку за двух сыновей ойратского правителя. А ойраты в то время проживали в лесистых землях, богатых пушным зверем. В брачном указе Чечеген было сказано, что будучи дочерью своего отца — хана, она послана править ойратами. В то время как ее муж Торолчи был отозван к войскам Чингис-хана для того, чтобы сражаться в армии. Благодаря статусу Чечеген ойраты получили контроль над северными торговыми путями (Соболиный путь) (там же: 46–48).

Брак другой его дочери Алагай-беки позволил ему установить контроль уже собственно над Шелковым путем. Северные подходы к Великой стене со стороны Монголии, в северной части провинции Шаньси, охраняли тюрки-федераты, онгуты, исповедовавшие несторианское христианство. Обидевшись на китайцев, онгутский вождь Алакуч-тегин в 1204 г. перешел на сторону Чингис-хана. Для укрепления союза с домом Алакуча хан отдал одну из своих дочерей за его племянника (Рахманалиев, 2009). В брачном указе он говорит, что она должна стать «одной из его ступней» (one of my feet), «быть его помощницей в походах» (там же: 53–54). Ее муж, также как другой зять великого Хана, был послан воевать, а она стала единоличной правительницей народа, контролировавшего Великую Китайскую стену и эту часть Шелкового пути.

В конечном итоге Чингис-хан установил контроль над самым главным торговым путем Евразии. Великая империя, в которую вошли народы разных культур, верований, экономических и технологических достижений, была пространством первых глобализационных процессов. В рассматриваемом случае — созданием мировой торговли. Так Чингис-хан при помощи браков своих дочерей создавал предпосылки для мирового торгового сообщества.

Что касается населения империи, то, как пишет Мак-Нил, знания о цивилизованной жизни все сильнее проникали в среду степных кочевников. Более тесные контакты с крестьянами и горожанами были всегда выгодны для них — крупы, ткани, металлы и украшения были ценными дополнениями

к тем достаточно скудным продуктам, которые кочевники получали от животноводства и охоты. Поэтому по мере усиления этих контактов в результате торговли и службы наемниками в армиях цивилизованных государств жители степей получали более обширные знания о богатстве и чудесах цивилизованных стран, и соответственно усиливалось влияние Китая, стран Среднего Востока и Византии на наводящих ужас степных воинов» (Мак-Нил, 2004: 152).

Таким образом, форматирование тюрко-монголов в пространстве империи Чингис-хана способствовало созданию модели хозяйственного труда, тесно связанного с исполнением ратного дела.

Входя впоследствии в состав Российской империи, тюрко-монголы подверглись иному форматированию. В ходе создания новой империи менялись не только символы, существующие у русских, но символы нерусских, вовлекаемых в ее орбиту. Если у русских происходил разрыв с традиционной допетровской культурой, то у них — с собственной традиционной культурой. В ходе такого разрыва и аккультурации, осуществляемой разными способами — от сегрегации до интеграции, осуществлялось формирование новой идентичности нерусских подданных империи. Идентичность в данном случае выстраивалась согласно их пониманию власти, правителя, родины, подданного. Смысл каждого из этих явлений менялся по мере вхождения нерусских в политическое пространство империи и, соответственно, менялись символы их выражающие. Империя формировала идентичность своих подданных, используя православие. Не столько важна была этническая, сколько религиозная идентичность. Этим объясняется недоверие российских властей к тибетскому буддизму, как к религии иностранного происхождения. Недоверие к буддизму усиливалось из-за того также, что калмыцкие ханы прибегали для легитимации своей ханской власти к далай-ламе, тибетскому иерарху, проживавшему в другом государстве.

У тюрко-монголов пастбищное скотоводство по-прежнему оставалось главным видом хозяйственной деятельности. Однако его тесная связь с ратным делом была разорвана в результате вхождения в Российскую империю. Ратное дело исполнялось как самостоятельный вид деятельности, который калмыки, например, исполняли как условие их вхождения в Российскую империю.

Христианизация кочевников предполагала перевод кочевников к оседлому образу жизни путем приобщения их к земледелию. Данная стратегия была основной в отношениях с кочевниками вплоть до Великой революции 1917 г. Однако, большого успеха имперская власть в этом вопросе не достигла.

У калмыков с конца XVIII в. складываются три главные хозяйственно-культурные группы: кочевники-скотоводы, обитающие в центральной части Калмыкии; обитатели западной, возвышенной части Калмыкии с плодородными землями, сочетающие скотоводство с земледелием; жители низовьев Волги и Каспийского взморья сочетали скотоводство с рыболовством (Бадмаев, 2007: 10).

Рождение субъекта или опыт труда в советской модернизации

Победа большевиков на территориях бывшей Российской империи, а также на территории Монголии и установление советской власти для населения этих территорий имели беспрецедентные следствия — возникли новые нации, резко выросла грамотность населения, были созданы абсолютно новые формы хозяйственной деятельности, появились новые социальные институты. Проект советской модернизации, успешно реализованный большевиками, был нацелен на радикальное переустройство оснований общества на рациональных принципах. Будучи обществами модерна, и социализм, и капитализм требуют десакрализации всех сторон социальной жизни. Политическая победа в революции и последовавшей за ней гражданской войне стала началом новой революции, которая разворачивалась в символическом пространстве по разным направлениям. Если брать труд тюрко-монголов, то необходимо было вычленив его из той символической структуры, в которую он был вписан и вне которой он не только не осуществлялся, но и не мыслился.

Это было сделано достаточно быстро благодаря, во-первых, переводу кочевников на оседлый образ жизни и приобщению к земледелию, во-вторых, агрессивной антирелигиозной кампании, завершившейся ликвидацией, в том числе физической, священнослужителей, уничтожением религиозных институтов и учреждений. Символы старой культуры сменялись новыми — социалистическими. Осуществляя культурную революцию, большевики создали чрезвычайно эффективную машину по производству символов, репрезентирующих общество нового типа, в котором труд должен был стать смысловым центром. Важную роль в утверждении его в этом качестве сыграл А. М. Горький (Доренко, 2007: 237). Как полагает Е. Доренко, искусство социалистического реализма — литература, кино, фото, продуцируя образы социалистического производства, а также образы товаров, тем самым создавало символические предметы потребления советских граждан: «Социалистическое хозяйство растет не от потребления товаров, но от потребления самого производства в виде его образа и образов товаров. В процесс потребления этого символического производства и производится “социализм”. Символическим продуктом социализма является само производство (“труд”); символическим этого производства является “изобилие” (“культурна зажиточная жизнь”, созданная в соцреализме)» (там же: 405). Однако вряд ли можно согласиться с его утверждением, что «социалистическое производство занято почти исключительно воспроизводством собственного образа» (там же). Социалистическое производство все же производило реальные предметы.

Проект советской модернизации воплощался в жизнь планомерно, эффективно и дал положительные результаты. Калмыцкая земля, долгое время бывшая мечтой безземельных русских крестьян, стала в объектом

рационального землеустройства. Как пишет Е. Н. Бадмаева, была создана Поволжская колонизационно-мелиоративная экспедиция (ПКМЭ), в задачу которой входило плановое переселение крестьян на пустующие земли Поволжья — Самарскую, Саратовскую, Сталинградскую, Астраханскую губернии и Калмыцкую область (1924–1926). Экспедиция пришла к выводу, что несмотря на пригодность к земледелию лишь одного Большедербетовского района и небольшой части Донского треугольника, занятия земледелием, садоводством и огородничеством будут способствовать приобщению калмыков не только к новым видам хозяйственной деятельности и продуктам питания, но и изменению самого уклада жизни калмыков. Экспедиция занималась мелиоративными, пескоустроительными и землеустроительными работами. Было обеспечено водой более 14 тысяч хозяйств (Бадмаева, 2009: 91–92). Поделив Калмыкию на четыре части: земледельческо-скотоводческую, скотоводческо-земледельческую, скотоводческую и рыболовно-скотоводческую, ПКМЭ рекомендовала активнее развивать рыбную промышленность (там же: 92). Строительство нового общества в Калмыкии осуществлялось согласно этим установкам. Поскольку в результате революции и гражданской войны калмыки потеряли большую часть скота, то единственным способом выживания стал переход к оседлому образу жизни, связанному с этим земледелию и рыболовству.

Отношение кочевников к земледелию хорошо иллюстрирует пример с монголами, родственными калмыкам по традиционной трудовой культуре. Когда после революции 1911 г. китайцы, среди которых были не только торговцы, но и земледельцы, выращивавшие зерновые культуры, были изгнаны, власти столкнулись с нехваткой хлеба. Монгольским правительством был издан указ, согласно которому кочевники должны выращивать зерновые. Реакция аратов была однозначно негативной. Главный аргумент — распашка земли потревожит духов–покровителей гор и вод, и «они могут наслать разные болезни и несчастья на людей и животных» (Шубин, 1953: 78).

Тем не менее, сопротивление аратов переходу к земледелию было преодолено и к 1985 г. в социалистической Монголии обрабатывалось 1253 тыс. га. Исследователи считают, что несмотря на восстановление религиозных институтов и оживление религиозной жизни, отказ от земледелия по религиозным убеждениям вряд ли возможен (Дробышев, Гунин, Бажа, 2008: 134).

Народный комиссариат труда в 1920-е годы разработал систему мероприятий для интеграции в сферу производственного труда национальных меньшинств: подготовка квалифицированной рабочей силы из числа «националов», особый контроль за их трудом со стороны инспекции в целях предотвращения эксплуатации и нарушений трудового законодательства; выявление предприятий, куда отправлять их в первую очередь (Франке, 2008: 157–158). В результате успешной реализации советской модернизации в большинстве регионов проживания российских центрально-азиатских этносов сформировалась модель

труда оседло живущего работника, исполняющего и производительные — сельскохозяйственный, индустриальный и непродуцирующие (образование, наука, медицина и т. д.) виды труда.

Традиционно кочевники стремились иметь в своем хозяйстве пять видов скота: лошадей, овец, коз, коров и верблюдов, стремясь избежать рисков специализации. Социалистический тип хозяйства, напротив, требовал узкой специализации в разведении скота (Дробышев, 2008: 127–128). Однако советская модель труда, сформировавшаяся в сельском хозяйстве, изначально была противоречива. И. Кознова указывает на противоречивость понятия «советский крестьянин» (Кознова, 1997: 361). Действительно, это понятие обозначает сельскохозяйственного работника, с одной стороны, трудящегося в коллективном хозяйстве за деньги, с другой — относительно автономного хозяйственного субъекта, занятого в своем личном подсобном хозяйстве (ЛПХ).

И, как верно подметила К. Хэмфри, жизнь советских тружеников села протекала в этих двух измерениях. К 1970-м годам система советского сельского труда достигла потолка иерархической бюрократизации и трудовой специализации. Люди привыкли считать себя трактористами, скотниками, механиками, получающими зарплату, а не крестьянами. К тому же ЛПХ приносило все меньше дохода и требовало больших усилий, поэтому легче и проще было купить продукты в магазине (Хэмфри, 2010: 177). Человек постепенно переставал чувствовать себя крестьянином, а в нашем случае — скотоводом, связанным с природой. Кроме того, политика патернализма, реализуемая советским государством в социальной сфере, воспринималась жителями сел в этнических регионах, все еще сохранивших категории восприятия традиционной культуры, как забота старшего — государства о младшем. Этим объясняется неготовность большинства тувинцев быть автономными хозяйственными субъектами: «Младший член семьи ориентируется на старшего — государство, ждет и требует от него гарантий для своего существования» (Даргын-оол, 2006: 53).

Лишь немногие из сельских жителей сумели стать автономными хозяйственными субъектами в той экономической ситуации, в которой они оказались в результате аграрных реформ 1990-х годов.

Пастбищное скотоводство в советское время считалось отсталым и примитивным. Восстановление традиционных форм хозяйственной деятельности в крестьянских хозяйствах в какой-то мере вернуло ему прежний статус. Такой тип скотоводства наиболее пригоден для аридных земель, на которых проживают значительная часть тюрко-монголов. Плановое ведение сельского хозяйства в советский период, организация его на научных основах в области животноводства проявила себя как забота об улучшении породы скота. В итоге произошла метизация скота, когда породы местной селекции смешивались с завезенными. В результате изменился породный состав скота, который стал

более требовательным к условиям содержания и кормления (Потаев, 2011: 71).

Современное пастбищное скотоводство в Калмыкии имеет две разновидности: пригонную, если пастбища находятся вблизи скотных дворов (0,5-1 км) и отгонную, если пастбища удалены на 2 и более километров. Скот остается на отгоне в течение всего пастбищного периода. На летнике устраиваются навесы для ночлега скота, дойки, для размещения персонала. Такая система называется летнее лагерное содержание скота (Чимидов, 2009: 483). Способы использования пастбищ различаются на вольный (бессистемный) и загонный (участково-загонный) выпас. Последний способ, требующий деления пастбища на участки для однодневного стравливания, был предложен еще в XVIII в. западноевропейскими специалистами (там же: 484).

*Фото 4. Косяк лошадей, принадлежащих сельским предпринимателям. Горный Алтай.
Фото Л. Четыровой, 2010.*

Photo 4. A herd of horses belonging to the rural entrepreneurs. Altai Mountains. Photo by L. Chetyrova, 2010.

Фермеры и шаманы

Экономический коллапс, в который оказалось ввергнуто постсоветского общество, запустил разные стратегии выживания, в числе которых было обращение к архаике в этнических регионах (Ламажаа, 2013). В трудовой сфере такими стратегиями стало не только возрождение пастбищного скотоводства, но институционализация и легализация шаманов, целителей (*медлгчи, бё*). Тюрко-монголы по-прежнему занимаются скотоводством, к чему их обязывает среда обитания. Монголоязычные народы, занимая 2,7% территории России, составляют всего 1,7% населения. Одним из показателей, характеризующих конкурентоспособность региона, является плотность населения. Невысокая плотность населения — следствие суровых природно-климатических условий. Этим объясняется, что этнические регионы в рейтинге субъектов Российской Федерации занимают последние места (Атанов, 2010: 35–37).

Животноводством в этнических регионах сегодня в основном заняты крестьянские хозяйства и ЛПХ. Основной контингент сельских предпринимателей сельскохозяйственного типа в этнических регионах составляют

Фото 5. Фигура, вырезанная сельским предпринимателем, выполняющая функции оберега на летнике в горах. Горный Алтай. Фото Л. Четыровой, 2010 г.

Photo 5. A statue carved by a rural entrepreneur and performing the functions of an amulet for a nomadic household. Altai Mountains.

Photo by L. Chetyrova, 2010.

семейные хозяйства. Они удалены от населенных пунктов и представляют собой, как правило, альянс родственных семей. Б. Нанзатов, обследовав закаменских бурят, живущих в гористой местности, составил типичную модель функционирования такого хозяйства. Родственные семьи дифференцированы по месту проживания — часть живет в населенном пункте, обеспечивая доступ к школе детям, реализацию продуктов животноводства, часть — на ферме, занимаясь полудиким содержанием скота. Выбор породы скота обусловлен их рентабельностью.

Закаменские фермеры предпочитают калмыцкую породу КРС, который относится к аборигенному типу скота, сформировавшемуся в аридных зонах Центральной Азии (Нанзатов, 2010: 74). Схожая картина наблюдается в Республике Горный Алтай, где занимаются разведением лошадей, применяя исконные способы ухода за ними. Косяки лошадей находятся в горах, на летниках.

Часто фермеры используют наемный труд односельчан, которых нанимают на заготовку кормов, окот или строительные работы (там же: 74). Работники, как правило, работают сезонно и относятся к категории прекариев — современных рабов.

Помимо животноводства источником пополнения семейного бюджета у закаменских бурят является охота, сбор орехов и дикоросов. Охота ведется на пушные — соболь, белка, лиса, рысь, кабаргу, медведя. Большим спросом у китайцев, как и в стародавние времена пользуется медвежья желчь, струя кабарги, рога копытных (там же: 76–77).

В этнических районах России — Калмыкии, Бурятии, Туве, Горном Алтае доля незанятого населения выше, чем в среднем по России. Статус безработного, однако, не означает, что человек не участвует ни в каком виде трудовой деятельности. Часть из них составляют так называемое самозанятое население,

доход которых на 20–25% ниже, чем у сотрудников организаций — 20 800 рублей (Деготькова, 2018: Электр. ресурс). В хозяйственной России сложился такой феномен, как современное отходничество (Отходники, 2013). Отходники из этнических регионов, особенно буряты и калмыки, ездят на заработки не только в Москву и Санкт-Петербург, но и за рубеж — Южную Корею, США, Италию, Испанию и другие страны.

Результатом восстановления традиционной формы хозяйствования в форме крестьянского скотоводческого хозяйства вместе с восстановлением религиозных институтов, в частности института шаманов, стала неоархаическая модель труда. Труд, как и в прежние времена до советской модернизации, интегрирован в сложную символическую структуру. В случае закаменских бурят — это духи-покровители гор, вод. До настоящего времени занимающиеся отгонным скотоводством западные буряты строят на летниках деревянные юрты, выбор места для которых происходит согласно признакам — положительным или отрицательным, характеризующих место с символической точки зрения. Буряты никогда не будут возводить жилище на месте, которое было обжито и покинуто другими людьми. Считается, что духи-покровители прежних хозяев остаются на месте и духи-покровители, которыми обзаводятся новые хозяева, вступают в конфликт друг с другом. Обитателям вновь отстроенного жилища такой конфликт ничего хорошего не приносит (Содномпилова, 2002: 122–123).

Исследуя в 1960–1970-е годы бурят в Баянголе и Баргузине британская антрополог К. Хэмфри нашла, что буряты, идя на охоту, всегда делали подношения духам. Она пришла к выводу, что шаманские, буддийские ритуалы, смешавшись друг с другом, были связаны с советскими ритуалами (Humphrey, 1983: 373). Она показала, как социально-экономическая ситуация повлияла на такие важные ритуалы, как Сагаалган, знаменующий Новый год и Сурхарбан, проводимый в преддверии урожая. По ее мнению, первый праздник сохранил религиозное содержание, а второй, связанный в группами работников, стал

*Фото 6. Аил на летнике в горах. Горный Алтай.
Фото Л. Четыровой, 2010 г.*

*Photo 6. Ail (an ethnic house) in the mountains. Altai Mountains.
Photo by L. Chetyrova, 2010.*

Фото 7. Ритуал подношения духам местности, исполненный шаманами для туристов. Бурятия, озеро Байкал. Фото Л. Четыровой, 2010 г.

Photo 7. The ritual of offering to the spirits of the land performed by shamans for tourists. Buryatia, Lake Baikal. Photo by L. Chetyrova, 2010.

секулярным (там же: 378). По мнению пожилых бурят, существует цикличность в смене ламаизма и шаманизма. Шаманизм был изгнан ламаистами, которых в свою очередь изгнали коммунисты. И вот сейчас настало время возвращения шаманизма. В прежние времена в каждой деревне было от одного до пяти шаманов (там же: 404). В советский период, несмотря на резкое сокращение их численности, они исполняли шаманские практики. Шаманы в Баргузине принимали в двух типах ритуалов: *обоо тахилга* — коллективное подношение духам местности и *тайлган* — подношение духам-покровителям рода. Ссылаясь на Т. Михайлова, она пишет, что лишь треть участников ритуала тайлган были «активно верующими» и понимали смысл ритуала (там же: 410).

В 1990-е годы с началом восстановления традиционных для России религий произошла легализация деятельности шаманов. Шаманы стали открыто осуществлять свою деятельность, которую следует квалифицировать как профессиональную. Для того, чтобы быть признанным в качестве шамана, необходимо иметь соответствующие эзотерические знания, обладать навыками и умениями, а также получить легитимацию со стороны шаманского сообщества. Поскольку они получают плату за свои услуги, то их деятельность является трудовой.

Восстановление шаманских традиций, во многом утраченных в советское время или слившихся с советскими ритуалами, стало возможным благодаря

работам этнографов, которые в своих публикациях описывали полученные во время полевых исследований шаманские практики. Наиболее известными и авторитетными специалистами в этой области являются Т. М. Михайлов (1929-2009) и М. Б. Кенин-Лопсан. Последний — практикующий шаман. В ноябре 1992 г. он учреждает Религиозную организацию тувинских шаманов «Дунгур» («Бубен») (Общество шаманов, <http://www.dungur.ru/>). Годом позже при Республиканском краеведческом музее им. Алдан-Маадыр (60 богатырей) учреждается Научный центр по изучению шаманизма. В 1994 г. Фонд исследований шаманизма (Foundation for Shamanic studies, Mill Valley, CA, USA) присвоил М. Б. Кенин-Лопсану звание «Живое сокровище шаманизма». Шаманы вновь стали исполнять свои лечебные, предсказательные и иные функции. Тот факт, что они объединены в централизованную организацию, подтверждает их профессиональный статус. В Кызыле организация шаманов была коммерчески ориентированной, на табличках помещались надписи с указанием цен на услугу — изгнание демонов из дома, проводы умершего (Хэмфри, 2010: 372).

Перформативный и визуальный характер культуры общества потребления, частью которого являются представители этнических обществ, выражается в появлении различных центров шаманизма, реализующих перформативную практику. Шаманские представления исполняются не только для последователей шаманизма, но и для туристов, движимых в поисках новых развлечений мультипликацией желаний. К такому же типу относятся перформативные действия, реализуемые буддийскими священнослужителями (создание песочных мандал, танцы Цам и др.).

Восстановление буддийской традиции в тюрко-монгольских регионах шло по-разному. В Бурятии буддийская традиция сохранилась лучше, чем где бы то ни было в советское время. В остальных буддийских регионах, особенно в Калмыкии, восстановление традиции шло путем приглашения тибетских учителей, стремящихся к восстановлению аутентичной буддийской традиции.

Как показывают социологические исследования, благодаря восстановлению религиозных традиций шаманизма и буддизма заметно поменялись категории восприятия, в особенности у молодежи этнических регионов (Евразийский мир, 2010).

Для тружеников села — скотоводов, в частности, это означало восстановление прежней духовно-практической системы труда, где производственные усилия вписаны в сложную систему взаимодействия человека с реальностью иного, влияющей и определяющей ход его трудовой жизни.

Шаманы не только «вышли из подполья» в селах, но и появились в городах. Это новый феномен не только в шаманизме, но и в городской жизни. К. Хэмфри, исследуя город, как «рабочее место» шаманов, пишет, что самые известные шаманы Улан-Удэ выросли в городе, происходят из семей интеллигенции, среди них есть и мужчины, и женщины. Они входят в профессиональную ассоциацию

и отделяют себя от всякого рода знахарей, экстрасенсов, ясновидящих, которых они считают шарлатанами (Хэмфри, 2010: 361–362).

По мнению К. Хэмфри, городских шаманов следует отнести к категории постмодернистских шаманов. Эти шаманы преобразуют городскую среду, восстанавливают связь городской территории с другими временами и пространствами, наполняя ее энергией, преобразуя социальные отношения в рамках города (там же: 362–363). Город, следовательно, вписывается в реальность, имеющую два уровня — профанный и сакральный.

Постмодернистские шаманы наряду с традиционными духами предков используют в качестве духов предыдущие воплощения клиентов, потаенные «я», которые скрываются в личности и портят жизнь (там же: 372). В городе шаман объясняет несчастья клиентов разрывом связи с духами предков, так как в 1990-е годы многие сельские буряты мигрировали в города. Практика городских шаманов, по мнению К. Хэмфри, не только помогает восстановить связи бывших сельчан с духами предков, но и «взрывает» буддийские и светские институции — школу, больницы, дацан, превращая городское пространство в «места силы».

Заключение

Подводя итоги, следует сказать, что в истории трудовой культуры бурят, калмыков, монголов, тувинцев конкурирующими были две основные модели труда: труд кочевника-скотовода и труд земледельца. Причем первый всегда был связан с ратным делом. Особенность этих моделей труда состоит в том, что они возникали и изменялись под формирующим воздействием разных империй — монгольской, российской, советской империи наций. Кроме того, изучение моделей и образом труда тюрко-монголов предполагает выявление того символического контекста, в котором выявится их подлинный смысл и значение.

В репертуаре моделей труда тюрко-монголов важное место занимает труд тех, кто отвечает за связь труда с реальностью иного — сакральным миром духов или буддийских божеств. Поскольку подобные занятия требуют профессиональной подготовки: приобретения знаний, освоения навыков и умений, а также осуществляются за плату, то их следует квалифицировать как трудовую деятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атанов, Н. И. (2010) Трансформация хозяйственного уклада монголоязычных народов Южной Сибири // Глобализация и монгольский мир : сб. статей по материалам Международной научной конференции, проведенной 15–18 июля

2010 г. (в рамках IV Заседания Генеральной сессии Конвента монголов мира в Улан-Удэ) / гл. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ : б/и. 387 с. С. 35–39.

Бадмаев, В. Н. (2007) Кочевая культура как фактор хозяйственной жизни калмыцкого этноса // Вестник Калмыцкого регионального отделения Российского философского общества. № 1. С. 7–12.

Бадмаева, Е. Н. (2009) Поволжская колониационно–мелиоративная экспедиция в Калмыкии периода НЭПа // Материалы Международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.) : в 2-х ч. / отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста : НПП «Джангар». Ч. 1. 445 с. С. 89–93.

Бадмаева, Т. Б. (1992) Невербальные формы общения в традиционном быту калмыков // VI Международный конгресс монголоведов. Улан–Батор, август 1992. Доклады российской делегации. М. : Институт востоковедения. С. 3–7.

Базен, Л. (1986) Человек и понятие истории у тюрков Центральной Азии в VIII в. // Зарубежная тюркология : сб. / пер. с англ., нем., фр. / сост. и авт. предисл. С. Г. Кляшторный. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М. : Наука. 383 с. С. 345–360.

Баринава, Е. Б. (2013) Этнокультурные контакты Китая с народами Центральной Азии в древности и средневековье. М. : ИЭА РАН. 419 с.

Батмаев, М. М. (1993) Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста : АПП «Джангар». 382 с.

Деготькова, И. (2018) Власти добрались до самозанятых: как отобразить доходы у 20 миллионов россиян [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. 1 апреля. URL: <http://www.mk.ru/economics/2018/04/01/vlasti-dobralis-do-samozanyatykh-kak-otobrat-dokhody-u-20-millionov-rossiyan.html> (дата обращения: 2.04.2018 г.).

Даргын–оол, Ч. К. (2006) Проблемы модернизации Тувы // IX Международный конгресс монголоведов. Улан–Батор, 8–12 август 2006. Доклады российских ученых. М. : Товарищество научных изданий КМК. 366 с. С. 48–54.

Дашибалов, Б., Рассадин, В. (2004) Откуда вышли предки монголов? // Восточная коллекция. № 4 (19). С. 35–41.

Добренко, Е. (2007) Политэкономия соцреализма. М. : Новое литературное обозрение. 592 с.

Дробышев, Ю. И. (2006) О природопользовании ранних монголов // IX Международный конгресс монголоведов. Улан–Батор, 8–12 август 2006 г. Доклады российских ученых. М. : Товарищество научных изданий КМК. 366 с. С. 54–62.

Дробышев, Ю. И. (2014) Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III до н. э. — XVI в. н. э.). М.: Институт востоковедения РАН. 604 с.

Дробышев, Ю. И., Гунин П. Д., Бажа, С. Н. (2008) Роль буддизма как регулятора природопользования на разных этапах социально-экономического развития Монголии // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Вторые Доржиевские чтения / отв. ред. А. О. Бороноев. СПб. : Санкт-Петербургское востоковедение. 368 с. С. 121–136.

Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация (2010) / отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск: Нонпарель. 449 с.

Жанисов, А. Т. (2002) Коневодство как один из основных системообразующих факторов зарождения и развития номадизма в степях Евразии // Материальные и духовные основы калмыцкой государственности в составе России (к 360-летию со дня рождения Аюки-хана): Материалы международной научной конференции : в 2-х ч. / отв. ред. Г. М. Борликов. Элиста: КалмГУ. Ч. 2. 156 с. С. 88–90.

Козлова, Н. Н. (1999) Социально-историческая антропология. М. : Ключ-С. 192 с.

Кознова И. (1997) Традиции и новации в поведении современных крестьян // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / под. ред. М. Б. Олкотт, В. Тишкова, А. Малашенко. М.: Моск. Центр Карнеги. 490 с. С. 359–382.

Крадин, Н. Н., Скрынникова, Т. Д. (2006) Империя Чингис-хана. М. : Восточная литература. 557 с.

Кызласов, Л. Р. (1975) Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. История и культура Востока Азии. Т. III / отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск : Наука. 236 с. С. 170–177.

Кызласов, Л. Р. (1984) История Южной Сибири в средние века. М. : Высшая школа. 167 с.

Кычанов, Е. И. (1980) Монголы в VI — первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века / отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск : Наука. 236 с. С. 136–148.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества. Тувинский феномен. М. : Книжный дом «Либроком». 272 с.

Мак-Нил, У. (2004) Восхождение Запада: История человеческого сообщества / пер. с англ. Киев : Ника-центр; М. : Старклайт. 1063 с.

Масанов, Н. Э. (1995) Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевничества). Алматы : Социнвест ; М. : Горизонт. 320 с.

Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху (1984) / пер. кит. источников / отв. ред. Н. Ц. Мункуев; введ., пер. и коммент. В. С. Таскина. М. : Наука. 486 с.

Нанзатов, Б. З. (2010) Традиционные формы хозяйствования бурят и особенности организации труда как пример адаптации в условиях модернизационных процессов // Глобализация и монгольский мир : сб. статей по материалам Международной научной конференции, проведенной 15–18 июля 2010 г. [в рамках IV Заседания Генеральной сессии Конвента монголов мира в Улан-Удэ] / гл. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ : Конвент монголов мира [и др.]. 387 с. С. 73–77.

Отходники (2013) / Плюснин Ю. М. и др. М. : Новый Хронограф. 376 с.

Потаев, В. С. (2011) Из опыта развития монгольского пастбищного животноводства // Сотрудничество Монголии и Бурятии (Россия) в свете обеспечения безопасности в ШОС: мат-лы междунар. семинара / отв. ред. Ю. В. Попков. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 150 с. С. 69–77.

Рахманалиев, Р. (2009) Империя тюрков: великая цивилизация. М.: РИПОЛ классик. 709 с.

Содномпилова, М. М. (2002) Рациональное и символическое в строительной традиции бурят // VIII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 5–12 августа 2002 г.) доклады российской делегации / отв. ред. Р. Б. Рыбаков. М. : «Гуманитарий» Академия гум. исследований. 302 с. С. 122–128.

Сусеева, Д. А. (2003) Письма хана Аюки и его современников (1714–1724: опыт лингвосоциологического исследования. Элиста : АПП «Джангар». 456 с.

Ткачев, В. Н. (1986) Каракорум в XIII веке // Mongolia : Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова, 1884–1931 : сборник статей / редкол.: А. Н. Кононов (пред.) и др. М. : Наука. 301 с. С. 219–231.

Франке, Н. С. (2008) Порядок трудоустройства безработных на верхнеудинской бирже труда // Сибирские чтения в РГГУ. Альманах. Вып. 3. М.: РГГУ. С. 155–160.

Хэмфри, К. (2010) Постсоветские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки) / пер. с англ. М.: Наталис. 384 с.

Чимидов, Т. А. (2009) Система использования и меры ухода за пастбищным полем // Материалы Международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября, 2009, г.) : в 2-х ч. / отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста: НПП «Джангар». Ч. 2. 648 с. С. 483–487.

Шубин, В. Ф. (1953) Земледелие Монгольской Народной Республики. М. : Изд-во АН СССР. 347 с.

Шюц, А. (1988) Структура повседневного мышления // Социологические исследования. № 2. С. 129–137.

Gardner, G. (2010) Engaging Religions to Shape Worldviews [Электронный ресурс] // State of the World 2010: Transforming Cultures: From Consumerism to Sustainability. P. 20–29. URL: <http://blogs.worldwatch.org/transformingcultures/wp-content/uploads/2009/04/Engaging-Religions-to-Shape-Worldviews-Gardner.pdf> (дата обращения: 28.02.2018).

Grousset, R. (1970) The Empire of Steppes. A History of Central Asia / Transl. from French by N. Walford. Rutgers University. 687 p.

Humphrey, C. (1983) Karl Marx Collective: economy, society and religion in a Siberian collective farm. Cambridge : Cambridge University Press. 516 p.

Lane, G. (2006) Daily life in the Mongol empire. Greenwood Press, Westport, CT. 312 p.

Nierenberg, D. (2007) Meat Output and Consumption Grow [Электронный ресурс] // Vital Signs. The Trends That Are Shaping Our Future. P. 24–26. URL: <http://www.worldwatch.org/files/pdf/Vital%20Signs%202007-2008.pdf> (дата обращения: 28.02.2018).

Weatherford, J. (2010) The Secret History of Mongol Queens. How the Daughter of Genghis Khan rescued His Empire. New York : Broadway Paperbacks. 318 p.

Дата поступления: 13.04.2018 г.

REFERENCES

Atanov, N. I. (2010) Transformatsiia khoziaistvennogo uklada mongo-loiazychnykh narodov Iuzhnoi Sibiri [Transformation of Southern Siberia Mongolian-speaking Peoples' Economic Structure]. In: *Globalizatsiia i mongol'skii mir : sb. statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, prove-dennoi 15–18 iulia 2010 g. (v ramkakh IV Zasedaniia General'noi sessii Konventa mongolov mira v Ulan-Ude)* [Globalization and the Mongolian World: Proceedings of the International Scientific Conference held on July 15–18, 2010 (within the IV Session of the General Session of the Mongolian Convention in Ulan-Ude)] / Ed. by B. V. Bazarov. Ulan-Ude, s. n. 387 p. Pp. 35–39. (In Russ.).

Badmaev, V. N. (2007) Kochevaia kul'tura kak faktor khoziaistvennoi zhizni kalmytского этноса [Nomadic culture as a factor of Kalmyk economic life]. *Vestnik Kalmytского regional'nogo otdeleniia Rossiiskogo filosofskogo obshchestva*, no. 1, pp. 7–12. (In Russ.).

Badmaeva, E. N. (2009) Povolzhskaia kolonizatsionno–meliorativnaia ekspeditsiia v Kalmykii perioda NEPa [The Volga colonization and land improvement expedition in Kalmykia during the NEP]. In: *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Edinaia Kalmykiia v edinoi Rossii: cherez veka v budushchee», posviashchennoi 400-letii*

iu dobrovol'nogo vkhozhdeniia kalmytskogo naroda v sostav rossiiskogo gosudarstva (g. Elista, 13–18 sentiabria 2009 g.) [Proceedings of the International Scientific Conference "The United Kalmykia in the Unified Russia: Through the centuries to the Future", dedicated to the 400th anniversary of the voluntary entry of the Kalmyk people into the Russian state (Elista, September 13-18, 2009)] : in 2 vols. / ed. by N. G. Ochirov. Elista, NPP «Dzhangar». Vol. 1. 445 p. Pp. 89–93. (In Russ.).

Badmaeva, T. B. (1992) Neverbal'nye formy obshcheniia v traditsionnom bytu kalmykov [Nonverbal forms of communication in the Kalmyk traditional lifestyle]. In: *VI Mezhdunarodnyi kongress mongolovedov. Ulan–Bator, avgust 1992. Doklady rossiiskoi delegatsii [6th International Congress of the Mongolists. Ulan-Bator, August 1992. Presentations of the Russian delegation]*. Moscow, Institut vostokovedeniia. Pp. 3–7. (In Russ.).

Bazen, L. (1986) Chelovek i poniatie istorii u tiurkov Tsentral'noi Azii v VIII v. [Man and the concept of history among the Turks of Central Asia in the 8th century]. In: *Zarubezhnaia tiurkologiia [Turkic studies abroad]* : collected papers / Transl. from Engl., Germ., Fr. / comp. and pref. by S. G. Kliashtornyi. Vol. 1. Drevnie tiurkskie iazyki i literatura. Moscow, Nauka. 383 p. Pp. 345–360. (In Russ.).

Barinova, E. B. (2013) *Etnokul'turnye kontakty Kitaia s narodami Tsentral'noi Azii v drevnosti i srednevekov'e [Chinese ethnocultural contacts with the peoples of Central Asia in the ancient times and the Middle Ages]*. Moscow, IEA RAN. 419 p. (In Russ.).

Batmaev, M. M. (1993) *Kalmyki v XVII–XVIII vekakh. Sobytiia, liudi, byt [Kalmyks in the 17th and 18th centuries. Events, people, everyday life]*. Elista, APP «Dzhangar». 382 p. (In Russ.).

Degot'kova, I. (2018) Vlasti dobralis' do samozaniatykh: kak otobrat' dokhody u 20 millionov rossiian [Authorities focus on the self-employed: how to tax revenues of 20 million Russians]. *Moskovskii komsomolets*, April 1 [online] Available at: <http://www.mk.ru/economics/2018/04/01/vlasti-dobralis-do-samozanyatykh-kak-otobrat-dokhody-u-20-millionov-rossiyan.html> (access date: 2.04.2018). (In Russ.).

Dargyn–ool, Ch. K. (2006) Problemy modernizatsii Tuvy [Problems of modernization in Tuva]. In: *IX Mezhdunarodnyi kongress mongolovedov. Ulan–Bator, 8–12 avgust 2006. Doklady rossiiskikh uchenykh [IX International Congress of Mongolists. Ulan-Bator, August 8–12, 2006. Presentations of Russian researchers]*. Moscow, Tovarishchestvo nauchnykh izdanii KMK. 366 p. Pp. 48–54. (In Russ.).

Dashibalov, B. and Rassadin V. (2004) Otkuda vyshli predki mongolov? [Where did the ancestors of Mongols come from?]. *Vostochnaia kolleksiia*, no. 4 (19), pp. 35–41. (In Russ.).

Dobrenko, E. (2007) *Politekonomiia sotsrealizma [The political economy of the socialist realism]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 592 p. (In Russ.).

Drobyshev, Iu. I. (2006) O prirodopol'zovanii rannikh mongolov [On the uses of nature by the early Mongols]. In: *IX Mezhdunarodnyi kongress mongolovedov. Ulan–Ba-*

tor, 8–12 avgust 2006. *Doklady rossiiskikh uchenykh [IX International Congress of Mongolists. Ulan-Bator, August 8–12, 2006. Presentations of Russian researchers]*. Moscow, Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK. 366 p. Pp. 54–62. (In Russ.).

Drobyshev, Iu. I. (2014) *Chelovek i priroda v kochevykh obshchestvakh Tsentral'noi Azii (III do n. e. — XVI v. n. e.) [Man and nature in the nomadic societies of Central Asia (3rd century BC – 16th century AD)]*. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN. 604 p. (In Russ.).

Drobyshev, Iu. I., Gunin P. D. and Bazha, S. N. (2008) Rol' buddizma kak regulatora prirodopol'zovaniia na raznykh etapakh sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Mongolii [Buddhism as the regulator of environmental management at different stages of the socio-economic development of Mongolia]. In: *Buddiiskaia kul'tura: istoriia, istochnikovedenie, iazykoznanie i iskusstvo: Vtorye Dorzhievskie chteniia [Buddhist Culture: History, Source Studies, Linguistics and Art: 2nd Dorzhiev Readings]* / ed. by A. O. Boronoev. St. Petersburg, Sankt–Peterburgskoe vostokovedenie. 368 p. Pp. 121–136. (In Russ.).

Evraziiskii mir: tsennosti, konstanty, samoorganizatsiia [Eurasian world: values, constants, self-organization] (2010) / ed. by Iu. V. Popkov. Novosibirsk, Nonparel'. 449 p. (In Russ.).

Zhanisov, A. T. (2002) Konevodstvo kak odin iz osnovnykh sistemoob-razuiushchikh faktorov zarozhdeniia i razvitiia nomadizma v stepiakh Evrazii [Horse breeding as one of the main system-forming factors of the origin and development of nomadism in the Eurasia steppes]. In: *Material'nye i dukhovnye osnovy kalmytskoi gosudarstvennosti v sostave Rossii (k 360-letiiu so dnia rozhdeniia Aiuki-khana): Materialy mezhduna-rodnoi nauchnoi konferentsii [Material and spiritual foundations of the Kalmyk statehood as a part of Russia (for the 360th Anniversary of Ayuki Khan): Proceedings of international conference]* : in 2 vols. / ed. by G. M. Borlikov. Elista, KalmGU. Vol. 2. 156 p. Pp. 88–90. (In Russ.).

Kozlova, N. N. (1999) *Sotsial'no–istoricheskaiia antropologiia [Socio-historical anthropology]*. Moscow, Kliuch–S. 192 p. (In Russ.).

Koznova I. (1997) Traditsii i novatsii v povedenii sovremennykh krest'ian [Traditions and innovations in modern peasants' behavior]. In: *Identichnost' i konflikt v postsovetskikh gosudarstvakh [Identity and Conflict in Post-Soviet States]* / ed. by M. B. Olcott, V. Tishkova and A. Malashenko. Moscow, Mosk. Tsentr Karnegi. 490 p. Pp. 359–382. (In Russ.).

Kradin, N. N. and Skrynnikova, T. D. (2006) *Imperiia Chingis–khana [The empire of Genghis Khan]*. Moscow, Vostochnaia literatura. 557 p. (In Russ.).

Kyzlasov, L. R. (1975) Rannie mongoly (k probleme istokov sredne-vekovoi kul'tury) [Early Mongolians: On the issue of the origins of medieval culture]. In: *Sibir', Tsentral'naia i Vostochnaia Aziia v srednie veka. Istoriia i kul'tura Vostoka Azii [Siberia,*

Central and Eastern Asia in the Middle Ages. History and culture of East Asia. Vol. III / Ed. by V. E. Larichev. Novosibirsk, Nauka. Vol. III. 236 p. Pp. 170–177. (In Russ.)

Kyzlasov, L. R. (1984) *Istoriia Iuzhnoi Sibiri v srednie veka [History of Southern Siberia in the Middle Ages]*. Moscow, Vysshiaia shkola. 167 p. (In Russ.)

Kychanov, E. I. (1980) Mongoly v VI — pervoi polovine XII v. [Mongols from the 6th to the first half of the 12th century]. In: *Dal'nii Vostok i sosednie territorii v srednie veka [Far East and neighboring territories in the Middle Ages]* / Ed. by V. E. Larichev. Novosibirsk, Nauka. 236 p. Pp. 136–148. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen [Archaization of the society: the Tuvan phenomenon]*. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom». 272 p. (In Russ.)

McNeill, W. (2004) *Voskhozhdenie Zapada: Istoriia chelovecheskogo so-obshchestva [The Rise of the West: The history of the human community]* / Transl. from Engl. Kiev, Nika-tsent; Moscow, Starklait. 1063 p. (In Russ.)

Masanov, N. E. (1995) *Kochevaia tsivilizatsiia kazakhov (osnovy zhizne-deiatel'nosti nomadnogo obshchestva) [Nomadic civilization of Kazakhs: foundations of the vital activity of a nomadic society]*. Almaty, Sotsinvest; Moscow, Gorizont. 320 p. (In Russ.)

Materialy po istorii drevnikh kochevykh narodov gruppy dunkhu [Sources on the history of the ancient nomadic peoples of the Donghu group] (1984) / Translations of Chinese sources / Ed. by N. Ts. Munkuev; Introduction, translation and commentary by V. S. Taskin. Moscow, Nauka. 486 p. (In Russ.)

Nanzatov, B. Z. (2010) Traditsionnye formy khoziaistvovaniia buriat i osobennosti organizatsii truda kak primer adaptatsii v usloviakh moderni-zatsionnykh protsessov [Buryat traditional forms of economic management and the distinctions of the work organization as an example of adaptation to the modernization process]. In: *Globalizatsiia i mongol'skii mir : sb. statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, provedennoi 15–18 iulia 2010 g. (v ramkakh IV Zasedaniia General'noi sessii Konventa mongolov mira v Ulan-Ude) [Globalization and the Mongolian World: Proceedings of the International Scientific Conference held on July 15–18, 2010 (within the IV Session of the General Session of the Mongolian Convention in Ulan-Ude)]* / Ed. by B. V. Bazarov. Ulan-Ude, s. n. 387 p. Pp. 73–77. (In Russ.)

Otkhodniki [Seasonal workers] (2013) / Pliusnin Iu. M. et al. Moscow, Novyi Khronograf. 376 p. (In Russ.)

Potaev, V. S. (2011) Iz opyta razvitiia mongol'skogo pastbishchnogo zhitovnovodstva [From the experience of the development of Mongolian pasture livestock breeding]. In: *Sotrudnichestvo Mongolii i Buriatii (Rossiia) v svete obespecheniia bezopasnosti v ShOS: mat-ly mezhdunar. seminarov [Collaboration of Mongolia and Buryatia (Russia) in the light of ensuring security of the SCO: proceedings of the international workshop]* / ed. by Iu. V. Popkov. Ulan-Ude, Izd-vo BNTs SO RAN. 150 p. Pp. 69–77. (In Russ.)

Rakhmanaliev, R. (2009) *Imperiia tiurkov: velikaia tsivilizatsiia [Empire of the Turks: the great civilization]*. Moscow, RIPOL klassik. 709 p. (In Russ.)

Sodnompilova, M. M. (2002) Ratsional'noe i simvolicheskoe v stroi-tel'noi traditsii buriat [Rational and symbolic in the Buryat construction tradition]. In: *VIII Mezhdunarodnyi kongress mongolovedov (Ulan-Bator, 5–12 avgusta 2002 g.) doklady rossiiskoi delegatsii [8th International Congress of Mongolists (Ulan-Bator, August 5–12, 2002), Presentations of the Russian delegation]* / ed. by R. B. Rybakov. Moscow, «Gumanitarii» Akademiia gum. issledovaniia. 302 p. Pp. 122–128. (In Russ.)

Suseeva, D. A. (2003) *Pis'ma khana Aiuki i sego sovremennikov (1714–1724: opyt lingvosotsiologicheskogo issledovaniia [The letters of Ayuka Khan and his contemporaries (1714–1724): an attempt at a linguosociological study]*. Elista, APP «Dzhan-gar». 456 p. (In Russ.)

Tkachev, V. N. (1986) Karakorum v XIII veke [Karakorum in the 13th century]. In: *Mongolica : Pamiati aka-demika Borisa Iakovlevicha Vladimirtsova, 1884–1931 [Mongolica : in the memory of Boris Yakovlevich Vladimirtsov, FRAS, 1884–1931]* : collected papers / Editor-in-Board: A. N. Kononov (preface) et al. Moscow, Nauka. 301 p. Pp. 219–231. (In Russ.)

Franke, N. S. (2008) Poriadok trudoustroistva bezrobotnykh na verkh-neudinskoii birzhe truda [The method of employment of the unemployed at the Verkhneudinsky Employment Bureau]. In: *Sibirskie chteniia v RGGU. Almanac. Vol. 3.* Moscow, RGGU. Pp. 155–160. (In Russ.)

Humphrey, C. (2010) *Postsovetskie transformatsii v aziatskoi chasti Rossii (antropologicheskie ocherki) [Post-Soviet transformations in the Asian part of Russia: Essays in anthropology]*. Transl. from Engl. Moscow, Natalis. 384 p. (In Russ.)

Chimidov, T. A. (2009) Sistema ispol'zovaniia i mery ukhoda za past-bishchnym polem [System of use and modes of pasture field care]. In: *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Edinaia Kalmykiia v edinoi Rossii: cherez veka v budushchee», posviashchennoi 400-letiiu dobrovol'nogo vkhozhdeniia kalmytskogo naroda v sostav rossiiskogo gosudarstva (g. Elista, 13–18 sentiabria, 2009 g.) [Proceedings of the International Scientific Conference "The United Kalmykia in the Unified Russia: Through the centuries to the Future", dedicated to the 400th anniversary of the voluntary entry of the Kalmyk people into the Russian state (Elista, September 13–18, 2009)]* : in 2 vol. / Ed. by N. G. Ochirov. Elista, NPP «Dzhangar». Vol. 2. 648 p. Pp. 483–487. (In Russ.)

Shubin, V. F. (1953) *Zemledelie Mongol'skoi Narodnoi Respubliki [Agriculture of the Mongolian People's Republic]*. Moscow, Izd-vo AN SSSR. 347 p. (In Russ.)

Schutz, A. (1988) Struktura povsednevnogo myshleniia [Structure of the everyday thinking]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 129–137. (In Russ.)

Gardner, G. (2010) *Engaging Religions to Shape Worldviews. State of the World 2010: Transforming Cultures: From Consumerism to Sustainability*. P. 20–29 [online] Available

at: <http://blogs.worldwatch.org/transformingcultures/wp-content/uploads/2009/04/Engaging-Religions-to-Shape-Worldviews-Gardner.pdf> (access date: 28.02.2018).

Grousset, R. (1970) *The Empire of Steppes. A History of Central Asia* / Transl. from French by N. Walford. Rutgers University. 687 p.

Humphrey, C. (1983) *Karl Marx Collective: economy, society and religion in a Siberian collective farm*. Cambridge, Cambridge University Press. 516 p.

Lane, G. (2006) *Daily life in the Mongol empire*. Greenwood Press, West-port, CT. 312 p.

Nierenberg, D. (2007) *Meat Output and Consumption Grow. Vital Signs. The Trends That Are Shaping Our Future*. P. 24–26 [online] Available at: <http://www.worldwatch.org/files/pdf/Vital%20Signs%202007-2008.pdf> (access date: 28.02.2018).

Weatherford, J. (2010) *The Secret History of Mongol Queens. How the Daughter of Genghis Khan rescued His Empire*. New York, Broadway Paper-backs. 318 p.

Submission date: 13.04.2018.

Для цитирования:

Четырова Л. Б. Труд в этнической культуре кочевников постсоциализма (на примере бурят, калмыков, тувинцев) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/770> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2018.2.3

For citation:

Chetyrova L. B. Labor in post-socialist ethnic culture: the cases of Buryats, Kalmyks and Tuvans. *The New Research of Tuva*, 2018, no. 2 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/770> (accessed: ...). DOI: 10.25178/nit.2018.2.3

DOI: 10.25178/nit.2018.2.4

МЕНТАЛЬНЫЕ И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТУВИНЦЕВ В СИСТЕМЕ ДЕТЕРМИНАНТ РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА (НА ПРИМЕРЕ ЭТНОТУРИЗМА)

Светлана А. Мадюкова

Институт философии и права
Сибирского отделения
Российской академии наук,
Российская Федерация

MENTAL AND ETHNO- PSYCHOLOGICAL FEATURES OF TUVANS WITHIN THE SYSTEM OF DEVELOPMENT DETERMINANTS OF THE REPUBLIC OF TUVA: THE CASE OF ETHNO-TOURISM

Svetlana A. Madyukova

Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

Этнотуризм рассматривается как экономическая и социокультурная детерминанта регионального развития в Республике Тыва, что осознается руководством региона, закреплено в ряде законодательных актов и реализовано в ряде государственных программах. Однако усилия власти опираются прежде всего на экономические ресурсы. Автору представляется необходимым выявление ментальных и этнопсихологических особенностей тувинцев, которые могут способствовать развитию туризма в республике, а определенные черты — препятствовать.

К таким значимым особенностям национального характера отнесены ментальная закрытость тувинцев, высокая значимость родственных связей и родовой принадлежности, коллективистское мышление, тувинская гордость и любовь к малой родине, низкие акquisитивные потребности тувинцев в накоплении денег и некоторая поведенческая

Ethno-tourism is now often seen as an economic and sociocultural determinant of regional development in the Republic of Tuva. This is now understood by the regional authorities, embodied in a certain amount of legislation and implemented through a number of action plans. However, the work of the authorities relies largely on economic resources available. In this article, the author chose to focus on Tuvan mental and ethno-psychological features which can either facilitate or impede the progress of tourism in the region.

Among these significant features of Tuvan ethnic character are the small degree of mental openness to outside influence, the high importance of family affinities and of belonging to kinship groups, the collectivist way of thinking, national pride and love of the homeland, low acquisitive demands (especially concerning money), a certain inertia

Мадюкова Светлана Александровна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 630009, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8, к. 408. Тел.: +7 (383) 330-22-40. Эл. адрес: sveiv7@mail.ru

Madyukova Svetlana Aleksandrovna, Candidate of Philosophy, Senior Research Fellow, Department of Social and Legal Studies, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Science. Postal address: 8, Nikolayev St., 630009 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 330-22-40. E-mail: sveiv7@mail.ru

инертность, специфическое «тувинское время», тувинская билингвальность и негативный образ тувинцев в СМИ, не соответствующий самовосприятию тувинцев.

На основе анализа фестивалей и национальных праздников в Туве, отнесенных к ресурсам событийного туризма, выявлен один из наиболее значимых по своим последствиям аспектов развития этнотуризма в регионе: ценностно-этические трансформации этнического самосознания, выраженные в десакрализации и коммерциализации традиционной культуры. Этнотуризм представляется наиболее «красноречивой» практикой формирования эрзац-культуры (с упрощенным приготовлением традиционных блюд, использованием более дешевых тканей, машинной вышивки, использования формы юрты в коммерческих проектах туристических баз и пр.).

Сделан вывод, что, с одной стороны, повышение популярности этнотуризма в Туве может являться значимой экономической детерминантой регионального развития. К позитивным результатам развития туристической области в Туве можно также отнести возможные трансформации менталитета тувинцев, развитие социально-культурных связей Тувы с другими регионами страны, провозглашение политики открытых границ, культурного обмена и взаимообогащения между народами. С другой стороны, этнопсихологические особенности тувинцев с необходимостью должны учитываться при формировании экономической и национальной политики в регионе.

Ключевые слова: социокультурные детерминанты; социокультурное развитие; экономическое развитие; регион; Тува; этнотуризм; этнокультура; менталитет; тувинцы; экономическая культура

Постановка проблемы. Социокультурные и экономические детерминанты и место туризма в их комплексе

Комплексный анализ детерминант современного регионального развития является значимой научной задачей, позволяющей выявить причинно-следственную связь ряда социокультурных явлений, зафиксировать возможности как повышения экономического благосостояния конкретного региона, так и его социокультурного развития. Нам представляется необходимым рассмотрение экономических и социокультурных детерминант региональной трансформации в комплексе, как взаимозависимых и взаимообусловленных явлений.

В самом общем виде под детерминантой обычно понимают фактор, обуславливающий то или иное явление, а также причину, приводящую к определенному результату. Анализу разного рода детерминант посвящен значительный

of behavior, the presence of specific ‘Tuvan time’, bilingualism and the negative image of Tuvans in mass media – an image which does not match the self-image of Tuvans.

Having analyzed festivals and ethnic celebrations in Tuva which can be classified as resources of event tourism, the author focused on one of the most implication-rich aspects of developing ethno-tourism in the region. It concerns the value-based and ethical transformation of the ethnic self-consciousness which found their expression in desacralization and commercialization of traditional culture. Ethno-tourism appears to be the most “eloquent” practice in the rise of this ersatz culture, where traditional cuisine is simplified, cheaper cloth and machine embroidery is used, the traditional designs, such as that of the yurta, appear in commercial projects, e.g. of holiday camps.

The author concludes that, on the one hand, increasing popularity of ethno-tourism in Tuva can propel the industry to becoming an important economic determinant of regional development. More positive influences can be expected in potential transformation of the Tuvan mentality, in enhanced social and cultural links between Tuva and other regions of Russia, in the open-borders policy which calls for cultural exchange and mutual cultural enrichment between peoples and nations. On the other hand, ethno-psychological features of Tuvans must be accounted for when planning the region’s economic and ethnic policies.

Keywords: sociocultural determinants; sociocultural development; economic development; region; Tuva; ethno-tourism; ethnic culture; mentality; Tuvans; economic culture

пласт работ социогуманитарного характера: исследуются экономические (Терехова, Евдокимова, 2011; Бобрышев, Казаков, 2011; Карпунина, 2011), политические (Балтовский, 2009; Драгунский, 1995) и другие категории детерминант.

В данной работе внимание зафиксировано на социокультурных и экономических детерминантах регионального развития, к числу которых нами отнесено развитие этнотуризма. Влияние развития туризма, и этнотуризма в частности, представляется возможным рассматривать не только как экономическую, но и как социокультурную детерминанту регионального развития. Туризм — одна из важнейших отраслей торговли услугами. В то же время это одна из быстрорастущих отраслей экономики во многих странах мира, один из наиболее прибыльных видов бизнеса, привлекающий крупные инвестиции, обеспечивающий растущую занятость и поступление доходов (Куракова, 2011).

Наиболее методологически адекватным в раскрытии региональной специфики развития туризма представляется социокультурный подход. Классическая «триада» (личность, культура, общество) основателя данного подхода П. Сорокина (Сорокин, 1992) позволяет комплексно анализировать развитие региона, определять ключевые тенденции региональной динамики.

Значение развития туризма для экономики Республики Тыва

Влияние популяризации туризма на экономику региона очевидно, поскольку открывает возможности дополнительного дохода как на уровне регионального бюджета, так и на уровне его конкретных жителей.

Социально-экономический портрет региона на данный период времени следующий. Республика Тыва расположена на юге Сибирского федерального округа у государственной границы Российской Федерации, является одним из трансграничных регионов, что имеет принципиальное значение для развития туризма на макрорегиональном и мировом уровне. При этом объединяющая функция туризма связана с логикой экономической целесообразности (Дунец, 2011: 88). Преобладающей отраслью экономики Тывы является сельское хозяйство. Среднедушевые месячные доходы населения в 2016 г. в республике составили около 14 тыс. руб. (Регионы России ..., 2017: 243), при этом 42% населения республики отнесены к категории населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума (в среднем по Российской Федерации эта доля населения составляет 13%) (там же: 280–281). По объему валового регионального продукта Республика Тыва находится в конце списка регионов РФ — 47,3 млрд руб. в 2015 г. (Валовый региональный ..., Электр. ресурс).

На республиканском уровне развитие туристической отрасли осознаётся как путь экономического развития региона. В частности, в Стратегии социально-экономического развития Республики Тыва на период до 2020 г. формирование

центров роста (зон опережающего развития) и подготовка инфраструктуры для реализации базовых инвестиционных проектов, в том числе в сфере туризма и санаторно-курортного обслуживания и предоставления платных услуг населению определены в качестве приоритетных задач (Стратегия развития ... , Электр. ресурс). Физическая культура, спорт и туризм в документе зафиксированы как важнейшие стратегические ресурсы развития полноценного и здорового общества. Кроме того, принят Закон Республики Тыва от 10 июля 2009 г. № 1541 ВХ-П «О налоговых ставках при применении упрощенной системы налогообложения», предусматривающий снижение ставки единого налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения с 15 до 5 процентов для налогоплательщиков, осуществляющих туристскую деятельность (Закон Республики Тыва от 10 июля 2009 г. № 1541 ВХ-П ... , Электр. ресурс).

В регионе создано подведомственное министерству культуры республики государственное учреждение «Информационный центр туризма Республики Тыва», главной целью которого является продвижение на международный рынок туристических услуг и создание единого информационного банка данных о туристском потенциале Тувы (Севек, 2016: 204).

2010 год был объявлен в регионе Годом туризма, что, по мнению исследователей, послужило новым толчком развития туристической сферы (см., например: Севек, 2016: 205). В рамках Года туризма в Туве, для защиты интересов производителей туристических услуг, оказания информационной и консалтинговой поддержки, содействия повышению уровня профессионального мастерства и квалификации работников туристского бизнеса в республике была создана Ассоциация туризма Республики Тыва (Сунчугашева, 2013: 151).

В правительстве Тувы в настоящее время разрабатывается паспорт приоритетного проекта «Комплексное развитие туризма в Республике Тыва на 2018–2020 годы», в рамках которого разработан проект «дорожной карты» с пошаговыми мероприятиями, способствующих развитию туризма в Республике Тыва, сроки которых составляют 3 месяца, полугодие и имеют также среднесрочную перспективу до 2020 года (Поможем подняться ... , 2017: Электр. ресурс).

При этом развитие туризма в регионе реализуется не только на уровне программных документов и создания новых ведомств, но и посредством открытия конкретных интересных для туристов культурных объектов и центров. В 2012 г. в Кызыле открылся Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел, в 2016 г. был построен этнокультурный комплекс, включающий статую Будды Шакьямуни, павильон в буддийском стиле с субурганом, знак «Тенгир демдээ», памятник трем тувинским буквам «Ө», «Ү» и «Ң» (В Улуг-Хеме появился ... , 2017: Электр. ресурс), а в нынешнем 2018 г. гостинице «AZIMUT Отель Кызыл» была присвоена самая высокая классификационная категория «пять звезд» (В Туве появилась ... , 2018: Электр. ресурс).

Тем не менее, в 2016 г. в регионе работало всего 13 туристических фирм (Севек, 2016: 204). Препятствия экономического характера для успешного развития туризма в регионе достаточно подробно описаны исследователями. К барьерам развития туризма в Туве Л. А. Сунчугашева относит следующие экономические характеристики региона: «дотационность и депрессивность региона; ограниченная транспортная доступность, низкая плотность транспорта, отсутствие железной дороги, значительная удаленность от крупных транспортных, промышленных и социальных центров; отсутствие практики создания благоприятных условий для инвестиций в средства размещения туристов и иную туристическую инфраструктуру; институты управления туристической индустрией в регионе слабы» (Сунчугашева, 2013: 155).

Этнокультура и особенности менталитета тувинцев

В различного рода документах и программах декларируется, что развитие туризма в регионе могло бы способствовать позитивным сдвигам в как в социально-экономической сфере, так и в общественном сознании его жителей, позволило бы республике гармонично интегрироваться в международный рынок туризма. И все-таки серьезных масштабов развитие туризма в регионе, в отличие, например, от соседней Республики Алтай, не получило до сих пор.

Нам представляется, что наряду с экономическими препятствиями развитию туризма необходимо понимание и учет социокультурных особенностей тувинцев. Мы сфокусируем внимание на этнографическом туризме, вынося «за скобки» альпинистский, спортивный, экстремальный и другие виды туризма. Под *этнографическим туризмом* обычно понимают знакомство туристов с основами материальной и духовной культуры народа и средой его обитания (Савченко, 2012: 95). Этнотуризм дает возможность «погружения» в культурную среду, он в первую очередь направлен на познание культурного наследия коренных (в том числе малочисленных) народов, проживающих в регионе. Как следует из вышесказанного, этнотуризм имеет ярко выраженную этнокультурную составляющую, позволяет не только больше узнать о традициях и культуре народа, но и принять непосредственное участие в национальных праздниках, изучить традиции местных жителей, отведать национальные блюда.

Значимой в данном контексте представляется этническая структура региона: в Туве преобладающая по численности этническая группа — тувинцы (81% населения), русских здесь меньше, чем в любом другом сибирском регионе (около 16%). В горно-таежной части на северо-востоке и юго-востоке республики проживают тувинцы-тоджинцы — субэтническая группа тувинцев, отнесенная к числу коренных малочисленных народов Севера (Население по национальности ... , Электр. ресурс).

Стоит отметить, что в современном мире туризм из преимущественно экономического явления превращается в феномен социокультурного порядка. В данном контексте нам представляется, что наряду с экономическими, существует ряд социокультурных предпосылок для того, чтобы туризм в регионе развивался или не развивался. Не последнее место в комплексе такого рода социокультурных предпосылок в Туве занимает специфическая *тувинская ментальность*, сложившаяся в определенных исторических и культурных условиях (Ламажаа, 2017), а также этнопсихологические характеристики тувинцев.

Значимым историко-культурным контекстом, под влиянием которого сформирована тувинская ментальность, является тот факт, что Тува вошла в состав Российской Федерации относительно недавно, чуть более полувека назад, самой последней из всех территорий. До присоединения они имели самостоятельную государственность, и до сих пор сохранили исконно тувинские фамилии (История Тувы, 2007). При этом регион по-прежнему является даже не столько географически, сколько именно «ментально» обособленным (Ламажаа, 2008: 140). Выезд за пределы региона («за Саяны») является значимым событием в жизни тувинца. Въезд в регион большого количества людей также не воспринимается ментально «закрытыми» тувинцами позитивно.

И. С. Тарбастаева пишет, что «тувинцы продолжают сохранять свою ярко выраженную традиционную ментальность, которая не всегда согласуется с либеральными идеями» (Тарбастаева, 2017: 159), при этом в процессе анализа ценностно-экономических ориентаций тувинцев автор справедливо отмечает, что «речь идет не только об объективных трудностях, которые пытается преодолеть республиканская власть. Сама ментальность тувинцев не всегда согласуется с новыми требованиями рыночных отношений» (там же).

Исследуя источники межэтнической напряженности в связи со строительством железной дороги и освоением месторождений в Республике Тыва О. О. Омзаар приводит данные массового социологического опроса «Социальное самочувствие населения в связи со строительством железной дороги и освоением месторождений», проведенного ТИГИ в 2010 году (в опросе принял участие 1191 житель региона) (Омзаар, 2013). На вопрос об отношении респондентов к возможному приезду в республику людей различных национальностей в связи со строительством железной дороги практически половина опрошенных жителей региона ответила «отношусь отрицательно» (49,5%). При этом автор выявляет зависимость ответов от этнической принадлежности: так среди тувинцев отрицательно относятся к приезду в регион людей различных национальностей 54,7% (положительно — 28,0%), тогда как почти половина опрошенных русских относится к этому положительно (48,0%, отрицательно — 24,5%). Нам представляется, что до определенной степени это мнение можно экстраполировать и на туризм, хотя, безусловно, нами осознается необходимость самостоятельного исследования данного вопроса.

На это накладываются такие черты национального характера, как флегматичность (Ламажаа, 2008, 2011), некоторая поведенческая инертность и специфическое «тувинское время», которое в восприятии нетувинца становится синонимичным непунктуальности. При этом не стоит забывать о высокой степени значимости родственных связей, родовой принадлежности для тувинцев, высоком уровне их коллективистского мышления. Справедливо заключение новосибирских этносоциологов о том, что «в большинстве своем тувинцы больше разделяют коллективистские начала жизни, чем индивидуалистические, свойственные свободному рынку. Есть все основания утверждать, что коллективистские ценности тувинцев находят свое объяснение в культурных основаниях и отчасти вступают в противоречие с либеральными принципами» (Тарбастаева, 2017: 159).

Фото 1. Танец орла в исполнении участников соревнований по хурешу во время празднования Шагаа, тувинского Нового года по лунно-солнечному календарю. Фото пресс-службы Правительства Республики Тыва, 2018 г.

Photo 1. The eagle dance as performed by the participants in the Huresh competition during the celebration of Shagaa, the Tuvan New Year by the lunisolar calendar. Photo courtesy of the Press Service of the Government of the Tuva Republic, 2018.

Еще одной специфической чертой характера тувинцев можно назвать тувинскую национальную гордость: в ряде интервью автора с респондентами-тувинцами речь шла о чувстве гордости, испытываемом от осознания этнической принадлежности к тувинцам, а также о тувинцах, как о «гордом народе» (см. Мадюкова, Попков, 2011). Развитое чувство гордости, как, на наш взгляд, черты национального характера тувинцев, входит в некоторый ценностно-нормативный конфликт с тем фактом, что этнотуризм воспринимается туристами как экзотический вид отдыха, а местные жители — как часть этой экзотики, которую можно с любопытством «рассматривать в лупу». В данном контексте представляется возможным говорить

о туристах и принимающем сообществе в категориях «свои» и «чужие», в рамках которых туристы, с одной стороны, находятся в общем с принимающим сообществом географическом пространстве, включены в экономические отношения, но с другой — воспринимаются принимающим сообществом преимущественно как потребители внутрирегиональных ресурсов, по большому счету исключенные из социокультурной сферы жизни принимающего сообщества либо включенные в нее именно как потребители «экзотики».

Немаловажной характеристикой менталитета тувинцев в данном контексте является их подчас гипертрофированная любовь к малой родине, а также их развитое чувство долга перед малой родиной (см., напр.: Виноградова, 2015: Электр. ресурс). Кроме того, отношение к природе региона, значительная сакрализация природных объектов также способствует восприятию туристов как чужих в этом «храме». При этом не самый позитивный опыт соседней Республики Алтай, где в данный период времени очевидной становится серьезность последствий популяризации туризма для экологии региона является показательным примером правомерности такого восприятия туристов. На Алтае в рамках «туристского бума» отстраиваются турбазы вдоль Чуйского тракта, огораживают большие площади в тайге для создания маральников и парков для туристов. При этом, как пишет Н. А. Тадина, «попытки алтайцев отстоять родовые горы от необдуманного хозяйственного освоения, руководствуясь нормами обычного права и ссылаясь на историческую память, не всегда заканчиваются успешно, так как статус культовых мест алтайцев юридически не определен» (Тадина, 2009: 212). Прием и размещение туристов превращаются в выгодный бизнес для мелких предпринимателей, в общественном сознании легитимизируются практики браконьерства, нарушения законодательства в области защиты окружающей среды и историко-культурного наследия (Ерохина, Мадюкова, Персидская, 2015: 172).

Значимой характеристикой тувинского менталитета представляются также низкие акизитивные (связанные с интересом к накоплению денег) потребности тувинцев в «рыночном» смысле этого слова. Показательны в данном контексте слова директора фестиваля «Устуу-Хурээ» на круглом столе «Этнотуризм как фактор развития территории» в рамках II Международного туристического форума «Тува: перекресток дорог и культур» (г. Кызыл, 6 апреля 2012 г.) Д. И. Дулуша: «Некоторые люди спрашивают: когда вы начнете зарабатывать? На что мы отвечаем: народ уже зарабатывает. Храмы встали в Чадане: Алдыы-Хурээ и Устуу-Хурээ. Люди каждый год ждут свой народный праздник и готовятся: прибираются, субботничают, детей в обновки одевают...» (Дулуш, 2012: Электр. ресурс). Кроме того, исследователи отмечают, что в ряде районов республики доминирует резко негативное отношение тувинцев к возможности свободной купли-продажи земли в их районе: обогащение человека за счет земли недопустимо (Мышлявцев, 2004).

Не способствует развитию этнического туризма в регионе и сформированный СМИ образ тувинцев как агрессивных и недоброжелательных. Так, например, на портале «Викивояж», признавая, что информация о тувинском национализме преувеличена, в качестве мер предосторожности во время путешествия в Туву обозначено следующее: «Помните, что в регионе повышенный уровень убийств, поэтому следует избегать перемещения своим ходом в темное время суток, пользуйтесь "организованным" такси» (Тува, Электр. ресурс), «избегайте общения с пьяными, асоциальными и агрессивными людьми» (там же).

При этом автостереотипы тувинцев, на наш взгляд, представлены в формуле, зафиксированной М. Б. Кенин-Лопсаном: «Тувинцы воспитывали детей на добрых традициях предков. Привив ребенку с младенчества добрые качества, черты характера, родители на старости не могут нарадоваться достоинствам своего чада» (Кенин-Лопсан, 2006: 155). Такое несоответствие самовосприятия тувинцев и восприятия их потенциальными туристами, не бывавшими в регионе, не способствует популяризации туризма в республике.

Наконец, необходимо понимать этноязыковую специфику региона. В Туве, уникальном российском регионе, где представители титульного этноса составляют более 80% населения, большинство тувинцев являются билингвами. Т. П. Томилова, со ссылкой на данные Тывастата, отмечает, что «в г. Кызыле владеют русским языком — 90,1 % тувинцев, в сельской местности — 77 %. Во многих сёлах этот показатель ниже (61% и 67% соответственно). ... По данным выборочного анкетного опроса тувинцев, русский язык в семье употребляют 23%, в кругу друзей — 32 %, на работе — 60%, в процессе обучения — 83%» (Томилова, 2014: 138).

Как пишет Е. Д. Байкалова, «тувинско-русское двуязычие можно определить, с одной стороны, как естественное (бытовое), когда тувинцы овладевают русским языком в процессе практической деятельности как языком, необходимым для решения жизненно важных задач, т. к. русский язык выполняет важные общественные функции в жизни тувинцев, а с другой — как субординативное, т. е. доминирующую роль играет родной (тувинский) язык говорящего» (Байкалова, 2015: 8). Автор отмечает, что в республике есть также координативные билингвы (преимущественно выпускники школ Кызыла), которые в равной мере владеют тувинским и русским языком. Тем не менее одним из значимых препятствий высокого уровня развития туризма в регионе является несовершенство владения тувинцами русским языком, главные признаки которого — «отсутствие беглости устной речи, низкий уровень сформированности умений в письменной речи на русском языке, однообразие используемых грамматических структур, неправильное фонетическое, лексическое и грамматическое оформление высказываний» (там же: 9).

Тувинская билингвальность опосредована двумя основными функциями, которые на данном этапе регионального развития не могут быть реализованы в одном языке: тувинский используется как комфортный язык бытового общения, определяющий этническую идентичность, а русский — как необходимый инструмент профессиональной успешности и экономической целесобразности. Справедливо в данном контексте замечание Н. Ч. Серээдар о том, что «тувинцы владеют своим родным тувинским языком достаточно хорошо, но социального престижа в нем не видят. Поэтому социальный статус русского языка выше, а тувинский язык в основном рассматривается как средство повседневного общения» (Серээдар, 2018: Электр. ресурс). При этом русский язык

не является для тувинцев родным, что в конечном итоге тоже является препятствием успешности развития туризма в регионе.

Тем не менее, по мнению инициаторов популяризации этнотуризма как из числа исследователей, так и видных политических деятелей региона (см., напр., Поможем подняться туризму в Туве ... , Электр. ресурс), его развитие должно способствовать сохранению национальной культуры тувинцев.

Видовой и событийный туризм в Туве

Этнотуризм обычно разделяют на две группы: видовой и событийный. К ресурсам видového туризма относят моноэтничные поселки и территории традиционного природопользования, культовые места коренных народов, народные промыслы, а также памятники археологии и этнографии, экспозиции музеев. В рамках видového типа этнотуризма большой популярностью у туристов пользуется приобретение натуральных продуктов и блюд национальной кухни, сувенирной продукции: изделий из агальматолита, войлока, кожи. Пользуются спросом блюда национальной кухни тувинцев из молока, мяса. Такие блюда, национальная утварь, одежда используются при организации отдыха в туристических комплексах, добавляя им привлекательности за счет «этнического колорита».

К ресурсам событийного туризма можно отнести публичные мероприятия, фестивали, национальные праздники и др. Этот вид этнотуризма в регионе представляется значимым для нашего исследования, поскольку значительное количество туристов из регионов РФ и из-за рубежа посещает именно «этнически маркированные» массовые мероприятия в регионе, что выводит Туву на лидирующие позиции в событийном туризме в масштабах Сибири и страны (Тува — лидер ... , 2015: Электр. ресурс). К таким событиям традиционно относятся национальный новый год Шагаа; международный конкурс исполнителей на национальном инструменте «Хомус»; фестиваль живой музыки и веры «Устуу-Хурээ»; «Дембилдей» — конкурс-фестиваль исполнителей горлового пения; праздник животноводов Наадым; международный фестиваль войлока «Узоры жизни на войлоке»; международный этномузукологический симпозиум «Хо-омей — феномен культуры народов Центральной Азии» (Севек, 2016: 204). В программы мероприятий включены традиционная борьба «хуреш», конные скачки, посещение храмов, обряды шаманов.

Показательно в этом плане объявление «Треугольника Богдо-Гегена» объектом этнокультурного туризма в 2010 г. Сюда относятся: храм Устуу-Хурээ, источник Богдо-Гегена и конный подъем на озеро Сут-Холь (Дулуш, 2012: Электр. ресурс). При этом представители тувинской элиты уже сейчас высказывают пожелания «максимально учитывать интересы тех, кто живет на земле Тувы,

учитывать менталитет местных жителей, не нарушать традиционный уклад жизни» (там же).

*Фото 2. Открытие этнокультурного комплекса в Улуг-Хеме. Фото пресс-службы
Правительства Республики Тыва, 2016 г.*

Photo 2. Opening of the ethnocultural center in Ulug-Khem.

Photo courtesy of the Press Service of the Government of the Tuva Republic, 2016.

Последствия развития этнотуризма для экономики региона и этнокультуры тувинцев

Одним из наиболее значимых по своим последствиям аспектов развития этнотуризма в регионе представляются ценностно-этические трансформации этнического самосознания, выраженные в десакрализации и коммерциализации традиционной культуры. Разумеется, нельзя не признать, что частичное отмирание некоторых видов художественной деятельности (изготовление седел, уздечек, сундуков, шитье традиционной одежды и обуви) (Кужугет, 2011: 138) происходит в связи с тем, что потребность в этих вещных проявлениях традиционной культуры снижается или отпадает вовсе в связи с модернизацией, сменой образа жизни. Но эти объекты материальной культуры в современном мире занимают принципиально иную нишу — нишу индустрии развлечений (не утверждая, что это единственная сфера бытования традиционной этнической культуры в современных условиях, сфокусируем внимание именно на этом ее аспекте). И этнотуризм, на наш взгляд, является одной из наиболее «красноречивых» практик формирования эрзац-культуры. При этом нужно понимать, что манипуляции с традиционными культурами с целью монетизации — не локальное явление. А. К. Кужугет отмечает, что «стремление к

накоплению, отказ от традиционных ценностей, общемировая тенденция на расширение индустрии развлечений ведет к уничтожению самой культуры как таковой, замене ее на эрзац-культуру» (там же).

Уже сегодня формирование эрзац-национального специально для продажи туристам можно проследить в упрощении рецептов традиционных блюд, замене традиционных ингредиентов более дешевыми или популярными аналогами, использовании более дешевых (или менее трудоемких в изготовлении) тканей, машинной вышивки и т. д. Исследователи наблюдают на массовых республиканских мероприятиях снижение уровня аутентичности в пользу зрелищности мероприятий, процесс «нормализации» (опривычивания) национальной культуры для европейского глаза и уха туристов, эклектичное смешение стилей на музыкальных фестивалях: «Устуу-Хурээ беззастенчиво миксовал воедино все мыслимые стили, от театрализованного фольклорного профессионального реставраторства до низкокачественного гаражного панка, от классических камерных ансамблей с филармонической пропиской до деревенских исполнителей горлового пения, забывавших переодеться перед выходом на сцену» (Льноградский, 2012: Электр. ресурс).

Фото 3. Наадым — праздник животноводов Тувы, 2017 год. Фото пресс-службы
Правительства Республики Тыва.

Photo 3. Naadym, a festival of cattle breeders of Tuva Republic, 2017. Photo courtesy of the Press Service
of the Government of the Tuva Republic.

Фото 4. II Международный фестиваль тувинского горлового пения «Хоомей в Центре Азии».

Фото пресс-службы Правительства Республики Тыва, 2017 г.

Photo 4. 2nd International festival of Tuvan throat singing Höömei in the Center of Asia. Photo courtesy of the Press Service of the Government of the Republic of Tuva, 2017.

Одним из значимых проявлений суррогатной культуры является изготовление «традиционной» одежды и украшений с использованием современных технологий и не аутентичных материалов. Так, И. С. Тарбастаева цитирует слова Ирины Андреевой, тувинки-тоджинки, руководителя Комитета по вопросам коренных малочисленных народов Севера в Хурале представителей Тоджинского района: «В отраслях культуры работают не тувинцы-тоджинцы, и не понимают в шитье и декорировании национального костюма этноса. В старину тувинцы-тоджинцы летом одевались в кожаные одежды без меха, а зимой в меховые. Основная же масса тувинцев шьют и надевают национальные костюмы из шелка. Тувинцы-тоджинцы в жизни не надевали шелковые наряды. Правильный костюм тувинцев-тоджинцев не восстанавливают, его мы утрачиваем. Власти на это внимания не обращают, о восстановлении даже речи нет» (Тарбастаева, 2014: Электр. ресурс).

Такая ситуация тревожит исследователей традиционной культуры: в 2016 г., например, была проведена I Международная научно-практическая конференция по возрождению прикладного искусства, ремесел и верований народов Саяно-Алтайского нагорья. При обзоре проблем, поднятых в рамках конференции,

З. К. Кыргыз отмечает, что массовость изготовления имеет свою отрицательную сторону — низкое качество продукции. В основном мастера копируют ювелирные украшения, в своей работе зачастую используют полуфабрикаты, изготовленные прокаткой, штамповкой (Кыргыз, 2016: Электр. ресурс). При этом автор отмечает, что «современное потребительское отношение к прикладным изделиям сужает сакральное значение каждого предмета», а «не очень качественные новые “шедевры” продают очень дорого» (там же).

Коммерческое злоупотребление традиционной культурой в сфере оказания туристических услуг и эклектичность сочетания ее элементов с элементами масскульта проявляется также в использовании формы юрты в коммерческих проектах туристических баз, с «европейской» отделкой внутри. Показательным примером может служить туристический комплекс «Алдын Булак», где в качестве «номеров» выступают оформленные в этническом стиле юрты эконом- и премиум-класса, оборудованные электричеством, теплом, душевыми кабинками и wi-fi (Этнокультурный комплекс ..., Электр. ресурс).

Одним из наиболее коммерчески успешных проектов неотрадиционного оформления сельскохозяйственной деятельности с использованием ресурсов традиционного природопользования видится тувинский проект «Одно село — один продукт», реализуемый при поддержке Правительства Республики Тыва. Цель проекта — изучение и выявление ресурсов, характерных для каждого муниципалитета, открытие и развитие производства конкурентоспособной сельскохозяйственной продукции (Губернаторский проект ..., 2007: Электр. ресурс). Проект ориентирован именно на получение прибыли: валовая продукция сельского хозяйства Республики Тыва в 2016 г. увеличилась на 18,5% к уровню 2013 г. и составила 6 424,3 млн рублей (2013 г. — 5 423 млн руб.). Значимым для нашего исследования представляется выделение в данном проекте наряду с молоко-, мясо-, рыбоперерабатывающими отраслями, переработкой дикоросов и т. д. туристического кластера и производства национальных продуктов питания, изделий из шерсти и войлока. Промежуточные результаты осуществления проекта публикуются на сайте правительства Республики Тыва. Говорить о ценностно-этической составляющей проекта, наверное, пока рано.

Заключение

Таким образом, с одной стороны, повышение популярности этнотуризма в Тыве может являться значимой экономической детерминантой регионального развития. Исследователи выделяют целый ряд позитивных для региональной экономики последствий развития туризма: формирование в Республике Тыва конкурентоспособной туристско-рекреационной отрасли, обеспечивающей потребности в туристско-рекреационных услугах и вносящей значительный вклад в социально-экономическое развитие региона; создание в республике разви-

той туристской инфраструктуры, соответствующей международным стандартам, создание особой экономической зоны туристско-рекреационного типа; строительство туристских баз и курортов в кожуунах республики, ориентированных как на обслуживание въездного туризма, так и на отдыхающих местных жителей; развитие гостиничного сервиса в гг. Кызыл, Туран, Чадан и Шагонар и крупных административных центрах кожуунов (Сунчугашева, 2013: 156).

К позитивным результатам развития туристической области в Туве можно также отнести трансформацию ментальной закрытости тувинцев, реализуемую посредством поддержания и развития социально-культурных связей Тувы с другими регионами страны, а также провозглашения политики открытых границ, укрепления добрососедских отношений, культурного обмена и взаимообогащения между народами.

С другой стороны, игнорирование этнической (и этнопсихологической, в частности) составляющей в планировании экономических процессов регионального уровня в конечном итоге означает игнорирование потенциала развития региона. Поэтому механическое увеличение числа туристических баз в Туве не приведет и не может привести экономическому прорыву на региональном уровне. Этнопсихологические особенности тувинцев с необходимостью должны учитываться при формировании экономической и национальной политики в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Байкалова, Е. Д. (2015) Проблемы обучения двуязычных студентов-тувинцев грамматике английского языка // Языковое образование сегодня — векторы развития. Материалы VI международной научно-практической конференции-форума / под ред. О. П. Казаковой и др. Екатеринбург : УГПУ. 194 с. С. 7–17.

Балтовский, Л. В. (2009) Политика и культура (об основополагающих детерминантах политической доктрины партии конституционных демократов) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 101. С. 297–303.

Бобрышев, А. Н., Казаков, М. Ю. (2011) К вопросу о детерминантах и поиске новых форм регионального развития [Электронный ресурс] // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 33. URL: <http://uecs.ru/uecs-33-332011/item/608-2011-09-13-06-52-21> (дата обращения: 19.04.2018).

В Туве появилась первая пятизвездочная гостиница (2018) [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 19 апреля. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/tourism/36077 (дата обращения: 19.04.2018).

В Улуг-Хеме появился уникальный этнокультурный комплекс (2016) [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 6 сентября. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/culture/26850 (дата обращения: 29.03.2018).

Валовый региональный продукт по субъектам Российской Федерации в 1998–2016 гг. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvr/vgr98-16.xlsx (дата обращения: 22.03.2018).

Виноградова, П. (2015) Голос камня [Электронный ресурс] // ПП. Красноярск. 3 июля. URL: <http://krasnoyarsk.rusplt.ru/index/Kak-rezchik-Vladimir-Salchak-prevrashhaet-agalmatolit-v-nacionalnoe-dostojanie-Tuvy-17748.html> (дата обращения: 22.03.2018).

Губернаторский проект «Одно село — один продукт» (2017) [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 12 июля. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/economy/31684/ (дата обращения: 16.02.2018).

Драгунский, Д. В. (1995) Макрополитика (заметки о детерминантах национального поведения) // Политические исследования. № 5. С. 34–39.

Дулуш, И. Д. О. (2012) Состояние и перспективы организации культурных событийных мероприятий в Тыве (на примере Международного фестиваля живой музыки и веры «Устуу-Хурээ») [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/328> (дата обращения: 22.03.2018).

Дунец, А. Н. (2011) Туризм в трансграничных территориях Алтае-Саянского региона // Региональные исследования. № 1. С. 87–91.

Ерохина, Е. А., Мадюкова, С. А., Персидская, О. А. (2015) Межэтническое сообщество Республики Алтай: этносоциальные и этнокультурные процессы // Философия образования. № 1 (58). С. 165–177.

Закон Республики Тыва от 10 июля 2009 г. N 1541 ВХ-II «О налоговых ставках при применении упрощенной системы налогообложения» [Электронный ресурс] // Финансово-Правовое Агентство. URL: <http://www.fpa.su/regzakon/tiva/zakon-respubliki-tiva-ot-10-iiulya-2009-g-n-1541-vch-ii-o-nalogovich-stavkach-pri-primenenii-uproschennoy-sistemi-nalogooblozheniya/> (дата обращения 19.04.2018).

История Тувы (2007) / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск: Наука. 553 с.

Карпунина, Е. К. (2011) О детерминантах процесса трансформации российской экономической системы // Социально-экономические явления и процессы. № 8 (30). С. 102–106.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 232 с.

Кужугет, А. К. (2011) Проблемы преподавания культуры Тувы в образовании XXI века // Сибирский педагогический журнал. № 11. С. 136–140.

Куракова, А. Д. (2011) Туристско-рекреационные ресурсы Республики Тыва как важный компонент экономического развития региона // Вестник Академии. № 3. С. 47–50.

Кыргыз, З. К. (2016) I Международная научно-практическая конференция по возрождению прикладного искусства, ремесел и верований народов Саяно-Алтайского нагорья (24–27 июля 2016 г., г. Кызыл) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/470> (дата обращения: 22.03.2018).

Ламажаа, Ч. К. (2008) Тува между прошлым и будущим. М.: ООО «Восход-А». 500 с.

Ламажаа, Ч. К. (2011) Тува между прошлым и будущим. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя. 368 с.

Ламажаа, Ч. К. (2017) Исследования менталитета тувинцев и тенденция субъективизации гуманитарного знания [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/724> (дата обращения: 22.03.2018). DOI: 10.25178/nit.2017.3.2

Льноградский, Ю. (2012) «Устуу-Хурээ»: главное – не бежать впереди зеленой лошади [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/325> (дата обращения: 22.03.2018).

Мадюкова, С. А., Попков Ю. В. (2011) Феномен социокультурного неотрадиционализма. СПб.: Издательство Алетейя. 132 с.

Мышлявцев, Б. А. (2004) Отношение к земле у современных тувинцев // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Нонпарель. Вып. 6. С. 125–129.

Население по национальности и владению русским языком по субъектам РФ [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (дата обращения: 26.03.2018).

Омзаар, О. О. (2013) Источники межэтнической напряженности в связи со строительством железной дороги и освоением месторождений в Республике Тыва // Этносоциологию — молодым: Материалы международных школ молодых этносоциологов / под ред. Ю. В. Попкова, Е. А. Ерохиной. Новосибирск: Манускрипт. Вып. 2. 380 с. С. 305–311.

Поможем подняться туризму в Тыве — и туризм поможет нам в развитии (2017) [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 27 сентября. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/tourism/32914/?sphrase_id=35412 (дата обращения: 22.03.2018).

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017 (2017). Стат. сб. М. : Росстат. 1408 с.

Савченко, И. М. (2012) Развитие этнографического туризма в Горном Алтае: проблемы и перспективы // Проблемы региональной экологии. № 5. С. 95–98.

Севек, В. К. (2016) Активный туризм в Республике Тыва: состояние и проблемы развития // Научные труды Тувинского государственного университета. Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ. Выпуск XIII / отв. ред. У. В. Ондар. Кызыл: ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет». 228 с. С. 204–205.

Серээдар, Н. Ч. (2018) Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/752> (дата обращения 12.04.2018). DOI: 10.25178/nit.2018.1.1

Сорокин, П. (1992) Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат. 543 с.

Стратегия развития Республики Тыва до 2020 года [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: <http://gov.tuva.ru/content/1602/> (дата обращения: 22.03.2018).

Сунчугашева, Л. А. (2013) Проблемы формирования инфраструктуры туризма в приграничном регионе (на примере Республики Тыва) // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития. № 3. С. 151–156.

Тадина, Н. А. (2009) Экология и культурный ландшафт Алтая в контексте межэтнической коммуникации // Известия Алтайского государственного университета. Т. 3, Вып. 4. С. 210–214.

Тарбастаева, И. С. (2014) Алтай и Тува: Красавица и дикарка [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/192> (дата обращения 12.03.2018).

Тарбастаева, И. С. (2017) Ценностно-экономические ориентации тувинцев в современной социокультурной динамике // Сибирский философский журнал. Т. 15. № 4. С. 154–162.

Терехова, Т. А., Евдокимова, А. С. (2011) Представления о детерминантах экономической социализации студентов Забайкалья в процессе профессионализации в вузе // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. № 5. С. 168–173.

Томилова, Т. П. (2014) Тувинско-русское двуязычие // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. № 4 (23). С. 136–142.

Тува — лидер событийного туризма в Сибири (2015) [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 30 декабря. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/tourism/22051/ (дата обращения 12.03.2018).

Тува [Электронный ресурс] // Портал Wiki Voyage. URL: <https://ru.wikivoyage.org/wiki/Тува> (дата обращения 12.03.2018).

Этнокультурный комплекс «Алдын-Булак» [Электронный ресурс] // TOUVA. URL: <http://touva-go.ru/product/item/etnokulturnyyiy-kompleks-aldyin-bulak> (дата обращения 12.03.2018).

Дата поступления: 31.03.2018 г.

REFERENCES

Baikalova, E. D. (2015) Problemy obucheniya dvuyazychnyh studentov-tuvincev grammatike angliiskogo yazyka [The problems of teaching English grammar to bilingual Tuvan students]. In: *Yazykovoe obrazovanie segodnya — vektory razvitiya. Materialy VI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii-foruma [Contemporary language education as a vector of development. Proceedings of the 6th International Conference and Forum]*. Ed. by O. P. Kazakova et al. Ekaterinburg, USPU Publ. 194 p. Pp. 7–17. (In Russ.).

Baltovskii, L. V. (2009) Politika i kul'tura (ob osnovopolagayuschikh determinantakh politicheskoi doktriny partii konstitutsionnykh demokratov) [Politics and Culture: On the Fundamental Determinants of the Political Doctrine of the Party of Constitutional Democrats]. *Bulletin of Russian State Pedagogical University*, no. 101, pp. 297–303. (In Russ.).

Bobryshev, A. N. and Kazakov, M. Yu. (2011) K voprosu o determinantakh i poiske novykh form regional'nogo razvitiia [On determinants and the search for new forms of regional development]. *Management of economic systems*, no. 33 [online] Available at: <http://uecs.ru/uecs-33-332011/item/608-2011-09-13-06-52-21> (access date: 19.04.2018) (In Russ.).

V Tuve poiavilas' pervaiia piatizvezdochnaia gostinitsa [The first five-star hotel opened in Tuva] (2018). *Ofitsial'nyi portal Respubliki Tyva* [online] Available at: http://gov.tuva.ru/press_center/news/tourism/36077 (access date: 19.04.2018). (In Russ.).

V Ulug-Kheme poiavilsia unikal'nyi etnokul'turnyi kompleks [A unique ethno-cultural center opened in Ulug-Khem] (2016). *Ofitsial'nyi portal Respubliki Tyva* [online] Available at: http://gov.tuva.ru/press_center/news/culture/26850 (access date: 29.03.2018). (In Russ.).

Valovyi regional'nyi produkt po subjektam Rossiiskoi Federatsii v 1998-2016 gg. [Gross regional product for the subjects of the Russian Federation in 1998-2016]. *Federal State Statistics Service* [online] Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vrp98-16.xlsx (access date: 22.03.2018). (In Russ.).

Vinogradova, P. (2015) Kak rezchik Vladimir Salchak prevrashchaet agal'matolit v natsional'noe dostoianie Tuvy [How carver Vladimir Salchak turned agal'matolite into the national treasure of Tuva]. *R P Krasnoyarsk*, 3 July [online] Available at:

<http://krasnoyarsk.rusplt.ru/index/Kak-rezchik-Vladimir-Salchak-prevrashhaet-agalmatolit-v-nacionalnoe-dostojanie-Tuvy-17748.html> (access date: 22.03.2018). (In Russ.).

Gubernatorskii proekt «Oдно selo — odin produkt» (2017). [Governor-supported project “One village, one product”]. *Ofitsial'nyi portal Respubliki Tyva* [online] Available at: http://gov.tuva.ru/press_center/news/economy/31684/ (access date: 16.02.2018). (In Russ.).

Dragunsky, D. V. (1995) Makropolitika (zametki o determinantakh natsional'nogo povedeniia) [Macropolitics: Notes on Determinants of National Behavior]. *Polis. Political Studies*, no. 5, p. 34–39. (In Russ.).

Dulush, I. D. (2012) Sostoyanie i perspektivy organizatsii kul'turnykh sobytiinykh meropriyatii v Tuve (na primere Mezhdunarodnogo festivalya zhivoi muzyki i very «Ustuu-Khuree») [Current status and prospects of organizing cultural events as exemplified by the "Ustuu-Khuree" International festival of live music and faith]. *The New Research of Tuva*, no. 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/328> (access date: 22.03.2018). (In Russ.).

Dunets, A. N. (2015) Turizm v transgranichnykh territoriiakh Altae-Sayanskogo regiona [Tourism in the transboundary territories of the Altai-Saian mountains region]. *Regional researches*, no. 1, p. 87–91. (In Russ.).

Erokhina, E. A., Madiukova, S. A. and Persidskaya, O. A. (2015). Mezhetnicheskoe soobshchestvo Respubliki Altai: etnosotsialnye i etnokulturnye protsessy [Interethnic community of the Altai Republic: ethno-social and ethno-cultural processes]. *Philosophy of Education*, no. 1 (58), pp. 165–177. (In Russ.).

Law of the Republic of Tuva of July 10, 2009 № 1541 BX-II «On tax rates when applying a simplified taxation system». *Financial and Legal Agency* [online] Available at: <http://www.fpa.su/regzakon/tiva/zakon-respubliki-tiva-ot-10-iiulya-2009-g-n-1541-vch-ii-o-nalogovich-stavkach-pri-primenenii-uproschennoy-sistemi-nalogooblozheniya/> (access date: 19.04.2018). (In Russ.).

Istoriia Tuvy [History of Tuva] (2007). Ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka Publ. 553 p. (In Russ.).

Karpunina, E. K. (2011) O determinantakh protsessa transformatsii rossiiskoi ekonomicheskoi sistemy [On the determinants of the process of transformation of the Russian economic system]. *Socio-economic phenomena and processes*, no. 8 (30), pp. 102–106. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of Tuvans]*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 232 p. (In Russ.).

Kuzhuguet, A. K. (2011) Problemy prepodavaniya kul'tury Tuvy v obrazovanii XXI veka [The problems of teaching Tuvan culture in the 21st century education]. *Siberian pedagogical journal*, no. 11, pp. 136–140. (In Russ.).

Kurakova, A. D. (2011) Turistsko-rekreatsionnye resursy Respubliki Tyva kak vazhnyi komponent ekonomicheskogo razvitiya regiona [Tourist and recreational resources of the Republic of Tuva as an important component of the economic development of the region]. *Vestnik Akademii*, no. 3, pp. 47–50. (In Russ.).

Kyrgys, Z. K. (2016). I Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya po vrozhdeniyu prikladnogo iskusstva, remesel i verovaniy narodov Sayano-Altayskogo nagor'ya (24–27 iyulya 2016 g., g. Kyzyl) [1st International conference of the revival of applied arts, crafts and beliefs of the peoples of Sayan-Altai Uplands (July 24–27, 2016, Kyzyl)]. *The New Research of Tuva*, no. 3 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/470> (access date: 22.03.2018) (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2008) *Tuva mezhdu proshlym i budushchim [Tuva between the past and the future]*. Moscow, OOO "Voskhod-A". 500 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2011) *Tuva mezhdu proshlym i budushchim [Tuva between the Past and the Future]*. St. Petersburg, Aletya. 368 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2017) Issledovaniya mentaliteta tuvintsev i tendentsiya sub'yektivizatsii gumanitarnogo znaniya [Studies of mindset of Tuvans and the subjectivity trend in academic knowledge]. *The New Research of Tuva*, no. 3 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/724> (access date: 22.03.2018) (In Russ.). DOI: 10.25178/nit.2017.3.2

L'nogradskii, Yu. (2012) «Ustuu-Khuree»: glavnoe — ne bezhat' vpered i zelenoi loshadi [«Ustuu-Khuree»: the main thing is not to run before the green horse]. *The New Research of Tuva*, no. 3 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/325> (access date: 22.03.2018) (In Russ.).

Mongush, M. V. (2010) *Odin narod: tri sud'by. Tuvintsy Rossii, Mongolii i Kitaia v sravnitel'nom kontekste [One people, three destinies. Tuvans of Russia, Mongolia and China in a comparative context]*. Osaka, Natsional'nyi muzei etnologii. 358 p. (In Russ.).

Myshlyavtsev, B. A. (2004) Otnoshenie k zemle u sovremennykh tuvintsev [Attitudes to land in modern Tuvans]. In: *Etnosotsialnye protsessy v Sibiri [Ethnosocial Processes in Siberia]*. Novosibirsk, Nonparel Publ. Vol. 6, pp. 125–129. (In Russ.).

Naselenie po natsional'nosti i vladeniyu russkim yazykom po sub'ektam RF [Population by nationality and knowledge of the Russian language in subjects of the Russian Federation]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [online] Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (access date: 26.03.2018). (In Russ.).

Omzaar, O. O. (2013) Istochniki mezhetnicheskoy napryazhennosti v svyazi so stroitel'stvom zheleznoy dorogi i osvoyeniyem mestorozhdeniy v Respublike Tyva [Sources of interethnic tension in connection with the construction of the railway and the development of natural resources in the Republic of Tuva]. In: *Etnosotsiologiyu —*

molodym [Ethnosociology for the young]. Materials of international schools of young ethnosociologists. Ed. by Yu. V. Popkov and E. A. Erokhina. Novosibirsk, Manuscript. Vol. 2. 380 p. Pp. 305–311. (In Russ.).

Pomozhem podnyat'sya turizmu v Tuve — i turizm pomozhet nam v razvitiu [Help tourism grow in Tuva — and tourism will help us develop] (2017). *Ofitsial'nyi portal Respubliki Tyva* [online] Available at: http://gov.tuva.ru/press_center/news/tourism/32914/?sphrase_id=35412 (access date: 22.03.2018). (In Russ.).

Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli [Regions of Russia. Socio-economic indicators] (2017). Moscow, Rosstat Publ. 1408 p. (In Russ.).

Savchenko, I. M. (2012). Razvitie etnograficheskogo turizma v Gornom Altae: problemy i perspektivy [The development of ethnographic tourism in the Altai Mountains: problems and prospects]. *Problemy regionalnoi ekologii*, no. 5, pp. 95–98. (In Russ.).

Sevek, V. K. (2016). Aktivnyi turizm v Respublike Tyva: sostoyanie i problemy razvitiya [Active tourism in the Republic of Tuva: state and development problems]. In: *Nauchnye trudy Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Materialy ezhegodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelej, sotrudnikov i aspirantov TuvGU [Research papers of the Tuvan State University. Proceedings of the annual scientific-practical conference of teachers, employees and post-graduate students of TuvSU]*. Ed. by U. V. Ondar. Kyzyl, TuvSU Publ. 228 p. Pp. 204–205. (In Russ.).

Sereedar, N. Ch. (2018) Tuvinskiy yazyk kak sredstvo obshcheniya tuvintsev: problemy i perspektivy [Tuvan language as means of communication among Tuvans: problems and prospects]. *The New Research of Tuva*, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/752> (access date: 12.04.2018). (In Russ.). DOI: 10.25178/nit.2018.1.1

Sorokin, P. (1992) *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obschestvo [Man. Civilization. Society]*. Moscow, Politizdat. 543 p. (In Russ.).

Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Tyva do 2020 goda (novaya redaktsiya) 2012 g. [Strategy of socio-economic development of the Republic of Tuva until 2020 (new edition) 2012]. *Ofitsial'nyi portal Respubliki Tyva* [online] Available at: <http://gov.tuva.ru/content/1602/> (access date: 22.03.2018). (In Russ.).

Sunchugasheva, L. A. (2013) Problemy formirovaniia infrastruktury turizma v prigranichnom regione (na primere Respubliki Tyva) [Problems of formation of tourism infrastructure in the border region: the case of the Republic of Tuva]. *Infrastrukturnye otrasli ekonomiki: problemy i perspektivy razvitiya*, no. 3, pp. 151–156. (In Russ.).

Tadina, N. A. (2009) Ekologiya i kulturnyi landshaft Altaia v kontekste mezhetnicheskoi kommunikatsii [Altai Ecology and Cultural Landscape in Interethnic Communication Context]. *The News of Altai State University*, vol. 3, no. 4, pp. 210–214. (In Russ.).

Tarbastaeva, I. S. (2014). Altai i Tuva: Krasavitsa i dikarka [Altai and Tuva: the beauty and the savage]. *The New Research of Tuva*, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/192> (access date: 12.01.2018). (In Russ.).

Tarbastayeva, I. S. (2017) Tsennostno-ekonomicheskiye orientatsii tuvintsev v sovremennoi sotsiokul'turnoi dinamike [Value and economic value orientations of Tuvans: dynamics and indicators]. *Sibirskii filosofskii zhurnal*, vol. 15, no. 4, pp. 154-162. (In Russ.).

Terekhova, T. A. and Evdokimova A. S. (2011) Predstavleniya o determinantah ekonomicheskoi sotsializatsii studentov Zabaikal'ya v protsesse professionalizatsii v vuze [Representations about the determinants of economic socialization of Transbaikalian students in the process of professionalization in the university]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, no. 5, pp. 168–173. (In Russ.).

Tomilova, T. P. (2014) Tuvinsko-russkoye dvuyazychiye [Tuvan-Russian bilingualism]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskiye nauki*, no. 4 (23), pp. 136–142. (In Russ.).

Tuva — lider sobytiynogo turizma v Sibiri [Tuva, the leader of event tourism in Siberia] (2015). *Ofitsial'nyi portal Respubliki Tyva* [online] Available at: http://gov.tuva.ru/press_center/news/tourism/22051/ (access date: 12.03.2018). (In Russ.).

Tuva [Tuva]. *Portal Wiki Voyage* [online] Available at: <https://ru.wikivoyage.org/wiki/Тува> (access date: 22.03.2018). (In Russ.).

Etnokul'turnyy kompleks «Aldyn-Bulak» [Ethnocultural center Aldyn-Bulak]. *Portal TOUVA* [online] Available at: <http://touva-go.ru/product/item/etnokulturnyy-kompleks-aldyn-bulak> (access date: 2.03.2018). (In Russ.).

Submission date: 31.03.2018.

Для цитирования:

Мадюкова С. А. Ментальные и этнопсихологические особенности тувинцев в системе детерминант развития Республики Тыва (на примере этнотуризма) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/771> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2018.2.4

For citation:

Madyukova S. A. Mental and ethno-psychological features of Tuvans within the system of development determinants of the Republic of Tuva: the case of ethno-tourism. *The New Research of Tuva*, 2018, no. 2 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/771> (accessed: ...). DOI: 10.25178/nit.2018.2.4

DOI: 10.25178/nit.2018.2.5

БУДДИЙСКИЕ ЦЕННОСТИ КАК ВОЗМОЖНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАНТА РАЗВИТИЯ ТУВИНСКОГО ОБЩЕСТВА

Инна С. Тарбастаева

Институт философии и права Сибирского
отделения Российской академии наук,
Российская Федерация

В статье актуализируется изучение буддийских ценностей в свете их благотворного влияния на социально-экономическое развитие общества Тувы. Этому способствуют имеющиеся научные исследования успешных экономик мира, обзор которых приводится в работе.

После распространения буддизма на Западе в середине XX века древние знания и практики стали доступны для урбанизированного населения развитых стран. Зарубежные исследователи обратили внимание на актуальный их потенциал при ведении финансовой, производственной деятельности. Среди западных экономистов начало разработки этой тематики положил Э. Шумачер (1973). Среди азиатских исследователей важный вклад сделал тайский монах и философ П. Пайотто.

В имеющихся исследованиях, связывающих религию и экономическую культуру, буддизм как не поощряет к бедности, и не призывает отказу от материальных благ. Его неверно интерпретировать

BUDDHIST VALUES AS A POTENTIAL ECONOMIC DETERMINANT IN THE DEVELOPMENT OF TUVAN SOCIETY

Inna S. Tarbastayeva

Institute of Philosophy and Law, Siberian
Branch, Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The article actualizes the study of the influence of Buddhist values on the socio-economic development of Tuvan society. Research on economic success in contemporary world has supported the link between Buddhism and economy.

After the spread of Buddhism in the West in the middle of the 20th century, ancient knowledge and practices became available to the urbanized population. Foreign researchers drew attention to their actual potential when conducting financial and industrial activities. Among Western economists, the cornerstone of the idea was

laid by E. Schumacher, who published "Small is fine: an economy in which people matter" (1973). Among Asian researchers, an important contribution was made by a Thai monk and philosopher P. Paiotto.

As these and other studies show, Buddhism does not encourage poverty, nor call for a rejection of material wealth. It is incorrect to interpret it as an ascetic religion. Buddhist texts contain direct indications concerning the way of earning money and the meaning of well-being. Modern teachers

Тарбастаева Инна Семеновна — младший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (383) 330-22-40. Эл. адрес: inna-tarbastayeva@yandex.ru

Tarbastayeva Inna Semenovna, Junior Research Fellow, Department of Social and Legal Studies, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolayeva St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 330-22-40. E-mail: inna-tarbastayeva@yandex.ru

как аскетичную религию. В буддийских текстах существуют прямые указания, касающиеся способа зарабатывания денег, смысла благосостояния. Современные учителя также дают советы мирянам относительно экономической активности. Хотя в буддизме практикующие стремятся, прежде всего, к духовным целям — освобождению от страданий, достижению состояния Будды, миряне включены в социальную жизнь и Учение учитывает это.

В буддизме считается, что богатство не способно принести подлинное счастье. Поэтому для практикующего мирянина достижение высокого материального благосостояния не является жизненной целью.

В статье приводятся результаты современных исследований экономистов, психологов нейробиологов, подтверждающих, что эмпирическая корреляция между увеличением доходов и счастьем является незначительной. Приводятся примеры того, как буддийские ценности помогают предпринимателям. Так, в результате веры в закон кармы проявляется большая степень честности при деловом взаимодействии, появляется долгосрочная ориентация на бизнес. Убежденность в непостоянстве помогает принимать рискованные решения, необходимые в предпринимательской деятельности. Актуальность показывают и буддийские практики управления эмоциональными состояниями. Во многих мировых корпорациях (Google, Twitter, Ebay) внедряют программы по практикам осознанности. Это помогает сотрудникам справляться с ежедневным стрессом, усталостью.

Все это побуждает обратиться к обществу тувинцев, для которых буддизм является традиционной религией. Сегодня в Туве повышается престиж буддизма, наблюдается живой интерес со стороны молодежи. Формируется сообщество мирян, получивших современное образование и компетентных в области буддизма. Автор делает вывод, что молодое поколение тувинцев в перспективе сможет применить духовные ценности в практической экономической деятельности.

Ключевые слова: буддизм; буддийские ценности; Тува; тувинцы; Э. Шумахер; возрождение буддизма; молодежь; религиозный фактор; экономическая культура; экономическая деятельность

also give advice to laypeople about economic activity. Although in Buddhism practitioners strive, first of all, for spiritual goals — such as liberation from suffering or achieving Buddhahood, laymen are included in social life and have to provide for themselves and their family, which the religious teaching has to account for.

Buddhists believe that wealth cannot bring true happiness. Therefore, for a practicing layman, achieving a high level of material well-being is not a life goal. The article presents a summary of the conclusions contemporary economists, psychologists and neurobiologists arrive at, confirming that the empirical correlation between the increase in incomes and happiness is insignificant. Some examples of how Buddhist values help entrepreneurs are also provided. For instance, as a result of faith in the law of karma, there is a greater degree of honesty in business interaction, and a long-term orientation toward doing business (rather than simply enriching oneself) emerges. Feeling that nothing is permanent helps make risky decisions necessary in business. Buddhist practices of managing emotional states also preserve their relevance. Many global corporations (Google, Twitter, Ebay) implement internal programs on awareness practices, which helps employees cope with daily stress and fatigue.

Such conclusions inform the authors' turn to the Tuvan community, where Buddhism is a traditional religion. At present, the prestige of Buddhism is growing in Tuvan society. This is confirmed by the attention the religion receives from the highest-profile public officials of the region, athletes, artists and other influential people in the republic. Among young people, there is a keen interest in the study of Buddhist philosophy. There is also a budding community of laymen who have received modern education and are also competent in the field of Buddhism..

Thus, the Buddhist approach to material values in the Western scientific community is recognized as a manifestation of sanity. The authors make optimistic conclusions that the younger generation of Tuvans in the long term will be able to apply their spiritual values in their economic practices.

Keywords: Buddhism; Buddhist values; Tuva; Tuvans; E. Schumacher; revival of Buddhism; youth; religious factor; economic culture; economic activity

Введение

Достаточно распространено мнение, что буддизм призывает к отказу от материальных благ, поощряет бедность. Однако современные исследования и опыт успешных предпринимателей показывают, что буддийские практики способны в значительной степени оказывать влияние на эффективную эконо-

мическую деятельность. Следует сразу же обозначить, что речь пойдет о мирянах, людях, живущих в светском социуме, но придерживающихся в своих решениях буддийских ценностей, а не о монахах, которые сознательно отказались от активности, связанной с получением материальной прибыли.

Современный период развития буддизма в России характеризуется широким распространением дхарма-центров — мест, где любой желающий может приобщиться к учению. Это формальные или неформальные организации, созданные с целью проведения обучающих занятий по буддийской философии, медитации, а также поддержания общения между заинтересованными в этом людьми. Как правило, дхарма-центры образуют уже квалифицированные наставники, и соответственно они же определяют основные задачи и программу развития организации.

В этом смысле буддизм как образ жизни выходит за границы исключительно монашества, и становится все более доступным для простых жителей, включенных в социальные связи. Многие из них ведут активную предпринимательскую деятельность, и отмечают, что буддийские практики при правильном применении способны повлиять на благосостояние человека и его окружения. Изучая опыт китайских бизнесменов-буддистов, исследователи пришли к выводу, что их религиозные ценности стимулируют предпринимательский риск, а буддизм как система социальных норм и ценностей может играть позитивную роль в предпринимательском поведении и производительности (Zhiyang et al., 2017).

Тувинцы как народ, традиционно исповедующий буддизм, имеют возможность использовать потенциал данного учения для улучшения социально-экономической ситуации в регионе, которая уже долгие годы характеризуется низким качеством жизни, малыми доходами населения, высоким уровнем безработицы и бытовой преступности. В настоящее время в республике идет процесс возрождения буддизма, берущий свое начало со временем визита Далай-ламы XIV в Туву в 1992 г. Тысячи тувинцев смогли вживую услышать учение, увидеть уважаемого духовного учителя. После этого традиционная религия в регионе получила мощный импульс в развитии: стали приезжать квалифицированные тибетские учителя, строятся хурээ (буддийские храмы), возводятся ступы (архитектурно-скульптурные культовые сооружения), проводятся учения¹, ретриты². Все это дает основания надеяться, что тувинцы смогут применить буддийское наследие для улучшения материального благосостояния сообщества.

В настоящей статье мы рассмотрим, как буддийские ценности способствуют экономической деятельности; какие конкретно идеи, практики признаются

¹ Учение — передача квалифицированным мастером знаний буддийской философии; как правило, в виде публичных лекций.

² Ретрит — удаление от внешнего мира с целью проведения духовных практик. Ретриты бывают индивидуальные и коллективные.

зарубежными исследователями наиболее благотворными в бизнес-процессах. Также обозначим, почему возможно применение данного позитивного опыта в тувинском сообществе, и какова роль молодежи в этом процессе.

Зарубежные исследования

Идея о том, что религия влияет на экономическое и социальное развитие, принадлежит М. Веберу. Однако буддизм в понимании философа не приводит к развитию рынка, капиталистической экономики. Нет возможности следовать рациональной деятельности в этом мире, поскольку только те, кто живет без собственности, работы и семьи, блуждают и получают средства к жизни от попрошайничества, могут испытывать мистическое озарение. Поэтому развитие современных капитализма, по его мнению, было невозможным в буддийских культурах, так как не было «капиталистического духа» как в аскетическом протестантизме (Вебер, 2016).

Наиболее значительный поворот в этом вопросе сделал британский экономист Э. Шумахер. В 1973 г. вышел его знаменитый сборник «Малое прекрасно: экономика, в которой люди имеют значение», в котором он излагает впечатления после работы экономическим советником в Юго-Восточной Азии. Он пришел к выводу, что западные экономические модели не подходят для буддийских стран, потому что последние основаны на иной метафизике, и вводит понятие «буддийская экономика» (Шумахер, 2012).

Шумахер утверждает, что современная экономическая наука в погоне за средствами упускает из виду самого человека. Он пишет: «... буддийский образ жизни удивительно разумен: самых скромных средств достаточно для достижения полного благополучия. Но западному экономисту понять это очень трудно. Он привык мерить уровень жизни количеством потребленных за год товаров и услуг, полагая, что человек, потребляющий больше, живет лучше того, кто потребляет меньше. Для буддийского экономиста такой подход абсурден: потребление — не цель, а средство, показателем же уровня жизни является максимальное благополучие при минимальном потреблении» (там же: 54). Экономист отмечает, что «нескончаемая гонка за максимальным потреблением требует огромных усилий и средств, в то время как поддержание образа жизни, нацеленного на оптимальное потребление, куда менее затратно. Поэтому не стоит удивляться тому, что американец подвергается значительно большему стрессу чем, скажем, бирманец, и это несмотря на то, что Бирма, по сравнению с США, почти не использует трудосберегающие технологии» (там же). Кроме того, экономист обосновывает приоритетное развитие малых рабочих единиц перед мега-крупными организациями, созданных для увеличения прибыли; показывает неразумность использования в промышленных масштабах сокращаемых природных ресурсов; осуждает безудержную гонку за материальным обогащением.

С 1970-х годов концепция Шумахера становится популярной на Западе, особенно среди членов экологических движений. В научном сообществе постепенно признается, что буддийская экономика помогает западным странам решать проблемы чрезмерного потребления, социального дискомфорта и разрушения природы. К настоящему времени существует значительное количество зарубежных работ, посвященных этой тематике. Наиболее известны работы экономистов А. Колина (Colin, 2008), Т. Конеки (Konecki, 2017), Л. Р. Лоя (Loy, 2003), Р. Лэйрада (Layard, 2003; Электр. ресурс, 2005) и других.

Последний крупной работой в этом направлении является коллективный труд под редакцией венгерского экономиста Л. Зсолная «Этические принципы и экономическая трансформация — буддийский подход», где представлены идеи экономистов и бизнес-ученых, занимающихся различными буддийскими традициями (Ethical Principles ..., 2011). Он отмечает, что «эти идеи могут казаться иррациональными или, по крайней мере, наивными для западного разума, который озабочен культивированием желаний и инструментальным использованием мира, однако глубокий экологический и финансовый кризис нашей эпохи вынуждает поиски альтернативных подходов к экономике» (там же: 8).

Важный вклад в раскрытие взаимосвязи буддийских ценностей и экономического развития внесли азиатские исследователи. Так, тайский буддийский монах и философ П. Пайотто в книге «Буддийская экономика: срединный путь для рынка» показывает, что буддийские учения дают глубокое понимание психологии желания и мотивирующих сил экономической деятельности (Payutto, 1994). Японский философ, экономист, банкир С. Иноуэ представил книгу «Введение буддизма в работу. Новый подход к управлению и бизнесу», где обосновывает, что основная задача буддийской экономики — служить сообществу; прибыль же является побочным продуктом. Он выделяет благодарность к другим существам и чувство сожаления о причинении им вреда как важнейшие ее принципы (Inoue, 1997).

Буддизм о богатстве

Согласно буддизму, как его трактуют исследователи, нет ничего плохого в материальном благополучии. Несмотря на популярный образ буддизма как аскетичного учения, ограничивающего мирские удовольствия, такой подход был фактически опробован и отклонен Буддой, прежде чем он достиг просветления (Payutto, 1994). Идея срединного пути заключается в том числе, и в создании благоприятных условий для жизни и практики, облегчении крайних форм страданий. Буддизм никоим образом не противоречит физическому благополучию (Шумахер, 2012).

Если богатство не стимулирует привязанность и жадность, то обладание им может принести пользу. Известно, что многие из учеников Будды, будучи бога-

тыми, свободно посвятили большую часть своего имущества поддержке сангхи и уменьшению бедности (Payutto, 1994). Для отдельного взятого индивида материальный достаток также играет важную роль. Так, Чже Цонкапа¹ в Большом Ламриме² указывает богатство как одно из достоинств, которые проявляются у практика благодаря нравственному образу жизни, и помогают ему продвигаться по пути к освобождению (Цонкапа, 2012: 307).

Крайняя бедность, как правило, для обычных людей сопровождается сильными душевными, физическими страданиями. Невозможность удовлетворить основные жизненные потребности отодвигает за задний план мысли о достижении высшего счастья в буддийском понимании. Возможна навязчивая иллюзии о том, что материальные возможности способны принести полное удовлетворение. Поэтому такое положение в буддизме расценивается как не-свободное. Из-за бедности люди могут быть слишком озабочены борьбой за выживание, чтобы делать что-либо для своего собственного духовного совершенства (Payutto, 1994).

Вместе с тем, буддизм призывает довольно осторожно подойти к вопросу о материальном обогащении. Прежде всего, важен честный способ заработка денег, основанный на понимании закона кармы. Во многих буддийских канонических текстах подчеркивается важность чистых средств к существованию (Цонкапа, 2012). Воровство, обман плохи тем, что в результате приведут к потере имущества, ненадежности окружения в будущем, включая последующие жизни. Здесь буддизм позиционирует себя не как догматичная религия, а как основанная на причинно-следственной взаимосвязи доктрина о реальности. Поэтому существует правило, согласно которому некоторые виды деятельности должны быть исключены из способов зарабатывания денег: «... мирянам запрещено заниматься оружием, живыми существами (например, рабами или проститутцией), опьяняющими напитками, наркотиками, ядами» (Payutto, 1994: 343).

Далее, буддийские учителя часто говорят о переоценке материальных ценностей, их непомерно завышенной роли в современном мире. Деньги не способны принести подлинное счастье, поэтому система приоритетов выстраивается, исходя из внутренней гармонии: «спокойствие ума, здоровье тела, финансовый достаток» (Буддизм — это наука об уме ..., Электр. ресурс). В то время как

---

¹ Дже Цонкапа (1357–1419) — великий тибетский учитель, основатель буддийской традиции гелуг, которая в настоящее время распространена ряде регионов центральной Азии, в том числе в Туве. Глубоко почитаемый наставник у монголоязычных народов и тувинцев; последние называют его «Богда Бурган». В современных тувинских хурээ празднуют день его рождения и ухода в махапаранирвану. Во время проведения религиозных ритуалов для населения используется его система и его учеников.

² Большой Ламрим, или Ламрим Ченмо — это знаменитый труд Дже Цонкапы, представляет собой систематическое руководство, детально описывающее методы духовного развития вплоть до достижения полного Пробуждения в соответствии с учением Будды Шакьямуни. Это один из самых читаемых буддийских текстов в Туве; многие практикующие выстраивают свою систему подготовки согласно Ламриму.

в западном мире градациях этих ценностей происходит в обратном порядке. Одной из причин этого лидер буддистов мира, Его Святейшество Далай-лама XIV видит в недостаточно развитой духовности в индустриальном обществе. «Те тибетцы, которые обладают более глубоким духовным опытом, — ценят деньги за то, что они дают, но при этом признают, что есть и другие, более важные ценности. — пишет он. — Большинству же людей недостает развитого духовного опыта, и общество в целом придерживается правил, диктуемых деньгами и властью» (Далай-лама XIV о деньгах..., Электр. ресурс).

В идеале субъективное отношение к собственным материальным благам должно исходить из рационального понимания их практической значимости. Привязанность, страстное влечение, одержимое желание накопления признаются в качестве отрицательных разрушающих эмоций, поэтому против таких ментальных состояний в буддийском арсенале имеются целый ряд так называемых «противоядий». Иными словами, проблема не в богатстве, а в привязанности к нему, не наслаждение приятными вещами, а стремление к ним (Шумахер, 2012).

Пайотто пишет: «Богатство не должно становиться одержимостью, причиной беспокойства. Скорее, оно должно быть связано с пониманием его истинных преимуществ и ограничений и то, каким образом оно ведет к личному развитию» (Payutto, 1994: 42). При этом привязанность оценивается как неблагоприятное состояние ума относительно любых явлений, а не только по отношению к материальным ценностям.

Доктор буддийской философии Геше Джампа Тинлей в публичных лекциях в г. Кызыле часто образно описывает правильное отношение к деньгам, сравнивая их с зимней обувью, которая, безусловно, необходима, однако ее место на нижней полке, а не алтаре, таким образом, показывая роль благосостояния в общей жизненной перспективе. Он советует своим слушателям не слишком радоваться богатству, и не слишком огорчаться из-за бедности; развивать внутреннюю удовлетворенность тем, что есть. И желает одновременного духовного и материального развития будущему молодому поколению. «Наша жизнь коротка, и нам нужно уметь довольствоваться тем, что мы имеем. Голове нужна крыша, телу — удобная одежда, желудку — еда, а для сердца самое главное — это Дхарма», — убежден буддийский мастер (Геше Джампа Тинлей, 2017: 205).

Научные исследования счастья и дохода

В буддизме говорится, что богатство, как и любой внешний для человека объект, не способно полностью избавить от страданий, и принести подлинное счастье. Деньги способны избавить от крайних форм страданий, но не бессильны избавить нас от когнитивного искажения реальности (неведения), которое считается главной причиной всех бедствий. Поэтому для практикующего ми-

рянина достижение высокого материального благосостояния не является жизненной целью.

Шумахер пишет: «В то время как материалист в основном интересуется товарами, буддист в основном интересуется освобождением» (Шумахер, 2012: 60). В буддизме, как в любой религиозной системе, существует высшая конечная цель, к которой стремятся практикующие. В данном случае — это освобождения от страдательного сансарического¹ бытия, достижение истинного покоя нирваны, а также дальнейшего состояния полного пробуждения. Поэтому в этом широком контексте финансовое благополучие представляется как локальный результат щедрости в прошлом, который является желательным, но не крайне необходимым.

Буддийские учителя в лекциях часто подчеркивают, что чем безмятежней ум, тем счастливее человек. Богатство же не приносит спокойствия ума. Современные научные исследования показывают солидарность с буддизмом в этом вопросе. Так, экономисты обнаружили, что эмпирическая корреляция между увеличением доходов и счастьем в лучшем случае является незначительной. Колин пишет: «Исследование счастья последовательно показывает, что, как только достигнут достаточно базовый уровень реальных доходов, дополнительный доход или потребление приносят очень мало дополнительного счастья.... Через некоторое время мы привыкаем к более высокому материальному уровню жизни и считаем это само собой разумеющимся» (Colin, 2008: 208). Другими словами, счастье «возвращается» к базовому уровню.

За последние двадцать лет нейробиологи достигли значительного прогресса в изучении позитивных эмоций, счастья. В лабораториях проводятся обширные исследования уровня серотонина, кровотока, поглощения кислорода, электрической активности в разных частях головного мозга. Появились работы, посвященные объективным доказательствам субъективного благополучия (Davidson, 2000, 2004; Layard, 2005). Колин пишет: «Счастье, в принципе, измеряется как кровяное давление» (Colin, 2008: 209). Это показывает, что ученые серьезно подходят к категории «счастье». Ведущий экономист по вопросам труда Лондонской школы экономики Р. Лейард, автор знаменитой книги «Счастье: уроки новой науки» (Layard, 2005) пришел к выводу, что буддийские психологические практики медитации, развивающие сострадательную природу, имеют под собой весомые основания (Layard, 2003: Электр. ресурс, 2005).

В частности, близкие отношения в семье, с друзьями, на работе радуют нас, обеспечивают любовь поддержку, определяют нашу идентичность — наше чувство того, кто мы. «Наконец, и, самое главное, наше счастье, — заключает он, — зависит от нашего внутреннего я и нашей философии жизни (Layard, 2005: 73).

¹ В буддизме считается, что существа, находящиеся в состоянии неведения, непрерывно страдают; такое существование называется сансарой.

Эти слова созвучны с мнением Его Святейшества Далай-ламы XIV: «главное счастье — это ментальное счастье, покой ума. Это состояние поможет преодолеть и неприятные телесные ощущения. Поэтому недостаточного одного материального прогресса — необходимо работать с умом, сознанием, независимо от того, буддист вы или нет» (Липич, 2016: Электр. ресурс).

Позитивное влияние буддийских ценностей на бизнес

Исследователи, изучая влияние буддийских ценностей на экономику, приходят к выводу, что они положительно влияют на производственные процессы, поскольку помогают предпринимателям проявлять долгосрочную ориентацию в процессе разработки стратегии.

В особенности отмечается *идея кармы*, которая предполагает, что всякий поступок будет иметь последствия в будущем, включая следующие жизни. Считается, что рано или поздно поступки принесут соответствующие результаты; кармические отпечатки не исчезают, и придется испытать их потенциал. В результате действия субъекта в большей степени ориентированы на благополучие в будущем, чем на краткосрочный локальный результат. Отсюда возникает большая степень честности во взаимодействии субъекта со своими сотрудниками и клиентами, и формирует отношения доверия, положительно влияет на репутацию фирмы (Шумахер, 2012; Marques, 2012).

Буддийская концепция *непостоянства*, указывающая на временный характер всех явлений, также показывает свою актуальность в рыночных отношениях, способствует выработки адаптационных механизмов. Так, солидарность с этой идеей помогает принимать рискованные решения, необходимые в предпринимательской деятельности, и дает установку не привязываться к жестким, устойчивым моделям действий. Он убежден, что стратегия, основанная на буддийском понимании непостоянства, оказывается более выигрышной с экономической точки зрения (Zhiyang, 2011). Как пишет В. М. Лоренс: «Компании зависят от таких аспектов своей деятельности, как инновации, обновление и ребрендинг продуктов, а также от способности найти пути сохранения конкурентоспособности на глобальном рынке и удовлетворять изменяющиеся потребности клиентов. Именно поэтому из всех концепций буддизма теория изменчивости находит самое широкое понимание в деловом мире» (Далай-лама XIV, Майзенберг, 2010: 38).

Таким образом, буддийская концепция непостоянства формирует более гибкое экономическое мышление, что позволяет приспособливаться к изменениям и сохранять внутреннее спокойствие.

Экономисты отмечают положительные преимущества нравственного образа жизни, еще одного краеугольного камня буддийской практики. Привер-

женность к обетам мирянина — отказ от убийства, воровства, лжи, прелюбодеяния, алкоголя и наркотиков, безусловно, создает в сообществе атмосферу доверия (Schwartz, 2004). Аналогичную пользу способны принести сострадание и любовь, культивируемые в буддийских практиках. Справедливо отмечает Пайотто, что если сообщество небезопасно, если есть угроза насилия и дороги небезопасны для путешествий, тогда очевидно, что будут сложно с привлечением инвестиций, туристы не захотят туда идти, и экономика пострадает (Payutto, 1994).

Буддийские практики управления эмоциональными состояниями также доказали свою актуальность. Мы наблюдаем, как в западном обществе возрастает интерес к медитации, созерцательным практикам. Отчасти это вызвано высоким уровнем стресса, тревожности из-за современного динамичного образа жизни. Представители бизнеса, участники сложных деловых связей все чаще признаются, что буддийские практики управления эмоциональными состояниями, в особенности средства борьбы с гневом, раздражительностью, положительным образом влияют на уровень возбужденности во время делового процесса. Это позволяет повысить личную эффективность для руководителей и сотрудников, увеличить удовлетворенность от работы.

Во многих корпорациях начали устраивать практики осознанности. Так, Google разработал и ввел собственную программу медитации «Поиск внутри себя» («Search Inside Yourself»), которую ежегодно посещают две тысячи сотрудников компании. Этот эксперимент оказался настолько удачным, что компания создала версии начального уровня — «Управление вашей энергией». Поиск-овый гигант также создал лабиринт для ходьбы по медитации.

Основатель и председатель знаменитой американской компании в области интернет-магазинов eBay Пьер Омидьяр высоко ценит буддийскую мудрость. Выступая вместе с Туптен Джинпой, переводчиком с английского у Его Святейшества Далай-ламы в 2013 г. на конференции «Мудрость 2.0.» (г. Сан-Франциско, США), он объяснил успех сайта-аукциона человеческой добродетелью и доверием к совершенно незнакомым людям (Найдется Ничто: ... , Электр. ресурс). Также для своих сотрудников Омидьяр оборудовал комнаты для медитации со специальными подушками и цветами (Rayder, 2013: Электр. ресурс).

Эван Уильямс, один из основателей Твиттера, организовал регулярные сеансы медитации в своем новом предприятии — Obvious Corporation (Rayder, 2013: Электр. ресурс).

Конекки убежден, что в современные дни капитализм нуждается в большей релаксации, концентрации и спокойствии. Он пишет: «Тишина, создаваемая во время медитации, помогает более четко видеть мысли .... Благодаря созерцанию может быть достигнута более целостная картина того, что что хорошо, а что плохо для бизнеса и организаций» (Konecki, 2017: 13).

Перспективы исследования

В российском научном сообществе данная тематика нашла отражение в ряде публикаций. Так, М. С. Уланов и Г. В. Уланова также обосновывают экономический потенциал буддийской культуры, и ее влияние на экономическую жизнь в целом, рассматривая идеи Э. Ф. Шумахера (Уланов, Уланова, 2014). Социолог Т. Б. Бадмацыренов и В. А. Родионов анализируют экономические институты буддийских сообществ, способы и механизмы ресурсного обеспечения их потребностей (Бадмацыренов, Родионов, 2014). Примечательно, что указанные авторы представляют регионы, традиционно исповедующие буддизм — Калмыкию и Бурятию.

Чрезвычайно актуальна данная работа и для Тувы. В том числе и потому, что молодое поколение от 18 до 30 лет проявляет интерес к изучению буддизма.

Ведущий тувинский религиовед О. М. Хомушку, говоря о том, что в настоящее время в республике наблюдается возрождение традиционной религии буддизма, отмечает увеличение числа молодежи, посещающих соответствующие лекции и мероприятия (Хомушку, 2015). Добавим, что заинтересованность выражается и в создании неформальных молодежных организаций, объединяющих желающих глубже изучать данное учение. Так, молодежное буддийское движение «Субедей» во главе с монахом Шолбаном Иргитом, прошедшего базовую подготовку в индийском монастыре Гоман дацан, объединяет около двухсот человек. В основном это студенты, обучающиеся в таких крупных российских городах, как: Красноярск, Благовещенск, Новосибирск, Абакан, Москва, Омск, Улан-Удэ. Сам лидер движения проживает в Туве, но регулярно проводит онлайн трансляции, освящая те или иные положения учения, в том числе и ориентируя слушателей на правильный образ жизни.

Еще одним объединением можно считать учеников Геше Джампа Тинлея. Наиболее активная часть этого объединения составляет около сорока человек. Это уже работающая кызылская молодежь, которая на базе дхарма-центра «Манджушри» организовала систему обучения, преимущественно по темам Ламрима. Помимо еженедельных занятий данная группа выезжает на коллективные, индивидуальные ретриты, которые проводятся на территории Байкальского медитационного центра (с. Заречье), где успешно выступает в традиционных буддийских диспутах с представителями других российских центров, созданных под руководством наставника Геше Джампа Тинлея. Также самостоятельно проводит городские ретриты по подготовительным практикам нендро.

Другими словами, в тувинском сообществе формируется прослойка населения среди мирян, компетентная в области буддийской философии. Уровень их просвещенности в значительной степени отличается от знаний старшего советского поколения: они глубже разбираются в основных положениях Учения, лучше ориентируются в терминологии, имеют общее представление о су-

тре и тантре. Этому способствует доступность буддийской литературы, в том числе на русском языке, наличие высоко квалифицированных наставников. А самое главное: наблюдается иной подход к буддизму как системе целостного мировоззрения, а не только как к обрядовым практикам. В этом заключается принципиальное различие в восприятии населения буддизмом различными поколениями.

Более того, можно сказать, что в молодежной среде существует некоторый модный тренд на буддизм как высокие духовные знания. Авторитетные спортсмены, борцы, популярные поп-исполнители, артисты, посещая лекции учителей, транслируют значимость этих событий в публичное пространство. Периодическое присутствие главы региона Шолбана Кара-оола на учениях, в частности Геше Джампа Тинлея, и его традиционная благодарственная речь за помощь в возрождении религии в республике, однозначно повышают престиж буддизма в глазах населения (Геше Джампа Тинлей выступит ... , Электр. ресурс) Создается определенный символический капитал, который набирает силу, и, безусловно, не может не влиять на этносоциальные процессы, протекающие в регионе.

Учитывая это, исследователям своевременно задаться вопросами: влияют ли буддийские ценности на экономическое мышление; если да, то каким образом, как применять данное знание в тувинском сообществе. Важно понять, может ли буддизм как традиционная религия тувинцев, помочь сотворить в регионе экономическое чудо, вывести качество жизни на новый качественный уровень.

Хотя зарубежные исследования показывают востребованность этих знаний в современных экономических отношениях на уровне передовых мировых корпораций, мы полагаем, что в тувинском сообществе не до конца осознается этот актуальный потенциал в рыночных взаимоотношениях. Чаще он представляется как традиционные знания, способствующие поддержанию этнической идентичности, распространению духовных ценностей, духовной помощи. Однако возрастающий интерес молодежи к буддизму дает основания полагать, что уже сейчас имеются практики, всерьез полагающиеся на буддийские знания при принятии финансовых решений, деловых контактов.

Заключение

Современные исследования показывают, что буддийские практики способны в значительной степени оказывать влияние на экономическую деятельность, способствуя ее эффективности. В этом смысле возможно тувинскому обществу требуется новый взгляд на буддизм, в том числе, и как на источник знаний, ориентиров и вдохновения для улучшения материального благосостояния в регионе. Сочетание предпринимательских навыков и буддийских ценностей в

тувинском сообществе нам видится желательной перспективой, зримым идеалом в будущем. И особую роль в этом процессе предстоит сыграть молодому поколению, обладающему актуальными знаниями в области бизнеса и стремящемуся к глубокому пониманию самого учения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадмацыренов Т. Б., Родионов В. А. (2014) Социология экономики буддизма: концептуальный анализ // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. № 14–2. С. 49–54.

Буддизм — это наука об уме (2012) [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 6 июня. URL: <https://www.tuva.asia/news/asia/4892-tinley50.html> (дата обращения: 19.03.2018).

Вебер, М. (2016) Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / пер. с нем. под ред. Л. Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 448 с.

Геше Джампа Тинлей (2017) Буддийские наставления о семье / под ред. Ч. Ондара; устный перевод с англ. Б. Дондокова, А. Морозова. Новосибирск : ООО «Издательство Ддже Цонкапа». 346 с.

Геше Джампа Тинлей выступит с лекциями в каждом районном центре Тувы (2013) [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 28 марта. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/society/1768/?sphrase_id=36426 (дата обращения: 19.03.2018).

Далай-лама XIV о деньгах (2018) [Электронный ресурс] // Портал: религия и деньги. 2 февраля. URL: <http://денга.рф/dalaj-lama-xiv-o-dengax/> (дата обращения: 19.03.2018).

Далай-лама XIV, Майзенберг, Л. (2010) Путь истинного лидера. М.: Эксмо. 297 с.

Липич, О. (2016) Далай-лама призвал к заботе о других и к размышлению о пустоте [Электронный ресурс] // РИА Новости. 11 октября. URL: <https://ria.ru/religion/20161011/1478989105.html> (дата обращения: 19.03.2018).

Найдется Ничто: взрыв осознанности в IT (NYTimes) (2014) [Электронный ресурс] // Дмитрий Соловьев: блог о цифровом детоксе. 23 мая. URL: <http://www.soloveev.ru/wisdomit/> (дата обращения: 19.03.2018).

Уланов, М. С., Уланова, Г. В. (2014) Э. Ф. Шумахер и концепция буддийской экономики // Вестник Калмыцкого государственного университета. № 3 (23). С. 108–112.

Хомушку, О. М. (2015) Возрождения буддизма в Туве: от прошлого к настоящему // Религия в изменяющемся мире: сборник научных статей / отв. ред. Э. А. Николаев. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета. 188 с.

Цонкапа, Д. (2012) Большое руководство к этапам пути Пробуждения / пер. с тиб. СПб.: Изд-е А. Терентьева. Изд. 4-е, доп. 786 с.

Шумахер, Э. (2012) Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение / пер. с англ. Д. Аронсона. М.: Изд-во ВШЭ. 352 с.

Colin, A. (2008) Happiness and Economics: A Buddhist Perspective // Society and Economy. № 29. P. 201–222.

Davidson, R. (2000) Affective Style, Psychopathology and Resilience: Brain Mechanisms and Plasticity // American Psychologist. № 55. P. 1196–1214. DOI: 10.1037/0003 – 066X.55.11.1196

Davidson, R. (2004) Well-being and Affective Style: Neural Substrates and Biobehavioural Correlates // Philosophical Transactions of the Royal Society (London). № 359. P. 1395–1411. DOI: 10.1098/rstb.2004.1510

Ethical Principles and Economic Transformation — A Buddhist Approach (2011) Ed. L. Zsolnai / Issues in Business Ethics. Vol. 33. 213 p. DOI: 10.1007/978-90-481-9310-3

Inoue, S. (1997) Putting Buddhism to work. A new approach to management and business. Tokyo, New York, London: Kodansha International Ltd. 131 p.

Konecki, K. T. (2017) Contemplation for Economists. Towards a Social Economy Based on Empathy and Compassion // Economics and Sociology. № 10 (3). pp. 11–24. DOI: 10.14254/2071-789X.2017/10-3/1

Laszlo, Z. (2011) Why Buddhist Economics? Ethical Principles and Economic Transformation — A Buddhist Approach. Ed. L. Zsolnai / Issues in Business Ethics. Vol. 33, pp. 3–21.

Layard, R. (2005) Happiness: Lessons from a new science. London: Penguin Press. 310 p.

Loy, D. R. (2003) The Great Awakening. A Buddhist Social Theory. Somerville: Wisdom Publication Inc. 228 p.

Marques, J. (2012) Consciousness at work: A review of some important values, discussed from a Buddhist perspective // Journal of Business Ethics. № 105 (1). pp. 27–40. DOI: 10.1007/s10551-011-0932-8

Payutto, P. A. (1994) Buddhist economics: A Middle Way for the market place. Bangkok: Buddhadhamma Foundation. 99 p.

Ryder, B. (2013) The mindfulness business. Western capitalism is looking for inspiration in eastern mysticism [Электронный ресурс] // The Economist. № 16. URL: <https://www.economist.com/news/business/21589841-western-capitalism-looking-inspiration-eastern-mysticism-mindfulness-business> (дата обращения: 15.03.2018).

Schwartz, B. (2004) *The Paradox of Choice: Why More is Less*. New York: Harper Collins. 304 p.

Zhiyang, L., Zuhui, X., Zhao, Z., Yong, L. (2017) Buddhist entrepreneurs and new venture performance: The mediating role of entrepreneurial risk-taking // *Small Business Economics*. № 4. P. 1–14. DOI: /10.1007/s11187-017-9981-4

Дата поступления: 15.03.2018 г.

REFERENCES

Badmatsyrenov, T. B. and Rodionov, V. A. (2014) *Sotsiologiya ekonomiki buddizma: kontseptual'nyi analiz* [Sociology of economics in Buddhism: a conceptual analysis]. *The Buryat State University Bulletin*, no. 14–2, pp. 49–54. (In Russ.).

Buddizm – eto nauka ob ume [Buddhism is the science of the mind] (2012) *Tuva. Asia*, 6 June [online] Available at: <https://www.tuva.asia/news/asia/4892-tinley50.html> (access date: 19.03.2018). (In Russ.)

Weber, M. (2016) *Hozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sociologii* [Economy and Society: Essays on Understanding Sociology] / transl., ed. by L. G. Ionin. Moscow, High School of Economics. 448 p. (In Russ.)

Geshe Dzhampa Tinlei (2017) *Buddiiskie nastavleniya o sem'e* [Buddhist instructions about the family]. Novosibirsk, Dzhe Conkapa. 346 p. (In Russ.)

Geshe Dzhampa Tinlei vystupit s lektsiyami v kazhdom raionnom centre Tuvy [Geshe Jampa Tinley will give lectures in every district center of Tuva] (2013) *Ofitsial'nyi portal Respubliki Tyva*, 28 March [online] Available at: http://gov.tuva.ru/press_center/news/society/1768/?sphrase_id=36426 (access date: 19.03.2018). (In Russ.)

Dalai-lama XIV o den'gakh [The Dalai Lama on money] (2018). *Portal: religiia i den'gi* [online] Available at: <http://денга.рф/dalaj-lama-xiv-o-dengax/> (access date: 19.03.2018). (In Russ.).

Dalai-lama XIV and Muyzenberg, L. van den (2010) *Put' istinnogo lidera* [The leader's way]. Moscow, Ecksмо. 297 p. (In Russ.).

Lipich, O. (2016) Dalai-lama prizval k zabote o drugikh i k razmyshleniyu o pustote [The Dalai Lama called for caring for others and meditating on emptiness]. *RIA Novosti*, 11 October [online] Available at: <https://ria.ru/religion/20161011/1478989105.html> (access date: 19.03.2018). (In Russ.).

Naidetsya Nichto: vzryv osoznannosti v IT (NYTimes) [There is Nothing to be found: an explosion of awareness in IT] (2014). *Dmitrii Solov'ev: blog o tsifrovom detokse*, 23 May [online] Available at: <http://www.soloveev.ru/wisdomit/> (access date: 19.03.2018). (In Russ.).

Ulanov, M. S. and Ulanova, G. V. (2014) E. F. Shumacher i konceptsiya buddijskoi ekonomiki [E. F. Schumacher and Buddhist economics concept]. *Bulletin Kalmyk State University*, no. 3 (23), pp. 108–112. (In Russ.).

Homushku, O. M. (2015) Vozrozhdeniya buddizma v Tuve: ot proshlogo k nas-toyashchemu [Revivals of Buddhism in Tuva: from past to present]. In: *Religiya v menyayushchemsya mire [Religion in a changing world]: A collection of scientific articles*, ed. by A. Nikolaev. Ulan-Ude, Izdatel'stvo Buryatskogo gosuniversite-ta. 188 p. (In Russ.).

Conkapa, D. (2012) *Bol'shoe rukovodstvo k etapam puti Probuzhdeniya [A great guide to the stages of the path to Awakening]*. Transl. from Tib. St. Petersburg. A. Terent'ev Publ. 4th ed. 786 p. (In Russ.).

Schumacher, E. F. (2012). *Maloe prekrasno. Ekonomika, v kotoroi liudi imeiut znachenie [Small Is Beautiful: A Study of Economics As If People Mattered]*, transl. by D. O. Aranson. Moscow, High School of Economics. 352 p. (In Russ.).

Colin, A. (2008) Happiness and Economics: A Buddhist Perspective. *Society and Economy*, no. 29, pp. 201–222.

Davidson, R. (2000) Affective Style, Psychopathology and Resilience: Brain Mechanisms and Plasticity. *American Psychologist*, no. 55, pp. 1196–1214. DOI: 10.1037/0003-066X.55.11.1196

Davidson, R. (2004) Well-being and Affective Style: Neural Substrates and Biobehavioural Correlates. *Philosophical Transactions of the Royal Society (London)*, 359, pp. 1395–1411. DOI: 10.1098/rstb.2004.1510

Inoue, S. (1997) *Putting Buddhism to work. A new approach to management and business*. Tokyo, New York, London: Kodansha International Ltd. 131 p.

Konecki, K. T. (2017) Contemplation for Economists. Towards a Social Economy Based on Empathy and Compassion. *Economics and Sociology*, no. 10 (3), pp. 11–24. DOI: 10.14254/2071-789X.2017/10-3/1

Laszlo, Z. (2011) Why Buddhist Economics? Ethical Principles and Economic Transformation – A Buddhist Approach. *Issues in Business Ethics*, vol. 33, pp. 3–21.

Layard, R. (2005) *Happiness: Lessons from a new science*. London, Penguin Press. 310 p.

Loy, D. R. (2003) *The Great Awakening. A Buddhist Social Theory*. Somerville, Wisdom Publication Inc. 228 p.

Marques, J. (2012) Consciousness at work: A review of some important values, discussed from a Buddhist perspective. *Journal of Business Ethics*, no. 105(1), pp. 27–40. DOI: 10.1007/s10551-011-0932-8

Payutto, P. A. (1994) *Buddhist economics: A Middle Way for the market place*. Bangkok, Buddhadhamma Foundation. 99 p.

Ryder, B. (2013) The mindfulness business. Western capitalism is looking for inspiration in eastern mysticism. *The Economist*, no. 16 [online] Available at: <https://www.economist.com/news/business/21589841-western-capitalism-looking-inspiration-eastern-mysticism-mindfulness-business> (access date: 15.03.2018).

Schwartz, B. (2004) *The Paradox of Choice: Why More is Less*. New York, Harper Collins. 304 p.

Zhiyang, L., Zuhui, X., Zhao, Z. and Yong, L. (2017) Buddhist entrepreneurs and new venture performance: The mediating role of entrepreneurial risk-taking. *Small Business Economics*, no. 4, pp. 1–14. DOI: /10.1007/s11187-017-9981-4

Submission date: 15.03.2018.

Для цитирования:

Тарбастаева И. С. Буддийские ценности как возможная экономическая детерминанта развития тувинского общества [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/772> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2018.2.5

For citation:

Tarbastayeva I. S. Buddhist values as a potential economic determinant in the development of Tuvan society. *The New Research of Tuva*, 2018, no. 2 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/772> (accessed: ...). DOI: 10.25178/nit.2018.2.5

DOI: 10.25178/nit.2018.2.6

ТРУДОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ И СОЦИАЛЬНО- ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ СОВРЕМЕННОЙ ТУВЫ

EMPLOYMENT AND SOCIO-PROFESSIONAL ORIENTATIONS OF CONTEMPORARY TUVA'S YOUTH

Зоя В. Анайбан

Институт востоковедения РАН,
Российская Федерация

Zoya V. Anayban

Institute of Oriental Studies, RAS,
Russian Federation

Статья посвящена исследованию вопросов трудовой занятости молодежи Тувы (15-29 лет), выявлению и определению их социально-профессиональных ориентаций и предпочтений. Работа основана на результатах этносоциологического опроса автора в 2015 г. среди молодежных групп Республики Тыва, а также на материалах официальной статистики и на полевых материалах автора, собранных в 2015–2017 гг.

Удельный вес молодежи в общем числе занятого населения достигает 30,8%. При этом безработица в регионе является преимущественно молодежной проблемой.

В трудовых мотивациях и профессиональных склонностях молодежи основных этнических групп — тувинцев и русских — существенных различий не наблюдается. Разница отмечается скорее между поколенческими группами молодежи. Стала заметно больше численность тех, кто трудится в разных отраслях местной промышленности, однако очевидно, что эта сфера предпочтительна для русских. Занятая в городе тувинская молодежь трудится преимущественно в сфере госструктур, образования и медицины, в селах молодежь, как видно, в основном занята в сельском хозяйстве.

The article examines the issue of employment and economic activity of youth (aged 15 to 29) in the Republic of Tuva, with a focus on defining and outlining their socio-professional priorities and preferences. The research is based on the ethnosociological survey the author held in 2015 among various youth groups in the Republic of Tuva, as well as on official statistics and the material collected during field research in 2015-2017.

The share of youth in the grand total of the regional economically active population has reached 30.8%. Unemployment in the region is largely a youth-related issue.

There is no significant difference between the labor motivations and career choices of the two main ethnic groups in the region – Russians and Tuvans. A conspicuous gap exists rather between the generational groups of youth. There has been a noticeable increase in the numbers of those employed in local industries, but it is evident that this field is more appealing for Russians. Town-

Анайбан Зоя Васильевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения Российской академии наук. Адрес: 107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. Тел.: +7 (495) 621-80-03. Эл. адрес: anayban@mail.ru

Anayban Zoia Vasil'evna, Doctor of History, Leading researcher, Department of Oriental History, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12 Rozhdstvenka Str., Moscow, 107031, Russia. Tel.: +7 (495) 621-80-03. E-mail: anayban@mail.ru

Широк и разнообразен разброс во мнениях и предпочтениях относительно характера труда, профессий у молодежи Тувы. Среди определенной части населения в целом, включая молодежь, по-прежнему сохраняется убеждение, что профессиональный выбор национально специфичен. Немалая часть тувинцев в предпочтениях больше тяготеет к творческим и гуманитарным специальностям. Среди русской молодежи особенно ценятся такие профессии, как адвокат, финансист, менеджер, инженер высшей квалификации.

Но по-прежнему модными у молодежи остаются профессии юриста, экономиста, к списку модных также прибавились профессии банкира, менеджера, нотариуса, программиста. Материальные интересы молодежь все-таки ставит выше любых других ценностей. Значительна конкуренция на рынке труда, прежде всего, в городской местности. К числу отличительных особенностей большей части молодежи стоит отнести не только ее прагматизм, деловитость, но также и оптимизм, веру в благополучное разрешение всех проблем. Позитивный настрой за последние годы заметно возрос.

Делается вывод: при реализации разного рода региональных социальных программ и мероприятий не следует забывать об особенностях местных молодежных групп, их профессиональных ориентациях и предпочтениях, которые во многом могут быть связаны с этнокультурными традициями их народа.

Ключевые слова: Тува; молодежь; тувинцы; русские в Туве; рынок труда; трудовая занятость; социально-профессиональные ориентации; трудовая мотивация

employed Tuvan youth works primarily in civil administration, education and medicine, while their rural counterparts are largely involved in agriculture.

The variegation in opinions and preferences concerning the labor conditions and the choice of a job is extremely wide in Tuva. A certain part of its residents, including youth, still cling to the idea that the job choice is ethnospecific. A sizeable part of Tuvan respondents have shown their preference for creative jobs and those requiring an education in the humanities. Russian respondents have expressed their interests in such fields as law, finance, management or engineering.

While working as a lawyer or an economist still remains in vogue, the list of "fashionable" jobs has expanded to include such jobs as bankers, managers, notaries or programmers. The young's prioritization of material interests over other values still holds true. Competition in the labor market remains high, especially in urban areas. The majority of youth are known not only for their pragmatism, business-mindedness, but also optimism and confidence in ultimate resolution of all their problems. Over the recent years, this positive feeling has been on the rise.

We conclude that in implementing various regional social programs it should be borne in mind that local youth groups have their own specific features, career orientations, motivations and preferences. In many ways, these can be linked to ethnocultural traditions of the ethnicity they belong to.

Keywords: Tuva; youth; Tuvans; Russian in Tuva; labor market; employment; socio-professional orientations; labor motivation

Введение

Данная работа посвящена изучению трудовой занятости молодежи Тувы в настоящее время, а также выявлению и определению их социально-профессиональных ориентаций и предпочтений. Известно, что именно от молодого поколения, его социального самочувствия и ориентаций на социальную мобильность, настроений и интересов в значительной мере зависит наше будущее. Соответственно, изучение участия молодежных групп в основных сферах жизнедеятельности республики, в частности, степень включенности ее в трудовую жизнь и анализ ее социально-профессиональных склонностей и установок представляется чрезвычайно важным и актуальным.

Исследование в основном базируется на данных официальной статистики Росстата, Управления Федеральной службы государственной статистики по

Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва (Красноярск-стат), на полевых материалах, собранных автором во время экспедиционных выездов в 2015–2017 гг.

Материалами исследования стали также результаты этносоциологического исследования по теме «Современная молодежь Тувы и Хакасии: этносоциальный портрет», проведенного нами в 2015 г. (Анайбан, 2017) (за основу анкеты исследования была взята анкета, реализованная десять лет назад в 2006 г. проекта «Проблемы адаптации народов Южной Сибири к новым реалиям жизни», когда был осуществлен опрос населения Республики Алтай, Республики Тыва и Республики Хакасия, что позволяет рассматривать динамику данных (Южная Сибирь в эпоху перемен: ... , 2007). Для эмпирического исследования в 2015 г. была выбрана молодежь, представители двух основных этнических групп Тувы и Хакасии — титульной национальности и русских. Опрос в Туве был осуществлен среди жителей столицы (г. Кызыл) и Пий-Хемского кожууна (района) республики, т. е. в качестве респондентов выступили и городская, и сельская молодежь.

В связи с изучением трудовых предпочтений молодежи в работе использованы и результаты опроса 2016 г. учащихся старших выпускных классов двух школ — лицея г. Кызыла и школы №2 г. Турана Пий-Хемского кожууна Республики Тыва (основные результаты были опубликованы: Анайбан, 2017).

В работе также учтены материалы нескольких ранее проведенных в Туве исследований, осуществленных с применением разных, отличных от использованных нами, методик и техник (Анайбан, 1999; Балакина, Анайбан, 1995; Балакина, Кылгыдай, 2015; Социальная и культурная дистанции...., 1998).

Трудовая занятость современной молодежи Тувы

В настоящее время удельный вес молодежи (15–29 лет) в общем числе занятого населения достигает в Туве почти треть. Как и в предыдущие годы, среди работающей молодежи процент мужчин заметно выше, чем женщин. Эти данные практически соответствуют среднему показателю по Сибирскому федеральному округу (см. таблицу 1).

Молодежь Тувы по своей представленности в «команде» занятых лишь чуть уступает группе 30–39-летних. При этом сравнение этих показателей (2016 г.) с аналогичными показателями 2014 г. показывает, что доля молодежи в составе занятого населения за последнее время хотя и незначительно, но все же несколько снизилась (на 2,2%). Примерно на столько же сократилась за эти два года численность занятой молодежи как среди мужчин, так и женщин (Статистический ежегодник Республики Тыва, 2017: 59). Что касается среднего возраста работающих, то он по Сибирскому округу равен 40,2, в Туве немного меньше — 38,6 (см. таблицу 1).

Здесь следует пояснить, что в Туве, в отличие от многих других российских регионов, в частности, той же соседней Хакасии, к сожалению, нет информации о занятости молодежных групп в разных сферах производства. По этой причине приведется данные лишь о занятых в экономике республики в целом.

Таблица 1. Состав занятого населения Тувы по возрастным группам в 2016 г. (по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости, в % к итогу).

Table 1. Economically active population of Tuva by age group, as of 2016 (according to selective population surveys on workforce issues, % of total)

	Доля занятых по возрастным группам (лет)						Средний возраст
	15–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–72	
Сибирский федеральный округ	0,7	21,8	28,7	22,9	20,8	5,1	40,2
Тува	0,8	22,8	31,5	27,3	14,8	2,8	38,6
Хакасия	0,6	19,9	30,6	23,1	21,5	4,4	40,3

(Регионы России ... 2018: 191).

Между тем, к числу острых социально-экономических проблем в Республике Тыва сегодня, впрочем, как и во многих других российских регионах, следует отнести именно проблему труда и занятости молодежи. Неслучайно эта проблема в перечне приоритетных задач республики, на решение которых направлена региональная целевая программа государственной молодежной политики «Стратегия государственной молодежной политики Республики Тыва» 2015 г., значится под номером один¹.

Своеобразным барометром состояния дел на рынке труда является *показатель безработицы*. Так, например, по данным статистики, общий уровень безработицы в Туве составляет 21%, в том числе 8% — официально зарегистрированный уровень. В качестве сравнения скажем, что уровень безработицы по Российской Федерации в целом к началу 2017 г. достигал 5,5% и на протяжении последнего десятилетия демонстрировал не столь явную, но все же неуклонную тенденцию к спаду (Труд и занятость в России, 2017: 79).

В последние годы численность молодежи среди безработных была самая высокая и достигала в Туве 37,8% (в качестве сравнения отметим, что в Хакасии этот показатель был еще выше — 42,6%). Таким образом, исходя из того, что в числе безработных в равной степени как в Туве и Хакасии, так и в Сибирском федеральном округе доля молодежи, по сравнению со всеми другими возрастными группами, заметно доминирует, можно резюмировать,

¹ Документ хранится в текущем архиве Министерства по делам молодежи и спорта Республики Тыва.

что безработица в этих российских субъектах является преимущественно молодежной проблемой (Регионы России...., 2018: 202). Ситуация в исследуемом регионе осложняется на протяжении многих лет и тем обстоятельством, что довольно весомую долю не имеющих работу образует сельская молодежь, которая особенно активно пополняет ряды городских безработных. По мнению большинства экспертов, с которыми нам довелось побеседовать во время сбора эмпирического материала в Туве летом 2016 г., как и в прежние годы, в числе причин роста молодежной безработицы в республике чаще других выступают следующие обстоятельства: неконкурентоспособность на рынке труда из-за недостатка профессионального образования и опыта, иждивенческая психология, отсутствие трудового воспитания в семье и школе.

Следует сказать еще об одном аспекте этой проблемы. В нашем обществе из-за отсутствия спроса на рынке труда на конкретную профессию с годами становится все больше тех, кто, не найдя работы по специальности, устраивается работать не по специальности, либо становится, увы, безработным. Иными словами, как в свое время справедливо отмечали местные экономисты, «росту безработицы способствует несоответствие выбранной специальности требованиям рынка. Наблюдается переизбыток специалистов по одним специальностям (экономисты, юристы) и их недостаток по другим» (Хертек, 2008: 47). В создавшихся обстоятельствах, как нам кажется, соответствующим региональным органам необходимо серьезно проработать вопрос и создать условия для профессиональной переподготовки с учетом местного дефицита и спроса на ту или иную специальность.

С нашей точки зрения, молодежная безработица в какой-то мере обусловлена и другими обстоятельствами. Например, сложившаяся на данном этапе ситуация на рынке труда, кроме всего прочего, объясняется и степенью социальной мобильности населения, которая, несмотря на различные сложности, все же выше у русской молодежи. Подтверждением тому и результаты нашего опроса, осуществленного в Туве в 2015 г. по теме «Современная молодежь Тувы и Хакасии: этносоциальный портрет». Так, среди опрошенных русских оказалось почти вдвое выше, чем среди тувинцев, намеренных продолжить или повысить образование (ориентация на социальное продвижение). На вопрос: «Собираетесь ли Вы уехать из республики?», более половина респондентов среди русской молодежи Тувы (57,7%) ответили, что «подумывают об отъезде», т. е. они, являясь потенциальными мигрантами, также демонстрируют по сравнению с другими и большую мобильность.

Отдельно несколько слов о тех, кто только начинает свою трудовую жизнь. Как мы знаем, что в наши дни чуть ли не главным условием при устройстве на работу является имеющийся определенный стаж и опыт работы по требуемой специализации. В заданных обстоятельствах вчерашние выпускники по причине неимения наработок в данной сфере труда становятся

неконкурентоспособными и, следовательно, не могут получить требуемый и необходимый опыт работы. Заметим также, что современный рынок труда выдвигает все больше дополнительных требований к ищущим работу. Так, для получения желаемой работы, кроме соответствующей профессиональной подготовки, желательны наличие таких качеств, как решительность, упорство, мобильность, а также терпение и толерантность. Естественно, в такой ситуации, обусловленной социально-экономическими условиями жизни современного российского социума, молодежи, только начинающей свой жизненный путь и трудовую биографию, для оптимального трудоустройства гораздо сложнее доказать свою профпригодность, нежели представителям других возрастных групп, уже «накопившим» требуемые профессиональные навыки и необходимый психофизический «багаж».

Как известно, период демократических реформ, возможности социально-экономических преобразований позволили населению проявить и другие, в какой-то мере новые трудовые склонности, возможно, напрямую не связанные с их основной профессиональной деятельностью. В данном случае речь идет о предпринимательстве. И надо признать, что именно молодежь активно включилась в этот процесс. Достаточно сказать, что из всего числа имеющих в Туве предпринимателей, удельный вес молодых людей довольно представительен. Очень важно также, что среди них немало представителей титульной национальности. Совершенно очевидно, что участие молодых людей в предпринимательской деятельности — это не только увеличение доли малого и среднего бизнеса, который является на данном этапе одним из ключевых аспектов развития экономики каждого региона, но и решение проблемы занятости молодежи.

В настоящее время одним из приоритетных направлений молодежной политики в Республике Тыва является создание оптимальных условий для развития молодежного предпринимательства, расширения возможностей для молодых людей реализовать свои предпринимательские инициативы и создать собственное дело. Так, на протяжении ряда лет здесь проводились целевые программы, направленные на развитие и содействие молодежного предпринимательства, в числе которых объявленный в 2010 г. Всероссийский ежегодный конкурс «Молодой предприниматель России», «Государственная поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства по Республике Тыва» (2010–2012 гг.), «Снижение напряженности на рынке труда» (2009–2015 гг.), а также отдельные муниципальные целевые программы. К примеру, в рамках программы «Ты — предприниматель» (2012 г.) ежегодно проводится республиканский конкурс «Молодежный бизнес-проект». В 2017 г. его победителями стали 14 молодых граждан республики, в том числе в номинации «Открытие года» С. А. Оюн, в номинации «Работодатель года» Е. М. Суктермаа, в номинации «Производство года» М. М. Саая, в номинации

«Социальный бизнес года» А. Р. Салчак и др. При этом одним из основных направлений данной программы является в виде грантов материальная поддержка молодых предпринимателей (Победители регионального ..., 2017: Электр. ресурс).

Фото 1. Победители регионального этапа конкурса «Молодой предприниматель России» (2017), г. Кызыл, 2017 г. Фото Викторши Лачугиной; пресс-службы Правительства Республики Тыва.

Photo 1. Winners of the regional stage of "Russia's Young Entrepreneurs" contest (2017). Kyzyl, 2017, photo by Viktoria Lachugina, courtesy of Press Relations, Government of the Republic of Tuva.

Важно также особо сказать, что на состоявшемся в июне 2017 г. гражданском форуме «Тува–2030 г.», на котором обсуждались острые социальные проблемы республики и определялись пути выхода региона из непростой экономической ситуации, активное участие приняла молодежь. В частности, как было сказано в информационном сообщении пресс-службы Правительства Республики Тыва, «молодежные активисты в формате мозгового штурма определяли существующие вызовы и пути решения проблем в следующих четырех секциях — «Развитие человеческого капитала», «Экономическое развитие и экология», «Развитие гражданского общества и общественных инициатив», «Инновации и технологии»» («Тува-2030» ..., 2017: Электр. ресурс). Глава республики Ш. В. Кара-оол, выступая на этом форуме, отметил, что фактически стратегия развития пишется для нынешних молодых: «Тех, кому сегодня от

14 до 30 лет в республике более 70 тыс. человек, а это практически четверть населения. Кому, как не им определять какой станет республика в будущем» (там же).

В своих действиях руководство республики исходит из того, что при существующих проблемах развития молодежного предпринимательства применение программно-целевого метода позволит обеспечить системный подход к комплексному решению. В результате, по мнению специалистов республиканского Департамента занятости населения, в процессе осуществления государственных программ стимулирования молодежи к предпринимательской деятельности заметно

*Фото 2. Молодые участники гражданского форума «Тува-2030», г. Кызыл, 2017 г. Фото Виктории Лачугиной; пресс-служба Правительства Республики Тыва.
Photo 2. Young participants of the “Tuva-2030” Civic Forum, Kyzyl, 2017, photo by Viktoria Lachugina, courtesy of Press Relations, Government of the Republic of Tuva.*

снизилась острота проблемы создания дополнительных рабочих мест для молодёжи. Главным показателем эффективности реализации программных мероприятий является численность молодых людей, открывших собственный бизнес благодаря участию в программе. Как нам сказали в Министерстве по делам молодежи и спорта во время нашей беседы с его специалистами в августе 2016 г., в республике отмечается ежегодный рост числа молодых предпринимателей: в среднем на 10–13%. Наиболее динамичный рост развития молодежного предпринимательства на протяжении ряда лет отмечается в городах Кызыл и Ак-Довурак, а также в Каа-Хемском, Дзун-Хемчикском, Бай-Тайгинском кожуунах. Что касается вида деятельности, то наибольшее количество молодых предпринимателей занято в сфере торговли, далее в сфере платных услуг и в общественном питании.

Социально-профессиональные ориентации молодежи

Как показали результаты нашего исследования по теме «Современная молодежь Тувы и Хакасии: этносоциальный портрет» 2015 г., в трудовых склонностях и мотивациях современной молодежи Тувы гораздо большая разница во мнениях и суждениях, касающихся тех или иных профессионально-трудовых предпочтений, отмечается не между представителями основных этнических групп сегодняшней молодежи региона, а скорее между ними и молодежью десятилетней давности той же возрастной категории.

Главная причина этого кроется, по нашему убеждению, в самой нашей действительности, в продолжающихся вот уже не одно десятилетие трансформационных процессах, которые радикально изменили не только общественную систему в целом, но и в значительной степени повлияли на изменение нравственных ценностей, представлений и взглядов любого живущего в данном социуме.

Среди современных молодежных групп Тувы в отличие от молодежи начала этого столетия (т. е. десять лет назад) стала заметно больше численность тех, кто трудится в разных отраслях местной промышленности. Можно предположить, что данное обстоятельство объясняется, прежде всего, некоторой общей стабилизацией социально-экономической ситуации в регионе, а также строительством и открытием за последнее десятилетие некоторых промышленных объектов, которые, в свою очередь, представили новые рабочие места и больше возможностей для трудоустройства. По-видимому, в данном случае определенную роль сыграло и то обстоятельство, что для молодежи работа в структуре промышленности расценивается ими как наиболее надежный путь улучшения социальных условий жизни, как возможность наиболее быстрой и оптимальной адаптации в социуме. Вместе с тем, эта сфера труда все же более привлекательна для русской молодежи республики.

Несколько иной расклад у представителей титульной национальности — тувинцев. Если занятая в городе тувинская молодежь трудится преимущественно в сфере госструктур, образования и медицины, то в селах молодежь, как видно, в основном занята в сельском хозяйстве. Между тем, анализ проведенного опроса выявил, что несмотря на то, что современная тувинская молодежь как города, так и села трудится в целом в самых разных сферах, и все же немалая часть из них в своих высказанных предпочтениях больше тяготеет к творческим и гуманитарным специальностям. И в этом плане у них гораздо больше совпадений с хакасской молодежью, нежели с местной русской. Так, из всех видов труда у молодых тувинцев большей популярностью пользуются профессии, связанные с искусством артиста, художника, мастера по национальным инструментам, ювелира и т. д. Напротив, среди русской молодежи особенно ценятся такие профессии, как адвокат, финансист, менеджер, инженер высшей квалификации.

Анализируя результаты опроса 2015 г., анкета которого, помимо прочего, содержала специальный блок вопросов, нацеленных на определение социально-профессиональных предпочтений молодежи, мы попытались выявить, почему именно эти профессии завоевали авторитет у молодежи, чем они привлекательны и интересны, уточняли, как это связано с областью национальных чувств и переживаний индивида. И пришли к выводу, что выявленные отличия в склонностях и мотивациях нередко программируются этнокультурными особенностями этнических групп. В частности, ориентация тувинской молодежи на сферу искусства обусловлена большими способностями

тувинцев к пению, танцам, импровизации. Возможно, истоки всего этого берут начало в традиционном кочевническом образе жизни, связанном с созерцанием, а также в древних языческих верованиях и обрядах, которые позднее проявились в искусстве камлания и шаманских ритуальных танцах. Так или иначе, можно без преувеличения констатировать, что и сегодня среди молодого поколения Тувы достаточно много творчески одаренных личностей.

Между тем, разброс во мнениях и предпочтениях относительно приложения труда у молодежи Тувы достаточно широк и разнообразен. Для наглядности продемонстрируем ответы, полученные в ходе опроса 2014 г. по проекту «Рынок труда неурбанизированного региона в период социально-экономических трансформаций» (руководитель проекта — д. экон. н. Г. Ф. Балакина), осуществленного экономистами Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, основной целью которого было изучение рынка труда современной Тувы (Балакина, Анайбан, 2016; Балакина, 2016). Согласно полученным данным, почти каждый третий из числа опрошенной тувинской и русской молодежи хотел бы открыть собственное дело (29,5%) и чуть менее трети предпочли бы трудиться в бюджетной сфере (27,9%). В их числе немало и тех, кто выразил желание работать в новых фирмах, организациях и предприятиях (18,6%), а также тех, кто готов работать «все равно где, лишь бы была работа» (17,1%).

Относительно так называемых «модных» профессий, в числе которых на первом месте значатся юрист и экономист, следует заметить, что на них по-прежнему ориентируются сегодня немало опрошенных молодых людей из числа русскоязычной молодежи Тувы, а также чуть меньшая часть тувинской молодежи. Выбор их можно объяснить, общепринятой престижностью, большей гарантией обеспечения материального благополучия и реальной возможностью получения ожидаемых социальных предпочтений. Как мы знаем, действительность российской глубинки, наличие социально-экономических проблем, все еще далекие от желаемых условия жизни диктуют необходимость и молодежь искать оптимальные возможности и варианты выхода из этой ситуации, в приоритете которых фигурирует достойно оплачиваемая работа.

И все же нельзя не сказать, что за последние десять лет несколько изменились представления молодежи о привлекательности тех или иных профессий. Исходя из результатов последнего проведенного нами исследования 2015 г., можно утверждать, что в отличие от молодежи десятилетней давности, сегодняшняя молодежь, говоря о престижности потенциальной работы, наряду с прежними установками на непременно ее высокооплачиваемость, называет и такие, как стабильность и перспективность выполняемой работы, а также возможности карьерного роста. Видимо, по этой причине список «модных» и престижных профессий у современной молодежи Тувы заметно расширился и пополнился такими, как банкир, менеджер, нотариус, программист (в общей сложности на них указали около 60% опрошенных). Так или иначе, в основе мотивации

профессионального выбора молодежи лежит большое количество факторов и условий, среди которых особое место сегодня занимают престиж профессии, ее востребованность на рынке труда.

Вместе с тем, в настоящее время в обществе идет переоценка ценностей, и молодые люди сегодня, в отличие от предыдущих старших поколений, социальные блага, материальные интересы все-таки ставят выше любых других ценностей. К примеру, на вопрос: «В какой степени для Вас значимо быть богатым?» — из всего числа опрошенных молодых людей только 2,3% ответили «совсем не значимо», а подавляющее большинство — «очень значимо» и «достаточно значимо» (86,5%). Закономерно, что в абсолютном большинстве молодежи тогда и сейчас желает, чтобы выполняемая ими работа хорошо оплачивалась (89%). Пожалуй, эта ориентация, как и прежде, стоит на первом месте. Не случайно, социологи Левада-Центра в своем исследовании, посвященном анализу молодежной среды современной России, приходят к выводу, что у молодежи «главный ценностный ориентир — желание денег как утопия будущего и собственного благополучия» (Гудков, Дубин, Зоркая, 2011: 94).

С другой стороны, по данным последнего опроса, примерно треть из них хотела бы постоянно совершенствоваться и достичь профессионального роста (29,2%). В общей сложности более половины опрошенных в исследуемом регионе надеются в перспективе найти интересную работу (56,5%). А каждый пятый мечтает трудиться на ниве искусства, иметь творческую работу (20,7%). Важно отметить, что в большинстве своем молодежь республики и десять лет назад, и сейчас осознавала и осознает, что залогом достойной во всех отношениях работы является вкпе с наличием образования необходимый профессионально-квалификационный уровень (57%).

К числу отличительных особенностей большей части молодежи стоит отнести не только ее прагматизм, деловитость, но также и оптимизм, веру в благополучное разрешение всех проблем. Более того, сравнение данных последнего исследования с предыдущими выявило, что в данной возрастной группе этот позитивный настрой не уменьшился, а наоборот, заметно возрос. По опросу, выполненному более двух десятилетий назад в рамках международного научного проекта «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и разрешение конфликтов в Российской Федерации (НИК)» в 1994–1995 гг. (руководитель — Л. М. Дробижева, руководитель опроса в Туве — З. В. Анайбан), 40,7% опрошенной молодежи сказали, что смотрят в будущее с надеждой, 31% — спокойно, без особых надежд и иллюзий, 18,8% — с тревогой и неуверенностью, 4,1% — со страхом и отчаянием (Анайбан, 1999: 213). В наши дни «смотрят в будущее с надеждой» уже более половины опрошенных — 62%, «с тревогой и неуверенностью» — 15%, «со страхом» — менее 3%.

Треть опрошенных из числа городской молодежи в Туве (32,3%) на вопрос «Удовлетворены ли Вы сейчас своей работой?» ответили, что «скорее не

удовлетворен» и «совсем не удовлетворен». В сельской местности Тувы, где наиболее неблагоприятная ситуация на рынке труда, численность не удовлетворенных своей работой заметно больше. Здесь удельный вес таковых достигает почти половину опрошенных (48,5%). Важно также особо подчеркнуть, что в «команде» неудовлетворенных своей работой, согласно материалам социологического опроса по теме «Современная молодежь Тувы и Хакасии: этносоциальный портрет» 2015 г., доминирует численность представителей титульной национальности — тувинцев (Анайбан, 2017: 133).

Такое явление обусловлено прежде всего объективными факторами. Так, в связи со все еще недостаточно развитой структурой производства, не востребованностью полученной специализации на региональном рынке труда зачастую специалисты, не находя применения своим возможностям согласно полученному профессиональному образованию, вынуждены трудоустраиваться по остаточному принципу, т. е. на те места, где на тот момент имеется вакансия. Не удивительно, что в общей сложности треть опрошенной молодежи, независимо от места проживания, признала, что работает не по специальности. И надо сказать, что в Туве эта тенденция за последние четверть века мало изменилась, более того, даже усилилась. Так, по результатам исследования 1993 г. по проекту «Социокультурные факторы экономического развития Республики Тыва» (Балакина, Анайбан, 1995: 62), процент таковых составлял примерно четверть, т. е. за прошедшие два десятилетия заметно возрос.

В этой связи отметим, что приведенные данные существенно разнятся с выводами исследователей Института социологии РАН, которые, анализируя результаты опроса российской молодежи, приходят к выводу, что из года в год численность работающих не по полученной специальности сокращается (Молодежь новой России ..., 2007: Электр. ресурс). На наш взгляд, отмеченные расхождения свидетельствуют о существенных различиях в социально-экономическом положении субъектов Российской Федерации, которые в итоге, в той или иной степени, проецируются на сферу занятости населения в целом, возможности трудоустройства в частности.

С другой стороны, так же, как и по результатам упомянутого опроса 1993 г., по данным нашего исследования, более всего работа соответствует полученной специальности у молодых специалистов с высшим образованием (из них работают по специальности 65%). Кроме того, среди признавших, что работают не по полученной профессии, чаще других это работники сферы торговли, предприниматели, рабочие разного рода предприятий и строительства (в среднем от 40% до 50%). Различия по этому вопросу наблюдаются также между городской и сельской молодежью: сельчане гораздо реже работают по полученной специальности, чем горожане (46,3% и 62,7%). При этом из всего числа тех, кто ответил, что работает по специальности, как в городе, так и на селе наибольший процент молодых людей имеет высшее техническое образование

(73%), чуть меньше тех, кто имеет диплом специалиста в области сельского хозяйства и работника творческой сферы (по 69%). В этом ряду заметно меньше получивших какое-либо гуманитарное образование (около 50%).

О дефиците и степени востребованности занимаемых молодыми людьми рабочих мест можно судить по их ответам на вопрос: «Легко ли устроиться на такую работу, как у Вас?» Здесь мы наблюдаем заметные различия во мнениях, в первую очередь, городской и сельской молодежи Тувы: ответы городской молодежи обратно пропорциональны ответам сельчан. Так, если в общей сложности около 30% опрошенных в городах Тувы считают, что на подобную работу «устроиться легко» и «устроиться можно», то разделяют эту точку зрения в сельской местности в 2,5 раза больше (70%). И наоборот, 70% горожан и 30% сельчан дали ответ: «устроиться невозможно». В данном случае ответы данные городской и сельской молодежи свидетельствуют о различии проблем на молодежном рынке труда в городе и на селе. Между тем, это служит доказательством того, что в данном регионе по разным объективным и субъективным причинам конкуренция в сфере труда имеет место быть преимущественно в городской местности.

При исследовании трудовых мотиваций региональной молодежи мы обратили внимание на то, что среди тех, кто добился каких-либо успехов и достижений в своей трудовой деятельности, в Туве превалирует доля представителей старших возрастных групп молодежи. Иными словами, данный показатель возрастает с увеличением возраста молодого человека. Данная ситуация вполне объяснима и логична, поскольку понятно, что для оценки и каких-либо выводов о результатах своего труда необходимо определенное время (см. таблицу 2).

Таблица 2. Мнения молодежи Тувы о личных достижениях в трудовой деятельности, в %¹

Table 2. Tuva's youth's opinions on career achievements, %

Возрастная группа	Достижения				
	Сделать карьеру	Получить хорошо оплачиваемую работу	Устроиться на работу в престижной фирме	Организовать свой бизнес	Другое
15–20 лет	0,2	23,7	10,3	5,2	60,6
21–25 лет	1,3	42,6	17,4	12,5	26,2
26–29 лет	7,6	54,2	20,7	12,3	5,2

¹ По материалам опроса 2015 г. по теме «Современная молодежь Тувы и Хакасии: этносоциальный портрет».

В этой связи необходимо подчеркнуть тесную связь и взаимозависимость таких показателей как степень достижений в работе и уровень образования. Наши исследования показали, что среди молодежи, независимо от места проживания и этнической принадлежности, заявившей о каких-либо достижениях в сфере труда, более всего лиц с высшим образованием. Несомненно, важным индикатором, обуславливающим удовлетворенность работой, способствующим продвижению по служебной лестнице, является, безусловно, наличие соответствующего образования. Более того, как отмечают специалисты, «за последние 15–20 лет в российском обществе сложилась новая модель образовательного поведения и трудовой занятости молодежи. Традиционная модель перехода “учеба — работа” все более уходит в прошлое и на ее место приходит новая модель — “образование в течении жизни”» (Константиновский, Вознесенский, Чередниченко, 2014: 16–17). Вместе с тем, поскольку данное явление в той же мере характерно и для Тувы, мы разделяем точку зрения этносоциологов Института этнологии и антропологии РАН, которые исследуя проблемы современной молодежи Кыргызской Республики, пишут, что «к сожалению, в последние десятилетия в Киргизии (и не только в ней) сложилась ситуация, при которой высокий образовательный уровень не всегда служит гарантом получения престижной высокооплачиваемой работы, солидного социального статуса» (Остапенко, Старченко, Субботина, 2018: 74).

Любопытно отметить, что и среди молодежи бытует представление об «этническом уклоне» приложения труда, и эта установка с годами не претерпела изменений. Так, например, как и опрошенное в начале 1990-х годов прошлого столетия население Тувы в рамках названного международного научного проекта «НИК», почти треть опрошенной молодежи Тувы убеждена, что в определенных видах деятельности люди той или иной национальности достигают больших успехов (32,2%). При этом на вопрос о том, в каких именно сферах труда заметны успехи тувинцев, подавляющее большинство опрошенных назвали животноводство, а также другие отрасли сельского хозяйства. Численность тех, кто указал иные виды деятельности, незначительна. Применительно к русским, подавляющее большинство молодых респондентов в Туве, независимо от национальной принадлежности, считают, что те достигают больших результатов, прежде всего, в промышленности (87,2%).

Таким образом, среди определенной части населения в целом, включая молодежь, по-прежнему сохраняется убеждение, что профессиональный выбор национально специфичен. Вместе с тем, как отмечают новосибирские социологи в своей не так давно изданной монографии, основанной на итогах комплексных социологических и социально-психологических исследований молодежи Хакасии и Саха (Якутия), «... специфика распределения молодежи выделенных социокультурных типов по предпочитаемым им сферам занятости обуславливает в будущем не столько этническую картину рынка труда, сколько

эффективность функционирования этих сфер в конкретном регионе, что заставляет уже сегодня задуматься о балансе в политике расстановки кадров в сфере труда» (Абрамова, Гончарова, Костюк, 2014: 169). С нашей точки зрения, сказанное в той же мере относится и к Туве.

По данным нашего исследования, на вопрос: «Чем Вас привлекает Ваша теперешняя работа?», из всех предложенных ответов опрошенная молодежь Тувы в большинстве своем выбрали вариант «зарплата» (65%). Если обратиться к результатам упомянутого проекта «Социокультурные факторы экономического развития Республики Тыва», мы видим, что установки жителей, по крайней мере молодежи, за эти годы подверглись существенной корректировке. В тот период респонденты больше других указали на следующие три мотивировки — «работа соответствует моим знаниям и способностям», «привык к этому месту работы» и «работа важна, полезна для общества». Таким образом, в свое время приоритетным фактором удовлетворенности выполняемой работой для занятых в различных отраслях народного хозяйства являлась, в первую очередь, возможность использовать свои способности и склонности в трудовой сфере. На сегодняшний день, как видим, установки заметно изменились.

Ответы на вопрос «Что Вам не нравится в вашей нынешней работе?» выявили, что каждый второй работающий из числа молодежи (52%) по тем или иным причинам не доволен работой и только примерно четверть из них признали, что им все нравится в их работе (23,7%). На наш взгляд, это достаточно тревожный симптом, тем паче, если речь идет о молодых людях, трудовой путь которых только начинается. Среди причин непривлекательности их труда, независимо от места жительства и этнической принадлежности, чаще других называли недостаточный заработок (на это указала почти половина опрошенных) и плохая организация труда (30,5%).

Исследование особенностей трудовых мотиваций основных этнических групп молодежи названного региона, реализованного нами в 2015 г. по теме «Современная молодежь Тувы и Хакасии: этносоциальный портрет», выявило, что чувство удовлетворенности выполняемой работой зависит от многих факторов, возможно, характерных для любой этнической общности, начиная с соответствия приложения труда полученным знаниям и способностям и заканчивая социально-бытовыми причинами: размер заработка, хорошие условия труда, возможность получения жилья и т. д. Однако применительно к Туве можно говорить о том, что в числе факторов, определяющих критическое отношение молодежи к своей работе, лежит, кроме всего прочего, недостаточное внимание местных органов власти и зачастую игнорирование ими трудовых склонностей и мотиваций населения с учетом их национальных особенностей, исторических традиций в труде, этнокультурных различий.

Наши исследования свидетельствуют о возросшем стремлении молодых людей получить соответствующее образование и квалификацию. Так, в числе

основных задач исследовательского проекта «Этнополитические представления молодежи. Формирование и функционирование», осуществленного в Туве ровно двадцать лет назад — в 1997 г., кроме определения политических установок и предпочтений, было изучение профессионально-трудовых ориентаций молодежи¹. Опрос показал, что подавляющее большинство (более 70%) выпускников различных типов общеобразовательных школ столицы намерены после окончания учиться дальше, а именно поступить в вуз, техникум или колледж. По данным нашего исследования, проведенного в 2016 г. на основе аналогичной анкеты среди учащихся выпускных классов двух городских школ (г. Кызыла и г. Турана), планирующих после школы продолжить образование оказалось больше, т. е. по сравнению с предыдущими десятилетиями удельный вес таких заметно возрос (около 90%). При этом заметим, что и тогда, и сейчас около четверти учащейся молодежи сказали, что дополнительно занимаются какой-либо деятельностью, которая дает им собственный заработок. Так, по результатам последнего опроса ответ «да, от случая к случаю» дали 22,3% опрошенных.

Заключение

Итак, надо признать, что для молодежных групп Тувы по многим параметрам положение на рынке труда по сей день остается достаточно проблематичным. В этой связи достаточно сказать, что среди молодежи Тувы все еще львиную долю составляет нигде не работающая молодежь, которая по многим показателям относится к социальной группе риска.

Наши исследования показали, что в основе своей в трудовых мотивациях и профессиональных склонностях молодежи обеих этнических групп Тувы существенных различий не наблюдается. Вместе с тем, с нашей точки зрения, при реализации разного рода региональных социальных программ и мероприятий все же не следует забывать об особенностях местных молодежных групп, их профессиональных ориентациях и предпочтениях, которые во многом могут быть связаны с этнокультурными традициями их народа. С другой стороны, соответствующим органам республики следует постоянно отслеживать и «держатъ руку на пульсе», чтобы не допустить дальнейшего обострения диспропорции между профессиональными ориентациями молодежи и потребностями рынка труда. В современный период молодежный аспект трудовой занятости любого российского региона по многим объективным и субъективным факторам нуждается не только в постоянном мониторинге, но и

---

¹ Материалы социологического исследования по проекту «Этнополитические представления молодежи. Формирование и функционирование» (1997 г.) хранятся в текущем архиве Центра изучения межэтнических отношений (ЦИМО) Института этнологии и антропологии РАН.

в системных этносоциальных исследованиях, позволяющих выявить и изучить «слабые места», прогнозировать возможное негативное развитие ситуации, определить и разработать пути и направления дальнейшего благоприятного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова, М. А., Гончарова, Г. С., Костюк, В. Г. (2014) Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспект. Новосибирск : Автограф. 178 с.

Анайбан, З. В. (1999) Межнациональные отношения в Туве в 90-е годы (по материалам этносоциологических исследований). М. : Институт этнологии и антропологии РАН. 336 с.

Анайбан, З. В. (2017) Молодежь Тувы и Хакасии в XXI веке. Этносоциологические очерки. М. : Издательство МБА. 240 с.

Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск : Наука. 140 с.

Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (2016) Особенности этнорегиональной миграции в Туве // Социологические исследования. № 10. С. 85–92.

Балакина, Г. Ф. (2016) Этносоциальные особенности адаптации населения Республики Тыва к рыночной экономике // Регион: экономика и социология. № 4. С. 176–195. DOI: 10.15372/REG20160408

Балакина, Г. Ф., Кылгыдай, А. Ч. (2015) Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 160 с.

Гудков, Л. Д., Дубин, Б. В., Зоркая, Н. А. (2011) Молодежь России. М. : Московская школа политических исследований. 96 с.

Константиновский, Д. Л., Вознесенский, Е. Д., Чередниченко, Г. А. (2014) Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М. : ЦСП и М. 547 с.

Молодежь новой России: ценностные приоритеты (2007) [Электронный ресурс] // Институт социологии РАН. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth_1_3.html (дата обращения: 30.03.2017).

Остапенко, Л. В., Старченко, Р. А., Субботина, И. А. (2018) Русская молодежь Кыргызской Республики в XXI веке. Стратегии адаптации. М. : Институт этнологии и антропологии РАН. 240 с.

Победители регионального этапа конкурса «Молодой предприниматель России» (2017) [Электронный ресурс] // Министерство по делам молодежи и спорта Республики Тыва, 20 декабря. URL: <http://tuvasport.ru/pobediteli-regionalnogo-etapa-konkursa-molodoj-predprinimatel-rossii/> (дата обращения: 05.02.2018).

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017 (2018). Статистический сборник. М. : Росстат. 1404 с.

Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России (1998). Книга 1. М. : Издательство Института социологии РАН. 388 с.

Статистический ежегодник Республики Тыва (2017). Кызыл : Тывастат. 431 с.

«Тува–2030»: молодежь Республики обозначила современные вызовы и пути их решения (2017) [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 28 июня. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/society/31438/ (дата обращения: 01.09.2017).

Труд и занятость в России. 2017 (2017). Статистический сборник. М. : Росстат. 261 с.

Хертек, Ш. В. (2008) Социально-экономические показатели рынка труда и занятости населения Республики Тыва // Известия ИГЭА. № 4 (60). С. 44–47.

Южная Сибирь в эпоху перемен: адаптационные возможности населения (2007). Сборник статей. М. : ООО «Интер-Принт». 246 с.

Дата поступления: 02.03.2018 г.

REFERENCES

Abramova, M. A., Goncharova, G. S. and Kostyuk, V. G. (2014) *Sotsiokul'turnye tipy molodezhi: etnicheskii i regional'nyi aspekt [Sociocultural types of youth: ethnic and regional aspect]*. Novosibirsk, Avtograf. 178 p. (In Russ.).

Anayban, Z. V. (1999) *Mezhnatsional'nye otnosheniia v Tuve v 90-e gody (po materialam etnosotsiologicheskikh issledovaniï) [Inter-ethnic relations in Tuva in the 90s (based on materials of ethno-sociological research)]*. Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN. 336 p. (In Russ.).

Anayban, Z. V. (2017) *Molodezh' Tuvy i Khakasii v XXI veke. Etnosotsiologicheskie ocherki [Young people of Tuva and Khakassia in the twenty-first century: Ethno-sociological essays]*. Moscow, Izdatel'stvo MBA. 240 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Anayban, Z. V. (1995) *Sovremennaiia Tuva: sotsiokul'turnye i etnicheskie protsessy [The Contemporary Tuva: Sociocultural and Ethnic Processes]*. Novosibirsk, Nauka. 140 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Anayban, Z. V. (2016) *Osobennosti etnoregional'noi migratsii v Tuve [Specific features of ethno-regional migration in Tuva]*. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 10, pp. 85–92. (In Russ.).

Balakina, G. F. (2016) *Etnosotsial'nye osobennosti adaptatsii naseleniia Respubliki Tyva k rynochnoi ekonomike [The Tuva Republic Population's Adaptation to the Market Economy and Its Ethno-Social Peculiarities]*. *Region: ekonomika i sotsiologiia*, no. 4, pp. 176–195. DOI: 10.15372/REG20160408

Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2015) *Etnoregional'nye modeli adaptatsii k rynku truda v Tuve [Ethno-regional models of adaptation to the labour market in Tuva]*. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 160 p. (In Russ.).

Gudkov, L. D., Dubin, B. V. and Zorkaia, N. A. (2011) *Molodezh' Rossii [Youth of Russia]*. Moscow, Moskovskaia shkola politicheskikh issledovani. 96 p. (In Russ.).

Konstantinovskii, D. L., Voznesenskii, E. D. and Cherednichenko, G. A. (2014) *Molodezh' Rossii na rubezhe XX–XXI vekov: obrazovanie, trud, sotsial'noe samochuvstvie [Youth of Russia at the turn of 21st century: education, employment, social well-being]*. Moscow, TsSP i M. 547 p. (In Russ.).

Molodezh' novoi Rossii: tsennostnye priority [The Youth of New Russia: Value Priorities] (2007). *Institut sotsiologii RAN [online]* Available at: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth_1_3.html (access date 30.03.2017). (In Russ.).

Ostapenko, L. V., Starchenko, R. A. and Subbotina, I. A. (2018) *Russkaia molodezh' Kyrgyzskoi Respubliki v XXI veke. Strategii adaptatsii [Russian youth of the Kyrgyz Republic in the 21st century. Adaptation strategies]*. Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN. 240 p. (In Russ.).

Pobediteli regional'nogo etapa konkursa «Molodoi predprinimatel' Rossii» [Winners of the regional stage of the contest "Young entrepreneurs of Russia"] (2017). *Ministerstvo po delam molodezhi i sporta Respubliki Tyva*, 20 December [online] Available at: <http://tuvasport.ru/pobediteli-regionalnogo-etapa-konkursa-molodoj-predprinimatel-rossii/> (access date: 05.02.2018). (In Russ.).

Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2017 [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2017] (2018). Statistical compendium. Moscow, Rosstat. 1404 p. (In Russ.).

Sotsial'naia i kul'turnaia distantsii. Opyt mnogonatsional'noi Rossii [Social and cultural distance: The experience of multinational Russia] (1998). Book 1. Moscow, Izdatel'stvo Instituta sotsiologii RAN. 388 p. (In Russ.)

Statisticheskii ezhegodnik Respubliki Tyva [Statistical Yearbook of the Republic of Tuva] (2017). Kyzyl, Tyvastat Publ. 431 p. (In Russ.)

«Tuva–2030»: molodezh' Respubliki oboznachila sovremennye vyzovy i puti ikh resheniia ["Tuva–2030": the youth of the Republic outlined the current challenges and their solutions] (2017). *Ofitsial'nyi portal Respubliki Tyva*, 28 June [online] Available at: http://gov.tuva.ru/press_center/news/society/31438/ (access date: 01.09.2017).

Trud i zaniatost' v Rossii. 2017 [Labor and employment in Russia. 2017] (2017). Statistical compendium. Moscow, Rosstat Publ. 261 p. (In Russ.)

Khertek, Sh. V. (2008) *Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli rynka truda i zaniatosti naseleniia Respubliki Tyva [Social and economic indices of the labour mar-*

ket and employment of the population of Republic Tyva]. *Izvestiia IGEA*, no. 4 (60), pp. 44–47. (In Russ.)

Iuzhnaia Sibir' v epokhu peremen: adaptatsionnye vozmozhnosti naseleniia [Southern Siberia in the period of change: the adaptive capacity of the population] (2007). Collected papers. Moscow, ООО «Inter-Print». 246 p. (In Russ.)

Submission date: 02.03.2018.

Для цитирования:

Анайбан З. В. Трудовая занятость и социально-профессиональные ориентации молодежи современной Тувы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/773> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2018.2.6

For citation:

Anayban Z. V. Employment and socio-professional orientations of contemporary Tuva's youth. *The New Research of Tuva*, 2018, no. 2 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/773> (accessed: ...). DOI: 10.25178/nit.2018.2.6

DOI: 10.25178/nit.2018.2.7

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ТУВЫ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

CAREER PREFERENCES OF TUVA POPULATION IN THE CONTEXT OF ECONOMIC CULTURE

Давид Ф. Дабиев

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

David F. Dabiev

Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Сегодня Тува по многим социально-экономическим параметрам отстает от большинства регионов Сибирского федерального округа и России в целом. Среди факторов отставания специалисты называют в том числе дефицит экономической культуры населения республики. Одним из неизученных аспектов этой проблемы являются профессиональные предпочтения населения, которые имеют этнокультурные особенности. Эта тема изучается в российской науке, но не поднималась для Тувы. Целью статьи является выявление профессиональных предпочтений тувинцев и русских, проживающих на территории Тувы. Эмпирическим материалом исследования выступило авторское социологическое исследование населения Тувы (2016 г., г. Кызыл и ряд районов, выборка 320 чел. репрезентативная). Опрос является продолжением исследований Г. Ф. Балакиной и З. В. Анайбан начала 1990-х гг. по вопросам социокультурного развития Тувы.

Анализ полученных ответов показывает: предпочтение отдается тем профессиям и должностям,

Today Tuva lags behind most regions of the Siberian Federal district and Russia as a whole in many socio-economic parameters. Among the factors of this underachievement, experts name the lack of economic culture in the population of the Republic. One of the still unexplored aspects of this problem is the career preferences people have, and how they may be linked to their ethno-cultural

identities. This topic has been studied on a wider Russian background, but not specifically in the case of Tuva. The purpose of the article is to identify the career preferences of Tuvans and Russians living in Tuva. For empirical material, the article uses the author's survey (held in 2016 in Kyzyl and a number of the region's rayons, with a representative sample of 320 respondents). The survey is a continuation of studies G.F. Balakina and Z. V. Anaiban made at the

Дабиев Давид Федорович — кандидат экономических наук, заведующий лабораторией региональной экономики Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117а. Тел.: +7 (394-22) 6-62-12. Эл. адрес: daviddabiev@yahoo.com

Dabiev David Fyedorovich, Candidate of Economics, Head, Laboratory of regional economy, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 117a, Internatsionalnaya Str., 667000, Kyzyl, Russia. Tel.: +7 (394-22) 6-62-12. E-mail: daviddabiev@yahoo.com

где наблюдается более высокая оплата труда; у населения практически нет интереса к профессиям реального сектора; наиболее престижной профессией оказалась государственная служба. Отмечаются особенности экономического поведения тувинцев, для которых менее привлекательными являются профессии, характеризующиеся жестким режимом работы (промышленность), и более привлекательными — работы с относительно свободным графиком работы (научная, педагогическая деятельность, медицина). Предпочтение к профессиям сельского хозяйства у тувинцев в более чем 4 раза выше, чем у русских. Около половины тувинского населения (сельчан) предпочла бы заниматься традиционными занятиями. Русское население к наиболее желательным занятиям относит огородничество и садоводство, разведение скота на личном подворье, земледелие. Значительная часть респондентов-тувинцев предпочитает закончить вуз, устроиться на работу и продолжить обучение.

Полученные результаты подтверждают исследования других авторов по этническим особенностям при выборе у населения Тувы профессии, видов деятельности и образования. На профессиональные предпочтения как тувинцев, так и русских, проживающих в республике, в той или иной мере влияют традиционные ценности этих народов, и эти ценности оказывают влияние как при выборе той или иной профессии, так и в выборе образования.

Ключевые слова: Тува; тувинцы; русские в Туве; социологическое исследование; общественное мнение; экономическая культура; профессиональные предпочтения; рынок труда; традиционные виды деятельности; этнокультурный фактор; проблемы образования

beginning of the 1990s on the issues of social and cultural development of Tuva.

The analysis of the responses collected revealed that career preference is given to those jobs and positions offering higher wages; the population has little interest in the jobs in the real economy; and public administration is seen as the most prestigious career path. Ethnic Tuvans find less attractive the jobs requiring tough regime of work (such as the ones in the industrial sector), and more attractive, those with a freer work schedule (research, teaching, medicine). Tuvans' preference for agricultural professions is more than 4 times higher than that of the Russians in the region. About half of the Tuvan population (in the rural areas) prefers engaging in traditional occupations. Russian population's list of most desirable occupations includes gardening and horticulture, livestock breeding at a personal farmstead, and crop farming. A significant part of Tuvan respondents want to graduate from a university, get a job and then continue their education.

The outcomes of the survey confirm the conclusions made by other authors in their studies of the role of ethnic identity in the choice of profession, form of employment and education in Tuva. Career preferences of Tuvans and Russians living in the region have to some extent been influenced by the traditional values of these peoples, and these values, in their turn, inform both the choice of a career path and the choice of education.

Keywords: Tuva; Tuvans; Russians in Tuva; sociological research; public opinion; economic culture; professional preferences; labor market; traditional activities; ethno-cultural factor; problems of education

Введение

Сегодня как на Западе, так и в России все большее внимание уделяется экономической культуре населения, как одному из значимых факторов, влияющих на общественное развитие. Это связано прежде всего с проблемой модернизации бывших социалистических обществ, переходный период которых на «рыночные рельсы» затянулся. Более того, исследователи все больше склоняются к мысли, что одной из причин затянувшихся реформ в нашей стране является именно дефицит соответствующей экономической культуры (Ясин, 2007: 62; Аузан, Келимбетов, 2012: 37–38).

Отметим, что негативные тенденции в экономике постсоветской России более остро отразились на социально-экономическом развитии Республики Тыва. Здесь до сих пор присутствует комплекс нерешенных социальных и экономических проблем. В настоящее время Тува по многим социально-экономическим параметрам отстает от большинства регионов Сибирского федерального округа и России в целом. Среди факторов отставания специалисты называют в том числе дефицит экономической культуры населения республики. Этот факт косвенно подтверждается тем, что в республике, по сравнению с другими регионами страны, очень низкая предпринимательская активность. Так, по данным 2016 г., в республике зарегистрировано всего 49 малых предприятия на 10 тыс. человек населения, что в 3,4 раза ниже, чем в среднем по регионам Сибирского федерального округа, и в 3,9 раза ниже, чем в среднем по регионам России (Регионы России, 2017: 685). Относительно низкая предпринимательская активность в Туве говорит о том, что существует необходимость изучения проблемы экономической культуры населения республики. Исследование в этом направлении позволит, с одной стороны, расширить знания об обществе Тувы, а также обществах с преимущественно кочевой традиционной культурой, с другой стороны — эти знания позволят формулировать рекомендации органам власти по вопросам этнокультурных особенностей мотивации и поведения населения при обсуждении и принятии решений в социальной и экономической сферах.

Учитывая то, что проблема экономической культуры населения Республики Тыва характеризуется множественными аспектами, и все эти аспекты в одной статье рассмотреть невозможно, рассмотрим только один — *профессиональные предпочтения*.

В настоящее время подобные исследования экономической культуры населения, в которых учитываются, оцениваются профессиональные предпочтения среди представителей различных этнических групп, активно ведутся. Исследователями указывается, что существует не только влияние этнической идентичности на формирование профессиональных предпочтений, но и взаимосвязь этого фактора с другими (Науменко, Панкратова, 2015: 36; Тюрюканова, 2007: 56; Кузьмина, 1993: 12; Радаев, 1993: 80). Очевидно также то, что спектр вопросов, касающейся спецификации профессиональных предпочтений различных этносов со взаимосвязью с экономической культуры, на наш взгляд, продолжает оставаться актуальным и требующим дальнейших исследований. Так, практически отсутствуют исследования, где предметом изучения являются взаимосвязь между экономической культурой и профессиональными предпочтениями, в том числе и в зависимости от этнических особенностей. Если брать конкретный регион — Туву, то здесь эта проблема и вовсе не поднималась, не изучены ценностные, а значит этнокультурные факторы, ориентации населения на определенные профессии и на разные виды труда.

Вышеуказанные обстоятельства определяют актуальность выбранной темы исследования. Целью нашей работы является выявление профессиональных предпочтений тувинцев и русских, проживающих на территории Тувы, со взаимосвязью с их экономической культурой. Эмпирическим материалом исследования выступило авторское социологическое исследование населения Тувы, проведенное в 2016 г., результаты которого вводятся в научный оборот впервые.

Проблемы изучения экономической культуры

Экономическая культура изучается представителями разных гуманитарных наук. Различные аспекты экономической культуры рассматривают такие авторы, как А. З. Инкина-Ерицпохова (Инкина-Ерицпохова, 2011), Ю. А. Помпеев (Помпеев, 2012), Г. В. Лопаткин (Лопаткин, 2014) и др. Они рассматривают экономическую культуру как общественно-исторический феномен, который проявляется в экономической деятельности.

При этом, некоторые исследователи считают, что не существует прямой связи между культурой и экономикой, по их мнению, успешное экономическое развитие зависит от институциональных условий и качества управления страной в условиях рынка (Сакс, 2011: 78; Патнэм, 1996: 200), другие же, наоборот, считают, что культура является, если не доминирующими, то одним из главных факторов, влияющих на принятие экономических решений (Харрисон, 2008; Фукуяма, 2004, 2012).

Одними из первых работ в России, посвященные проблемам экономической культуры и ее взаимосвязи с экономическими реформами страны, стали публикации Р. В. Рывкиной (Рывкина, 1989, 1994). Она дает следующее определение экономической культуры: это «совокупность таких моделей экономического поведения, которые адекватны природе рыночных экономических отношений, экономически рациональны и осуществляются людьми привычно, как бы автоматически» (Рывкина, 1994: 56). При этом, автор отмечает, что представителям органов власти зачастую с одной стороны не хватает экономических знаний, с другой стороны, им свойственно сохранение командно-административных методов управления.

Фундаментальной работой по исследованию экономической культуры является работа Р. В. Рывкиной в соавторстве с Т. И. Заславской «Социология экономической жизни» (Заславская, Рывкина, 1991), где культура рассматривается как элемент социального механизма развития экономики.

Многие аспекты экономической культуры тувинцев, в том числе социально-философские, этносоциальные, психологические, а также экономические аспекты еще не изучены в достаточной мере. Тем не менее, различные

вопросы социокультурных и этнических процессов, в том числе вопросы о профессиональных предпочтениях населения республики рассматриваются в работах Г. Ф. Балакиной, З. В. Анайбан (Балакина, Анайбан, 1995; Балакина, 1994, 1996; Анайбан, Балакина, 2015), Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2017: Электр. ресурс) и других исследователей.

Предпочтения в профессиях

Наш социологический опрос был проведен в городе Кызыле и районах: Кызылском, Улуг-Хемском, Каа-Хемском, Тандынском, Дзун-Хемчикском, Барун-Хемчикском и Монгун-Тайгинском. Расчет выборки произведен с учетом доверительной вероятности 90%, доверительного интервала 5%. При численности населения республики 321,7 тыс. человек, требуемый размер выборки составит 272 человек. Учитывая, что нами было опрошено 320 человек в возрасте от 18 до 61 года и старше, можно считать, что условия репрезентативности выборки соблюдены.

При разработке анкеты автор основывался на анкете, с помощью которой опрос населения проводила Г. Ф. Балакина в 1994–1995 гг. в Республике Тыва (Балакина, 1996: 64–76). Можно сказать, что наше исследование является продолжением исследований Г. Ф. Балакиной и З. В. Анайбан начала 1990-х гг. по вопросам социокультурного развития Тувы. При этом вопросы анкеты, касающиеся о профессиональных предпочтениях населения Тувы, были несколько расширены и изменены с той целью понять какие предпочтения существуют при выборе профессии и образования и влияет ли на этот выбор этническая идентичность.

Например, вопрос из анкеты упомянутого автора «Каким из ремесел, которыми владели предки (Ваша бабушка, мать, дед, отец), Вы хотели бы заниматься?» (Балакина, 1996: 69), был задан вопрос «Чем бы Вы хотели заняться из перечисленных ниже традиционных занятий?» и предложены следующие варианты ответов: животноводство, земледелие, разведение скота на личном подворье, сбор и заготовка дикорастущих трав, плодов и ягод, огородничество и садоводство, подготовка пищевых продуктов для длительного хранения, производство национальной одежды, изготовление изделий из войлока, шерсти и кожи, шаманизм, стать артистом и исполнителем хоомея, горлового пения, резное искусство (изготовление фигурок из чонар-даш).

Чтобы понять каким образом влияют современные рыночные условия на профессиональные предпочтения населения, мы сформулировали вопросы, касающиеся профессиональных предпочтений с учетом современных реалий: «Если бы у Вас был выбор, по какой специальности Вы хотели бы работать?» и предложили варианты: «государственный служащий», «военнослужащий», «работник полиции», «предприниматель» и т. д.

Анкетированные были сгруппированы по возрастным группам: от 18 до 24 лет, от 25 до 30 лет, от 31 до 40 лет, от 41 до 50 лет, от 51 до 61 и старше. Распределение выборки по национальному и локальному признаку: доля русских среди опрошенных составила 19%, доля тувинцев — 81%; доля городских — 51%, сельских жителей — 49%. В целях более точного понимания вопросов, анкета была составлена на двух языках: тувинском и русском.

Респондентам был задан вопрос «Если бы у Вас был выбор, то по какой специальности и где Вы хотели бы работать?» (при этом респонденты могли дать несколько ответов). Анализ полученных ответов показывает, что в целом предпочтение отдается тем профессиям и должностям, где наблюдается более высокая оплата труда. Например, более одной трети опрошенных считает, что если бы у них был выбор, то они предпочли бы работать в должности государственного служащего (33,7%). Далее по предпочтительности идут профессии военнослужащего или работника милиции (20,2%), предпринимателя или работника коммерческих структур (16,8%), преподавателя, научного или медицинского работника (13,0%). Наименее предпочтительными оказались такие профессии, как рабочий промышленного производства (1,4%), служащий или инженерно-технический работник (5,3%) и работник сельского хозяйства (9,6%).

Вполне очевидно, что у населения практически нет интереса к профессиям реального сектора¹. Видимо это связано с последствиями экономического кризиса 90-х годов XX века, который отразился на экономике республики. Отметим, что объем промышленной продукции республики в эти годы более чем в два раза сократился по сравнению с 1990 г. Часть крупных предприятий была законсервирована или прекратила свою деятельность (Тувакобальт, Элегестский кирпичный завод, Овчинно-шубная фабрика и др.). Производительность других предприятий сократилась в несколько, а то и в десятки раз. Несмотря на некоторый подъем промышленного производства в последние годы, по производству промышленной продукции на душу населения, республика значительно отстает от средних показателей по стране и соседних регионов. Так, объем промышленной продукции, рассчитанный на душу населения по данным 2016 г., отстает в 5 раз от данного показателя Сибирского федерального округа, в 8,4 раз от уровня Красноярского края, в 5,1 раз от уровня Республики Хакасия и в 1,8 раз от уровня Республики Бурятия (Регионы России, 2017: 722-727). Таким образом, вполне возможно, отсутствие возможности найти работу по инженерно-техническим специальностям в республике, и определяет эти профессии как наименее предпочтительные для населения.

Далее мы проанализировали предпочтения выбора профессий в зависимости от национальной принадлежности респондентов. Данные анализа показывают,

---

¹ Реальный сектор — отрасли экономики, производящие материальные и нематериальные товары и услуги.

что наиболее престижной профессией как среди русских (35,0%), так и среди тувинцев (32,9%) оказалась государственная служба. На втором месте по предпочтению профессий среди русского населения является профессия предпринимателя, работника коммерческих структур (22,5%), а среди тувинского — профессия военнослужащего или работника милиции (20,6%).

Несмотря на некоторую девальвацию ценности профессий в сфере промышленного производства, связанное, как уже мы говорили, с последствиями экономических реформ, анализ показывает, что намного выше интерес респондентов-русских к инженерно-техническим (7,5% — в 1,4 раза) и промышленным специальностям (2,5% — в более чем в 2 раза), чем у респондентов-тувинцев (5,3 и 1,2% соответственно). В противоположность им, респонденты-тувинцы предпочитают профессии государственного служащего, работника милиции, либо связанные с научной и педагогической деятельностью, а также в медицине.

Безусловно, здесь можно отметить некоторые особенности экономического поведения тувинцев, для которых менее привлекательными являются профессии, характеризующиеся жестким режимом работы (промышленность), и более привлекательными — работы с относительно свободным графиком работы (научная, педагогическая деятельность, медицина).

Известно, что при работе на многих промышленных предприятиях четкое распределение труда, монотонность, однотипность, рутинность работы является необходимостью для выполнения больших объемов работ. Еще в 1930 г. начальник Горного отдела Тувинского Банка И. П. Баранов писал о том, что тувинцы с неохотой работают на золотодобывающих приисках. «Привлечение тувинского населения на производство также не имеет твердую установку. Мало привычные к горному делу тувинцы, оторвавшись от родной юрты, постоянно уходят обратно к семье, а это отражается на производстве» (Центральный государственный архив Республики Тыва — ЦГА РТ. Ф. 92, д. 1. Л. 46). В настоящее время горнопромышленная отрасль республики в основном представлена угледобывающей и золотодобывающими подотраслями. При этом объемы производства добычи золота в республике выросли по сравнению с показателями 1990-х годов в несколько раз. Тем не менее, исследователи отмечают, что среди работников горнодобывающей отрасли удельный вес представителей коренной национальности в республике намного меньше, чем в других отраслях промышленности.

Эти особенности экономического поведения характерны не только для тувинского этноса, но других потомков номад, например, для бурятов. И. М. Хабаева указывает, что профессионально-отраслевые предпочтения и территориальное размещение бурят являет собой «...следствие наложения друг на друга различных по своим истокам, глубинных и потому не осознаваемым индивидом мотивов» (Хабаева, 2014: 6), основанные на системе ценностей,

которые сформировались в процессе исторического развития. Для бурятского этноса исследователь указывает три основных мотива: свободу, конфуцианские и рыночные ценности. Свободу автор называет основной ценностью кочевого сообщества. Именно поэтому для потомков номад более притягательными являются профессии научного исследователя, преподавателя вузов, то есть те профессии, для которых характерно достаточная степень автономности и самостоятельности. В противоположность к этому, для бурят менее привлекательными являются профессии в производственных отраслях народного хозяйства. Происхождение мотивов конфуцианских ценностей, по мнению И. М. Хабаевой, довольно неожиданно, но тем не менее, она отмечает их в процессе длительного исторического взаимодействия и взаимовлияния китайского и монгольского этноса. Конфуцианские ценности учености, образования, стремления получить чиновничьи должности, не могли не повлиять на формирование экономического поведения бурят, для которых характерен более высокий удельный вес в среде преподавателей вузов, научных работников, а также среди чиновников. И третье. В рыночной экономике одним из главных ориентиров становится информация. Естественно, это касается и рынка труда. Работники, имеющие высшее образование, ученую степень являются более конкурентоспособными по сравнению с другими, и фактор образования становится для работников экономическим благом, которое следует получить, чтобы проинформировать потенциального работодателя об уровне своей квалификации. Таким образом, считает упомянутый автор, все эти ценности, накладываясь друг на друга формируют определенное экономическое поведение бурят.

Учитывая вышесказанное, нам кажется, что и для тувинского этноса эти выводы применимы, учитывая то, что и тувинский этнос является частью кочевой цивилизации, и для тувинцев, по-видимому, также важны вышеуказанные ценности, влияющие на экономическое поведение.

Предпочтения в видах деятельности

Помимо этого, отметим, что предпочтение к профессиям сельского хозяйства у тувинцев в более чем 4 раза выше (11,2%), чем у русских (2,5%). Вероятно, это связано с тем, что значительная часть населения проживает в сельской местности. Вместе с тем возможно одной из причин более высокого предпочтения к сельскохозяйственным профессиям является стремление к восстановлению и сохранению традиционного кочевого уклада жизни и культуры. Исследования, посвященные этносоциальным процессам народов Сибири, их предпочтениям и межэтническим установкам показывают, что «большинство респондентов во всех этнических группах считают приоритетным развитие сельского хозяйства по сравнению с развитием промышленности. Чем это можно

объяснить? Во-первых, сельское и промысловое хозяйство, а значит и село в целом, больше всего пострадали от современных реформ, поэтому нуждаются в восстановлении и особой поддержке. Во-вторых, абсолютное большинство опрошенных убеждены в том, что сегодня каждый человек должен осознавать свою национальную принадлежность, знать язык и культуру своего народа, а сельский образ жизни для этого создает больше возможностей, чем городской. Очевидно, население понимает значение села для сохранения этнокультурного многообразия» (Попков, Костюк, Тюгашев, 2007: 66).

Анализ полученных ответов на вопрос «Чем бы Вы хотели заняться из перечисленных ниже традиционных занятий?» позволил нам выяснить насколько привлекают традиционные трудовые занятия, и насколько сохранились вековые традиции как у тувинского, так у русского населения в настоящее время. Около половины тувинского населения предпочла бы заниматься традиционными занятиями: животноводством (23%), разведением скота на личном подворье (18%), а также занятию прикладными искусствами: производством национальной одежды (11%), изготовлению изделий из войлока, кожи и шерсти (4%). Но здесь следует сделать оговорку, что традиционными занятиями предпочли бы заняться в основном сельские жители: животноводством — 92% тувинцев, 76% русских, разведением скота на личном подворье — 82% тувинцев, 80% русских, производством национальной одежды — 54% тувинцев, 50% русских, изготовлению изделий из войлока, кожи и шерсти — 81% тувинцев, 14% русских.

Интересно отметить, что 4% опрошенных, большая часть которых относится к молодежи (менее 30 лет), изъявили желание стать артистом и исполнителем горлового пения (хоомей), которое в настоящее время получило признание во всем мире. Очевидно, что доля тувинцев, которые изъявили желание стать артистом и исполнителем горлового пения преобладает (94% от числа желающих), но все же интересно, что среди желающих встречаются и представители русского этноса (6%).

Данные настоящего опроса также показывают, что более половины опрошенных (54,7%) считают, что готовы создать аратское хозяйство (ферму). Среди них: 55% тувинцев (из которых 68% составили сельские жители, 32% — горожане) и 51% русских (из которых 65% — сельские жители, и 35% — горожане). Надо отметить, что русское население к наиболее желательным занятиям относит огородничество и садоводство (40%), разведение скота на личном подворье (20%), земледелие (13%). Укажем здесь, что кажется весьма удивительным, что небольшая часть респондентов-русских проявили значительный интерес к таким традиционным тувинским занятиям как животноводство, резное искусство и шаманизм. Возможно, это связано с тем, что большая часть, изъявивших эти предпочтения относится к молодежи, проживающих в сельской местности.

Интересным является сравнительный анализ ответов респондентов, полученных в 2016 г., с результатами исследования Г. Ф. Балакиной проведенной 20 лет назад по сходным вопросам анкеты. Результаты оказались практически идентичными, прежде всего по этническим предпочтениям, что говорит, на наш взгляд, об устойчивости этого фактора. По данным Г. Ф. Балакиной в 1996 г. ответы на вопрос: «Каким из ремесел, которыми владели предки (Ваша бабушка, мать, дед, отец), Вы хотели бы заниматься?», распределились следующим образом: 62% респондентов-тувинцев предпочли бы заниматься животноводством (отгонным животноводством и разведением скота на личном подворье), и такая же доля (62%) респондентов-русских предпочли бы заниматься земледелием, садоводством и огородничеством (Балакина, 1996: 69–70).

Так, можно отметить, что как русские, и так и тувинцы заинтересованы в традиционных занятиях. В связи с этим, можно предположить, что такие губернаторские проекты Правительства Республики Тыва как «Корова-кормилица», «Социальный картофель», «Кыштаг для молодой семьи», направленные на поддержку традиционных видов хозяйственной деятельности населения, очень актуальны и востребованы. На реализацию социального проекта «Корова-кормилица», например, из республиканского бюджета в 2017 г. было направлено 22 миллионов рублей; поддержку получили 619 малоимущих и многодетных семей, в которых воспитывается 2489 детей. На реализацию социального проекта «Социальный картофель» в этом же году из республиканского бюджета было направлено 585 тыс. рублей; поддержку получили 8067 семей. Участниками проекта получено 195,7 тонн картофеля, что в 1,33 раза выше запланированных показателей, при этом каждая участвующая в проекте семья в среднем получила урожай картофеля в размере 147 кг. Следует отметить, что участники губернаторских проектов имеют возможность не только улучшить свое материальное положение, питание, развивать личное подсобное хозяйство, но и посредством этих проектов прививают своим детям определенные трудовые навыки, что немаловажно. Это говорит о том, что при постановке актуальных задач развития экономики республики правительство в лице Главы Тувы Ш. В. Кара-оола учитывает профессиональные предпочтения населения, основанные на традициях.

Результаты нашего исследования показывают, что для населения республики, в том числе для молодежи, необходимы создание условий и поддержка таких традиционных занятий как производство национальной одежды, изготовление изделий из войлока, шерсти и кожи. Надо учитывать, что создание подобной продукции не просто важно само по себе, изделия народных промыслов имеют и растущую популярность среди массового потребителя. В поддержке нуждаются и желающие развивать земледелие, огородничество и садоводство, сбор и заготовку дикоросов. Все это необходимо осуществлять на республиканском и муниципальных уровнях.

Предпочтения в образовании

Для нашего исследования интерес представили и данные о предпочтениях населения в выборе образования. Так, значительная часть респондентов тувинцев (37,6%) предпочитают закончить вуз, устроиться на работу и продолжить обучение (в аспирантуре, на вторую специальность). Эту тенденцию, вполне возможно, можно объяснить нашим вышесказанным предположением, что на формирование экономического поведения тувинцев влияют ценности как кочевого уклада жизни, так и конфуцианские, усиливаемые рыночными условиями, которые так или иначе определяют привлекательность для респондентов-тувинцев получить образование высшей квалификации.

Тем не менее, следует указать, что, возможно, вышеуказанные первые две ценности И. Х. Хабаевой влияют на профессиональные предпочтения тувинского этноса несколько иначе по сравнению с бурятами, учитывая несколько иной исторический путь этих народов как в советское время, так и в период царской России. И буряты, и тувинцы являются представителями кочевой цивилизации, которые в настоящее время в основном перешли на оседлость, но ценность свободы остается для них важной установкой духовной культуры. Однако, следует учесть некоторые особенности седентеризации этих народов: если буряты перешли на оседлый образ в период царской России, и процесс этот длился более ста лет, то Тува присоединилась к Советскому Союзу в 1944 г., и процесс перехода с кочевого образа жизни на оседлый у тувинцев происходил ускоренными темпами в 1940–1950-х гг., в более жестких условиях. По словам А. К. Кужугет, «этот процесс породил впоследствии массу проблем, которые ярко проявились в конце столетия, как на психологическом уровне, так и на бытовом и культурном» (Кужугет, 2006: 217).

Указанные И. М. Хабаевой конфуцианские ценности также присутствуют культуре тувинского народа, но они менее выражены по сравнению с бурятской культурой. Ценность высшего образования для тувинцев также очевидна, но не является главенствующим фактором при выборе профессии. Именно поэтому опрос показывает, что около 16,2% тувинского населения предпочли бы закончить средне-специальное учебное заведение и устроиться на работу. С другой стороны, это обстоятельство объяснимо и тем, что для части населения высшее образование является практически недоступным из-за невысокого уровня получаемого среднего образования, особенно в сельской местности, плохого знания русского языка. Это обуславливает малые возможности прохождения конкурсного отбора на бюджетные места. А низкий уровень доходов населения не позволяет претендовать детям на платные места в вузах. Отметим также в качестве ограничивающего фактора наличие одного в республике вуза — Тувинского государственного университета, а также трех филиалов других вузов. Население вынуждено приспособливаться к этим

условиям и ориентировано на следующее поведение: лучше получить хоть какое-то образование и идти работать.

Тем не менее, руководство республики, понимая проблему, в 2014 г. запустило проект «В каждой семье не менее одного ребенка с высшим образованием». Уже есть определенные позитивные сдвиги. По информации Правительства Республики Тыва, план по поступлению в вузы за период 2014–2018 гг. участниками проекта перевыполнен: вместо запланированных 2203 человека поступило в вузы 2226 человек (В Туве губернаторский проект..., Электр. ресурс.). Безусловно, этот проект будет иметь определенную поддержку в обществе, учитывая, что он основан на ценностях тувинского этноса. И нам представляется, что сегодня-завтра встанет вопрос о необходимости создания на базе Тувинского государственного университета и научных институтов республики еще одного вуза, возможно технического или технологического направления.

Заключение

Таким образом, данные нашего социологического опроса населения Тувы 2016 г. подтверждают исследования других авторов по этническим особенностям при выборе у населения Тувы профессии, видов деятельности и образования. На профессиональные предпочтения как тувинцев, так и русских, проживающих в республике, в той или иной мере влияют традиционные ценности этих народов, и эти ценности оказывают влияние как при выборе той или иной профессии, так и в выборе образования. Наши выводы согласуются с общими выводами ученых о том, что этническая идентичность является базовой, она влияет на мотивацию, поведение людей, в том числе влияет на особенности экономической культуры.

Исследование показывает, что в настоящее время весьма важно продолжить поддержку традиционных занятий населения республики, в том числе для молодежи. Уже реализуемые проекта республиканского правительства имеют не только социально-экономическое значение, но и влияют на формирование и сохранение экономической культуры населения республики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анайбан, З. В., Балакина, Г. Ф. (2015) Динамика межэтнических отношений и этнических стереотипов в Республике Тыва // Социологические исследования. № 8. С. 93–99.

Аузан, А. А., Келимбетов, К. Н. (2012) Социокультурная формула экономической модернизации // Вопросы экономики. № 5. С. 37–44.

Балакина, Г. Ф. (1994) Современная Тува: Социокультурный аспект развития // Социологические исследования. №10. С. 159–161.

Балакина, Г. Ф. (1996) Экономика региона в период реформ: Республика Тыва. Новосибирск : Наука. 96 с.

Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск: Наука. 140 с.

Вебер М. (1990) Протестантская этика и дух капитализма. М. : Прогресс. 808 с.

Заславская, Т. И., Рывкина, Р. В. (1991) Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск : Наука. 442 с.

Инкина-Ерицпохова, А. З. (2011) Экономическая культура как фактор формирования новых видов и форм деятельности // Пути модернизации научно-исследовательской и образовательной деятельности в сфере культуры и искусства: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 45-летию образования Краснодарского государственного университета культуры и искусств, 5 апреля 2011 г.: сб. науч. трудов конференции / сост. Н. Б. Зиновьева, Л. К. Сагитова, Е. Я. Галимова. Краснодар : Изд-во Краснодарского гос. ун-та. 118 с. С. 47–53.

Кужугет, А. К. (2006) Духовная культура тувинцев. Структура и трансформация. Кемерово : КемГУКИ. 319 с.

Кузьмина, Р. А. (1993) Этнические особенности профессиональных ориентаций молодежи Якутии на рабочие профессии : автореф. дисс. ... канд. эк. н. СПб. 18 с.

Ламажаа, Ч. К. (2017) Исследования менталитета тувинцев и тенденция субъективизации гуманитарного знания [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/724> (дата обращения: 13.02.2018). DOI: 10.25178/nit.2017.3.2

Лопаткин, Г. В. (2014) Экономическая культура: понятие и метод // Философия и культура. № 4. С. 519–524.

Науменко, М. В., Панкратова, И. А. (2015) Взаимосвязь этнической идентичности и профессиональных представлений личности // Перспективы науки. № 4 (67). С. 35–41.

Патнэм, Р. (1996) Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции современной Италии. М. : Ad Marginem. 287 с.

Помпеев Ю. А. (2012) Конкурентно-рыночный механизм и его особенности в социально-культурной сфере // Диалог культур в условиях глобализации: Материалы Бакинского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева: сб. статей / отв. ред. А. А. Гезалов, И. Р. Мамед-Заде. Баку : Изд-во Канон+. 616 с. С. 419–424.

Попков, Ю. В., Костюк, В. Г., Тюгашев, Е. А. (2007) Народы Сибири в социокультурном пространстве Евразии: ценностные предпочтения и межэтнические установки // Социологические исследования. № 5. С. 62–69.

Радаев, В. В. (1993) Этническое предпринимательство: Мировой опыт и Россия // Политические исследования. № 5. С. 79–87.

Регионы России. Социально-экономические показатели (2017) М. : Росстат. 1402 с.

Рывкина, Р. В. (1989) Экономическая культура как память общества // ЭКО. № 9. С. 21–39.

Рывкина, Р. В. (1994) Экономическая культура в России: трудности и этапы становления // Мир России. Социология. Этнология. Т. 3. № 1. С. 55–65.

Сакс, Дж. Д. (2011) Конец бедности. Экономические возможности нашего времени. М. : Институт Гайдара. 424 с.

Тюруканова, Е. В. (2007) О влиянии миграции на рынок труда // Отечественные записки. № 4. С. 56–70.

Фукуяма, Ф. (2004) Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М. : АСТ. 730 с.

Фукуяма, Ф. (2012) Отставание. М. : Астрель. 477 с.

Хабаева, И. М. (2014) Об этнической составляющей экономического поведения бурят как части монгольского суперэтноса // Вестник Бурятского университета. Экономика и менеджмент. № 1. С. 3–7.

Харрисон Л. Е. (2008) Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М. : Новое издательство. 282 с.

Ясин, Е. Г. (2007) Модернизация и общество // Вопросы экономики. № 5. С. 4–29.

В Туве губернаторский проект «В каждой семье не менее одного ребенка с высшим образованием» реализуется с хорошей эффективностью (2018) [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 1 февраля. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/education/34934/ (дата обращения 10.03.2018).

Дата поступления: 14.03.2018 г.

REFERENCES

Anaiban, Z. V. and Balakina, G. F. (2015) Dinamika mezhetnicheskii otnoshenii i etnicheskikh stereotipov v Respublike Tyva [Dynamics of interethnic relations and

ethnic stereotypes in the Republic of Tuva]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 93–99. (In Russ.)

Auzan, A. A and Kelimbetov, K. N. (2012) Sotsiokul'turnaya formula ekonomicheskoi modernizatsii [A Sociocultural Formula for Economic Modernization]. *Voprosy ekonomiki*, no. 5, pp. 37–44. (In Russ.)

Balakina, G. F. (1994) Sovremennaiia Tuva: Sotsiokul'turnyi aspekt razvitiia [Contemporary Tuva: The Sociocultural aspect of development]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 10, pp. 159–161. (In Russ.)

Balakina G. F. (1996) *Ekonomika regiona v period reform: Respublika Tyva. [The region's economy in the reform period: the Republic of Tuva]*. Novosibirsk, Nauka Publ. 96 p. (In Russ.)

Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (1995) *Sovremennaiia Tuva: sotsiokul'turnye i etnicheskie protsessy [Modern Tuva: socio-cultural and ethnic processes]*. Novosibirsk, Nauka Publ. 140 p. (In Russ.)

Weber, M. (1990) *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]*. Moscow, Progress. 808 p. (In Russ.)

Zaslavskaiia, T. I. and Ryvkina, R. V. (1991) *Sotsiologiia ekonomicheskoi zhizni: Ocherki teorii [The sociology of economic life: essays on theory]*. Novosibirsk, Nauka Publ. 442 p. (In Russ.)

Inkina-Eritspokhova, A. Z. (2011) Ekonomicheskaiia kul'tura kak faktor formirovaniia novykh vidov i form deiatel'nosti [Economic culture as a factor of formation of new types and forms of activity] In: *Puti modernizatsii nauchno-issledovatel'skoi i obrazovatel'noi deiatel'nosti v sfere kul'tury i iskusstva: Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 45-letiiu obrazovaniia Krasnodarskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 5aprelya 2011 g. [Ways of modernizing research and educational activities in the field of culture and art: Proceedings of the regional scientific-practical conference dedicated to the 45th anniversary of the Krasnodar state University of culture and arts, April 5, 2011]*: collection of scientific works of the conference / comp. by Zinoviev N. B., Sagitova L. K. and Galimova E. I. Krasnodar, Krasnodar State University Publ. 118 p. Pp. 47–53. (In Russ.)

Kuzhuget, A. K. (2006) *Dukhovnaia kul'tura tuvintsev. Struktura i transformatsiia [The immaterial culture of Tuvans. Structure and transformation]*. Kemerovo, KemGU-KI. 319 p. (In Russ.)

Kuzmina, R. A. (1993) *Etnicheskiie osobennosti professional'nykh orientatsii molo-dezhi Yakutii na rabochie professii. [Ethnic peculiarities of professional orientation of the youth of Yakutia on working-class professions]* : Thesis of Diss. ... Candidate of economic sciences. St. Petersburg. 18 p. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2017) Issledovaniia mentaliteta tuvintsev i tendentsiia sub'ektivizatsii gumanitarnogo znaniia [Studies of the mindset of Tuvans and the subjectivity trend in academic knowledge]. *The New Research of Tuva*, no.3 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/724> (accessed: 13.02.2018). (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2017.3.2

Lopatkin, G. V. (2014) Ekonomicheskaiia kul'tura: poniatie i metod. [Economic culture: concept and method]. *Filosofia i kul'tura*, no. 4, pp. 519–524. (In Russ.)

Naumenko, M. V. and Pankratova, I. A. (2015) Vzaimosvyaz' ehtnicheskoi identichnosti i professional'nykh predstavlenii lichnosti [The interrelationship of ethnic identity and professional representations of personality]. *Perspektivy nauki*, no. 4 (67), pp. 35–41. (In Russ.)

Putnam, R. D. (1996) *Chtoby demokratiya srahotala. Grazhdanskie traditsii sovremennoi Italii* [Making democracy work. Civic traditions in modern Italy]. Moscow, Ad Marginem. 287 p. (In Russ.)

Pompeev, Iu. A. (2012) Konkurentno-rynochnyi mekhanizm i ego osobennosti v sotsial'no-kul'turnoi sfere [The competitive market mechanism and its peculiarities in the social and cultural sphere]. In: *Dialog kul'tur v usloviakh globalizatsii. Materialy Bakinskogo foruma, posviashchennogo pamiati Geidara Alieva* [Dialogue of cultures in the context of globalization: Proceedings of the Baku forum dedicated to the memory of Heydar Aliyev]: collection of articles / ed. by A. A. Gezalov and I. R. Mamed-Zade. Baku, Kanon+ Publ. 616 p. Pp. 419–424. (In Russ.)

Popkov, Iu. V., Kostiuik, V. G. and Tiugashev, E. A. (2007) Narody Sibiri v sotsiokul'turnom prostranstve Evrazii: tsennostnye predpochteniiia i mezhetnicheskie ustanovki [Peoples of Siberia in the socio-cultural space of Eurasia: value preferences and interethnic attitudes]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 62–69. (In Russ.)

Radaev, V. V. (1993) Etnicheskoe predprinimatel'stvo: Mirovoj opyt i Rossiya [Ethnic entrepreneurship: World experience and Russia]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 79–87. (In Russ.)

Regiony Rossii. Social'no-ehkonomicheskie pokazateli [Region of Russia. Socio-economic indicators] (2017). Moscow, Rosstat. 1402 p. (In Russ.)

Ryvkina, R. V. (1989) Ekonomicheskaiia kul'tura kak pamiat' obshchestva [Economic culture as a public memory]. *EKO*, no. 9, pp. 21–39. (In Russ.)

Ryvkina, R. V. (1994) Ekonomicheskaiia kul'tura v Rossii: trudnosti i etapy stanovleniia [Economic culture in Russia: difficulties and stages of formation]. *Mir Rossii. Sotsiologiiia. Etnologiiia*, vol. 3, no. 1, pp. 55–65. (In Russ.)

Sachs, J. D. (2011) *Konets bednosti. Ehkonomicheskie vozmozhnosti nashego vremeni* [The end of poverty. Economic possibilities for our time]. Moscow, Gaidar Institute. 424 p. (In Russ.)

Tyuryukanova, E.V. (2007) O vliyanii migratsii na rynek [The impact of migration on the labour market]. *Otechestvennye zapiski*, no. 4, pp. 56–70. (In Russ.)

Fukuyama, F. (2004) *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity]. Moscow, AST. 730 p. (In Russ.)

Fukuyama, F. (2012) *Otstavanie* [Falling behind]. Moscow, Astrel. 477 p. (In Russ.)

Khabaeva I. M. (2014) Ob etnicheskoi sostavliaiushchei ekonomicheskogo povedeniya buryat kak chasti mongol'skogo superetnosa. [On the ethnic component of economic behavior of Buryats as part of the Mongolian super-ethnos]. *Vestnik Buryatskogo universiteta. Ekonomika i menedzhment*, no. 1, pp. 3–7. (In Russ.)

Harrisson, L. E. (2008) *Kto protsvetaet? Kak kul'turnye tsennosti sposobstvuyut uspekhу v ekonomike i politike* [Who prospers? How cultural values shape economic and political success]. Moscow, New publisher. 282 p. (In Russ.)

Yasin, E. G. (2007) Modernizatsiia i obshchestvo [Modernization and the society]. *Voprosy ekonomiki*, no. 5, pp. 4–29. (In Russ.)

V Tuve gubernatorskii proekt «V kazhdoi sem'e ne menee odnogo rebenka s vyshim obrazovaniem» realizuetsia s horoshei effektivnost'iu [In Tuva, the Governor's project "From every family, at least one child with higher education" is implemented with good efficiency] (2018). *Ofitsial'nyi portal Respubliki Tyva* [online] Available at: http://gov.tuva.ru/press_center/news/education/34934/ (access date: 10.03.2018) (In Russ.).

Submission date: 14.03.2018.

Для цитирования:

Дабиев Д. Ф. Профессиональные предпочтения населения Тувы в контексте экономической культуры [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/774> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2018.2.7

For citation:

Dabiev D. F. Career preferences of Tuva population in the context of economic culture. *The New Research of Tuva*, 2018, no. 2 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/774> (accessed: ...). DOI: 10.25178/nit.2018.2.7

DOI: 10.25178/nit.2018.2.8

ЭТНИЧЕСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО БЕЗ МИГРАЦИИ (НА ПРИМЕРАХ ИЗ ТУВЫ И КАЛМЫКИИ)*

Светлана П. Тюхтенева

Независимый исследователь,
Российская Федерация

ETHNIC ENTREPRENEURSHIP WITHOUT MIGRATION: THE CASES OF TUVA AND KALMYKIA

Svetlana P. Tyukhtenyeva

Independent researcher,
Russian Federation

В статье анализируются два примера современного этнического предпринимательства без миграции, которые наблюдаются в регионах России. Представлены деятельность Кимы и Вячеслава Донгаков из Тувы, Баирты Тостаевой из Калмыкии. Их проекты построены на использовании наиболее узнаваемых элементов традиционной этнической культуры и направлены на удовлетворение специфических потребностей местного сообщества, но не ограничиваются только локальными клиентами. В качестве материала исследования выступили материалы авторских наблюдений, интервью с предпринимателями, а также сообщений в СМИ, сайтов проектов.

Одним из наиболее успешных примеров такого рода предпринимательства в Сибири представляется деятельность В. и К. Донгаков, создавших с 1990-х годов целую серию проектов этнокультурного содержания и разных форм. Их деятельность показывает желание поддерживать и развивать национальную культуру тувинцев, расширяя поле деятельности и географию проектов (Тува, Калмыкия, Москва, Китай и др.). Это и детский ансамбль танца «Эдегей», и театр моды, и услуги в

The article examines two cases of contemporary ethnic entrepreneurship which do not involve migration – those of Kima and Vyacheslav Dongak from Tuva and Bairta Tostayeva from Kalmykia. While making use of the most recognizable elements of traditional ethnic culture and catering to the specific needs of the local community, their projects appeal to clients outside of the region, too. Our research is based on personal

observations and interviews with entrepreneurs, as well as on examining their project's websites and media reports.

One of the most successful examples of ethnic entrepreneurship in Siberia can be found in the succession of ethnocultural projects of various types started by V. and K. Dongaks since the 1990s. Their intention to support and develop Tuvan ethnic culture finds its outcome in expanding the range and geography of their businesses, which are currently active in Tuva, Kalmykia, Moscow and China, to

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 17-01-00407-ОГН ОГН-А «Юг России: этнические предприниматели «дома» и за его пределами (опыт социально-экономической адаптации)».

The article was prepared with the financial support of the RFBR, project 17-01-00407-OGN OGN-A "South of Russia: ethnic entrepreneurs "at home" and beyond (experience of socio-economic adaptation)."

Тюхтенева Светлана Петровна — доктор исторических наук, независимый исследователь, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация. Эл. адрес: kerel63@mail.ru

Tyukhtenyeva Svetlana Petrovna, Doctor of History, Independent Researcher, Gorno-Altaysk, Russian Federation. E-mail: kerel63@mail.ru

сфере пошива и изготовления одежды, и этнокультурные комплексы с национальной кухней.

Пример Б. Тостаевой из Калмыкии демонстрирует нацеленность на повседневность, в первую очередь, жителей республики. Она также опирается на те же основы традиционной культуры — пищу, одежду и жилище. Делается ставка и на потенциал развиваемого при поддержке республиканских властей событийного туризма. В бизнесе используется и тема этники, и космополитичная тема.

Тувинские и калмыцкие этнические предприниматели находятся в благоприятной социальной среде в сравнении с этническими предпринимателями-мигрантами. Их проекты развиваются в русле не спадающего процесса национального возрождения. Но основная проблема для них заключается в сложной экономической ситуации, характерной для аграрных, животноводческих республик. Большое значение для развития бизнеса имеет личный фактор, идентичность человека, в котором должен присутствовать целый спектр идентичностей, в том числе этнокультурная, гендерная, локальная, гражданская, которые оказывают значительное влияние на его деятельность. Отмечается стремление этнических предпринимателей к разнообразию, которое ведет к диверсификации их деятельности. Этничность предпринимателя рассматривается как этнический ресурс, поскольку повышает конкурентоспособность бизнеса.

Ключевые слова: этническое предпринимательство; Тува; Калмыкия; этничность; идентичность; Вячеслав Донгак; Кима Донгак; Баирта Тостаева; тувинцы; калмыки; «Эдегей»; национальный костюм; национальная кухня

name just a few areas. The projects include the children's dance ensemble "Edegey", a theater of fashion, a tailor shop, and ethnocultural centers which serve authentic traditional foods.

The case of B. Tostayeva in Kalmykia mainly focuses on the everyday life of the region. Her projects also rely on the same staples of traditional culture – apparel, food and housing. With support from regional authorities, the projects are also dealing with event tourism. Bairta Tostayeva's business makes use of both ethnic and cosmopolitan overtones.

When compared to ethnic entrepreneurs who migrate out of their region, their two counterparts in Tuva and Kalmykia find themselves in a much more advantageous social environment. Their projects follow within the course of ever intensifying national rebirth, but have to grapple with economic difficulties typical for agrarian regions which rely on animal farming. Also important for the success of the business is the personality factor, which comprises a whole host of identities – ethnocultural, gender, local, civic, and others, all of them informing the activity of the person. A drive towards variety is a common feature among ethnic entrepreneurs, which allows them to diversify their businesses. The very ethnicity of an entrepreneur can be seen as an asset, since it can improve their competitiveness.

Keywords: ethnic entrepreneurship; Tuva; Kalmykia; ethnicity; identity; идентичность; Vyacheslav Dongak; Kima Dongak; Bairta Tostayeva; Tuvans; Kalmyks; «Edegey»; traditional garment; ethnic cuisine

Введение

Этническое предпринимательство, основанное на производстве и реализации традиционной национальной одежды, пищи и жилища — «трех китов» этнографии — в регионах России зародилось в конце 1990-х годов. Исследовательская парадигма ученых и практиков в целом сосредоточена на изучении этнического предпринимательства мигрантов из стран бывшего Союза ССР, вслед за наработанной к тому времени опытом и теорией зарубежной науки по исследованию такого опыта адаптации мигрантов в странах Запада и Америки. Мне же более интересно этническое предпринимательство без миграции.

В статье на основе собственных полевых этнографических материалов и данных из открытых источников, в том числе из Интернета, предпринята

попытка рассмотреть два кейса. Один на примере деятельности Кимы и Вячеслава Донгаков из Тувы, второй — Баирты Тостаевой из Калмыкии. На их примерах я намерена показать, что этническое предпринимательство как вид экономической деятельности, в процессе и для ведения которого предприниматель использует этнические, родственные, земляческие, дружеские сети и связи, производя товар или услугу, востребованные именно в этом этнокультурном сообществе и представляющие его как для внутриэтнического, так и для внешнего «потребления», можно и нужно исследовать.

Целью статьи является исследование этнического предпринимательства в регионах России, осуществляемого представителями местного населения, построенного на использовании наиболее узнаваемых элементов традиционной этнической культуры и направленного на удовлетворение специфических потребностей местного сообщества, но не ограничивается только локальной, коэтнической клиентурой, и только этими символами их этничности. Эвристический потенциал изучения этнического предпринимательства в регионах России, как мне представляется, достаточно большой.

Пример из Тувы

Одним из наиболее успешных примеров такого рода предпринимательства в Сибири мне представляется деятельность супружеской пары Вячеслава и Кимы Донгаков, создавших с 1990-х годов целый каскад проектов этнокультурного содержания, но разных форм.

*Фото 1. Вячеслав Донгак.
Фото Ч. Ламажаа, 2010 г.
Photo 1. Vyacheslav Dongak,
photo by Ch. Lamazhaa, 2010.*

Несколько слов о Донгаках. Вячеслав Октябrevич Донгак — профессиональный режиссер-балетмейстер. Много лет работал в государственном ансамбле песни и танца «Саяны», в том числе его художественным руководителем (1992–2002 гг.). Занимал руководящие посты в сфере культуры Республики Тыва, имеет государственные награды. Работал в других российских регионах, также ставил танцы, балеты, мюзиклы для коллективов стран Юго-Восточной Азии.

Свою самостоятельную творческую деятельность выразил в собственных проектах — фонде культуры, проводящем конкурсы красоты, всевозможные детские творческие конкурсы, детский ансамбль «Эдегей», открывший свое

модельное агентство; при творческих коллективах работает швейная мастерская национального костюма «Оваадай». За два десятка лет существования «Эдегей» завоевал большое количество гран-при, призовых мест на международных и российских фестивалях. Большой успех сопровождает дизайнерские творения В. Донгака, ставшего модельером стилизованной одежды, которую шьют в его мастерской и демонстрируют модели агентства. Причем показ моды происходит всегда в форме танцевальных шоу, которые сам хореограф и ставит.

Все свои проекты В. Донгак осуществлял и продолжает осуществлять вместе со своей супругой К. Донгак, которая с 1990-х годов уже имела предпринимательский опыт, и которая в союзе с ним стала директором ансамбля, его главным помощником, вдохновителем.

В 2011 г. их усилиями, в том числе когда В. Донгак возглавлял министерство культуры республики, в 45 километрах от столицы Тувы Кызыла был открыт этнокультурный комплекс «Алдын Булак» с юрточным городком, рестораном с национальной кухней для туристов. К. Донгак первое время руководила проектом, развивала его. Затем такой же туристический этнокультурный комплекс она создавала близ г. Элисты в Калмыкии. В 2017 г. К. Донгак открыла ресторан «Алдын Булак» в Москве. Тем самым их бизнес практически был диверсифицирован и перерос за рамки собственно искусства, хореографии. Почти за двадцать лет деятельность семьи хореографа демонстрирует не только желание поддерживать и развивать национальную культуру тувинцев, но и расширять поле деятельности, географию проектов.

Несомненно, что творческая деятельность семьи Донгаков показывает яркий пример этнического предпринимательства в Туве — успешного, разнообразного. Наиболее общественно значимым эффектом следует назвать инспирацию четой Донгак этнического предпринимательства в Республике Тыва не только в сфере пошива и изготовления одежды, но и другой продукции, в том числе

*Фото 2. Кима Донгак.
Фото Ч. Ламажаа, 2005 г.
Photo 2. Kima Dongak,
photo by Ch. Lamazhaa,
2005.*

*Фото 3. Этнокультурный комплекс "Алдын Булак" в Туве. Фото А. Папына, 2014 г.
Photo 3. Ethnocultural center Aldyn Bulak in Tuva,
photo by A. Papyn, 2014.*

Фото 4. Показ коллекции "Кан-Кыс" театра моды и танца "Эдегей" в Москве. Фото Ч. Ламажаа, 2005 г.
Photo 4. The Kan Kys collection by the theatre of fashion and dance Edegey on display in Moscow, 2005,
photo by Ch. Lamazhaa.

традиционных ремесел, и услуг, ориентированных на развитие народной культуры в новом осмыслении. Полагаю, что с их начинаниями в республике стали столь популярными различные республиканские конкурсы швей и закройщиков, семинары для дизайнеров, швей, изготовителей сувениров, занимающихся народно-художественными промыслами.

Заслуженный деятель искусств Республики Тыва, лауреат Государственной премии Республики Тыва, режиссер, балетмейстер В. О. Донгак основные идеи своего творчества формулирует так: «оживить костюмную историю наших предков», презентовать «театрализованную подачу дефиле» национальной одежды (Сандуков, 2015: Электр. ресурс). Главный месседж В. Донгака, направленный населению региона — это мысль о том, что «с возрождения культуры, обычаев и традиций воскреснут и другие области республики, духовность — генератор развития нашей экономики» (там же). Идея,

направленная вовне — миру: традиционная одежда кочевников Центральной Азии эстетична, презентабельна и перспективна (там же).

О востребованности идей Вячеслава Донгака, основанных на синтезе традиций родной ему тувинской народной культуры и традиций европейской хореографии и высокой моды, реализованных в его творчестве и в бизнесе, может свидетельствовать факт приглашения его занять пост Президента Международной академии Моды мировых монголов. На эту должность он был избран в ноябре 2014 г. на итоговом заседании академии в г. Улан-Баторе. Академия была создана заинтересованными дизайнерами — профессионалами в области национального костюма монголоязычных кочевых народов Центральной Азии. Среди них есть модельеры Монголии, России, Китая и других стран, журналисты и главные редакторы модных СМИ, ученые, бизнесмены из сферы туризма (Заслуженный деятель ... , 2015: Электр. ресурс). С того же 2015 г. В. Донгак стал приглашенным художественным руководителем Театра национального искусства Внутренней Монголии (там же).

Как я уже сказала, последнее направление предпринимательской деятельности Донгаков, прежде всего К. Донгак, — это этнокультурные комплексы. Первый из них представляет собой базу отдыха, состоящую из юрт, чумов, сауны и пр., а также большой юрты-ресторана с традиционной тувинской кухней. Несомненно, что проработавший в течение года (с 2017 по май 2018 г.) в Москве одноименный ресторан тувинской кухни «Алдан-Булак» несет такие же смыслы, которые вкладывались при создании комплекса в Туве: традиционная кухня народа кочевой культуры на фоне исторических реконструкций предметов материальной культуры тувинцев и древних скифов, в том числе и одежды, в стилизованном помещении в виде традиционного жилища. В планах К. Донгак — создание в Москве уютного городка с рестораном тувинской кухни.

Как говорит К. Донгак, поясняя цели своей деятельности и творчества В. Донгака, ими движет не желание быстро заработать, и не коммерческая составляющая вовсе, а желание распространять тувинскую культуру в самых разных формах, желание популяризировать ее, увековечить. «У нас уникальный бизнес, — сказала Кима Чозаровна в интервью мне, — мы работаем с сакральными вещами. Сакральность не может быть не интересна миру, и мы счастливы от мысли, что не напрасно занимаемся национальным костюмом, народными танцами, кухней, юртами — жилищем предков и их пропагандой. Вот уже больше двух десятков лет ни один год нами не прожит впустую: мастер-классы, презентации, поездки, выступления. Наш потенциал неисчерпаем, всегда находится какой-то новый ракурс предыдущих дел, рождается новая идея, новый свет, и все это делает нас сильнее!»

Примеры роста их бизнеса от театра танца к ателье и фэшн-индустрии, а также к ресторанному бизнесу с акцентом на национальную кухню демонстрируют стабильность предпринимательской деятельности Донгаков.

Пример из Калмыкии

Если предпринимательство Вячеслава и Кимы Донгаков посвящено репрезентации культуры тувинцев, и, шире, азиатских народов России и мира, а адресатом их творчества является внешний (по отношению к Туве) мир, то пример деятельности другой этнической предпринимательницы, из Республики Калмыкия, демонстрирует нацеленность на повседневность, в первую очередь, жителей самой степной республики.

Фото 5. Баирта Тостаева. Скриншот видеофрагмента телепередачи «Народные новости» телеканала «Хамдан» 28 сентября 2016 г.

Photo 5. Bairta Tostayeva. A screenshot of the Narodnye Novosti (People's News) broadcast on Hamdan TV channel, September 28, 2016.

Предприниматель Баирта Тостаева из Элисты так же, как Вячеслав и Кима Донгаки, ведет свой бизнес по пути диверсификации, опираясь на те же основы традиционной культуры — пищу, одежду и жилище. Сегодня этническая предпринимательница услугам элистинцев и гостей города и Калмыкии предлагает калмыцкую и монгольскую кухню в ресторане «Легенда» (<http://www.легенда-ресторан.рф>), бизнес-ланчи русской, калмыцкой и европейской кухонь в пресс-кафе «Репортер», пошив предметов одежды в калмыцком стиле в ателье «Иньглян». Ресторан «Легенда» был открыт в 2012 г. и по сей день Б. Тостаевой удалось удержать репутацию заведения с хорошей кухней, аутентичным интерьером и внимательным обслуживанием¹. По словам самой Тостаевой, большую часть прибыли этого ресторана дают

банкеты, и лишь треть — посещения туристов и гостей Элисты.

Вместе с тем, судя по разнообразию предлагаемых посетителям программ, предпринимательница вполне очевидно делает ставку и на потенциал развиваемого при поддержке республиканских властей Калмыкии событийного туризма. В основе проекта ресторана «Легенда» лежит концепт Востока на основе традиционной калмыцкой народной культуры, синтезированный с творчески переработанными популярными сюжетами других регионов и культур. Так, ресторан предлагает как отдельное мероприятие калмыцкую

¹ См. фотографии отзывов посетителей из книги жалоб и предложений на сайте ресторана: <http://www.легенда-ресторан.рф/reviews?page=5>

Фото 6. Интерьер ресторана «Легенда». Фото с сайта ресторана.

Photo 6. The interior of The Legend, photo courtesy of the restaurant's website.

чайную церемонию с фотографированием в национальной одежде в процессе приготовления и распития чая под руководством ведущей в войлочной юрте. Иными словами, национальный колорит, являющийся одним из важных составных частей предпринимательства Баирты Тостаевой, вполне осознается ею как часть стратегии конкурентоспособности и успешно используется. Наряду с этим, в другом ее заведении — кафе «Репортер», в интерьере которого обыгран концепт журналистского путешествия по миру, она реализует идею космополитичной кухни для современного человека вне его

этнических предпочтений. Таким образом, предпринимательница использует в своем бизнесе и тему этники, и космополитичную тему.

Особого внимания заслуживает другой проект Б. Тостаевой — ателье пошива ойратской одежды «Иньглян», открытый в 2016 г. Направление ателье — создание национальной калмыцкой одежды, как сказано на его странице на сайте ресторана «Легенда».

В основе этого проекта ателье и дизайнерской студии лежит чисто личностный фактор, который можно определить как стремление Б. Тостаевой к разнообразию:

«Я предприниматель, год назад стала заниматься общественной деятельностью — развитием и популяризацией калмыцкого костюма. Плюс еще мы немного затрагиваем тему о традициях и обычаях, пытаемся развивать калмыцкий язык, в общем всего по чуть-чуть. Это я говорю об ассоциации женщин Калмыкии «Иньглян». На базе этой ассоциации мы создали дизайнерскую студию «Иньглян», где шьем одежду, которую можно носить в повседневной жизни» (Чонаев, 2017: Электр. ресурс).

«Мы так увлеклись этим делом, что остановить нас уже невозможно. Многие женщины нашего города сидят дома и скучают. ... Найти нас можно в «Фейсбуке», «В Контакте» и «Одноклассниках». Мы открыли страницы в этих социальных сетях под названием Ассоциация женщин

Калмыкии “Ингьян”. Планов много и все они связаны с нашей деятельностью. Причем такие интересные проекты, как создание видеоблогов с уроками и мастер-классами. Было бы хорошо, если к нам примкнули молодые и энергичные девушки с креативным мышлением. Вот в чем у нас дефицит! А в целом, последние три года, а особенно 2016 год запомнились как очень насыщенные на события и впечатления. Много интересных людей и много новых мест я открыла для себя. Побывала там, куда давно собиралась. Поняла одно — самое главное: “Не то, где ты, а с кем ты”. Люди — это основное богатство. И в Калмыкии — самые лучшие люди. Только они или мы об этом почему-то забываем (Басангова, Электр. ресурс).

Б. Тостаева утверждает, что ей нравится быть калмычкой, одно из интервью с ней имеет такой заголовок: «...Мне нравится быть калмычкой» (там же). При этом предпринимательница в другом интервью сама анализирует, каким образом происходило становление ее этнокультурной идентичности и самоосознание себя:

«В самом раннем возрасте я не ощущала себя калмычкой. Я видела себя русской с калмыцкой внешностью девочкой. Находясь здесь в Элисте, в Калмыкии, я, тем не менее, не находила в себе этнической принадлежности и с какого-то момента меня это стало напрягать. Эта неполноценность у меня копилась и в итоге я стала понимать, что мне в жизни чего-то не хватает. Позже я охарактеризовала это словосочетанием “недостаток гармонии”» (Чонаев, 2017: Электр. ресурс);

«В 2006 году я ездила в Монголию и купила там себе платье. Когда я его надела, то почувствовала, что во мне что-то изменилось. Не могу объяснить это словами, но я как будто прониклась энергетикой монгольской степи — мощной, строгой и в то же время мягкой. И я поняла, вот она — гармония! Я всегда немного рукодельничала — шила, кроила, перелицовывала одежду, но вот как сшить калмыцкое традиционное платье я не знала. Я хотела сшить платье, которое можно было надевать, как говорится “хоть в пир, хоть в мир”, а те платья, которые носили наши артисты, меня не

Фото 7. Образец женского пиджака дээл, который предлагает ателье ойратской одежды Ингьян. Фото со страницы ателье на сайте ресторана «Легенда».

Photo 7. Daal, a women's jacket from the Oirat tailor shop Inglyan. Photo courtesy of the tailor shop's page at The Legend's website.

устраивали. Потому что со всеми этими пайетками, стразами, бисером и прочими блестяшками, которые лепят на концертные костюмы артистов, я бы выглядела как новогодняя елка в супермаркете на распродаже. Ну не может такого быть, чтобы наши бабушки и прабабушки носили такую непрактичную одежду, думала я и оказалась права. И я стала шить — первое платье, второе, а потом это вошло в привычку» (там же).

Создание дизайнерской студии и ателье в 2016 г. стало логичным продолжением пережитого инсайта, о котором говорит Б. Тостаева: «открытию» собственной этнокультурной идентичности «способствовало» монгольское платье, купленное ею в 2006 г. За десять лет после того, как она ощутила гармонию между тем, как и кем она себя ощущает, и что на ней надето, Б. Тостаева выработала собственный стиль, основанный на сознательном компромиссе между традиционной народной культурой калмыков и желанием возродить и развивать эту культуру.

Б. Тостаева носит традиционную калмыцкую прическу замужней женщины, стилизованную одежду:

«И вот я шью свои платья по образу и подобию калмыцкой повседневной одежды, ношу их, всем это очень нравится и многие мои близкие подруги сказали “ах, я тоже себе хочу такое” и стали уговаривать меня шить для других женщин. Так родилось наше женское движение “Иньглян”. Мы приглашали к себе самых разных людей и узнавали у них — как должна вести себя женщина-калмычка в семье, в быту, на работе, как выстраивать правильные отношения с детьми, с мужем, с его родственниками. Нам хотелось понять, что из себя представляла женщина раньше, какой она стала сейчас и как можно адаптировать полезные традиции к современной реальности. Потому что мы никак не можем быть похожи на тип “западных женщин” и ориентирование на Запад в этом смысле для нас не приемлемо» (там же).

Последний по времени реализованный Б. Тостаевой проект, связанный с изготовлением стилизованной одежды, более, чем предыдущий ее бизнес, связан не только с этнокультурной идентичностью современной женщины калмычки. В нем отражаются, как в зеркале, все те процессы, которые происходят в Элисте и в Калмыкии в целом. Охарактеризовать эти процессы можно как рост интереса к этнической культуре.

В своих интервью и других публичных высказываниях, в частности, в выступлениях на телеканале Хамдан-ТВ Б. Тостаева неоднократно говорит о необходимости возродить традиционную культуру, буквально воссоздавая по деталям одежду, утраченную вследствие депортации калмыков зимой 1942 года в Сибирь, а также рецептуру и технологию приготовления пищи, интерьера жилища.

Этническое предпринимательство без миграции

В фокусе моего исследования — этническое предпринимательство без миграции. Большая часть исследований этнического предпринимательства в мире посвящена изучению того, каким образом вчерашние мигранты или их потомки ведут бизнес в ситуации высокой конкуренции, часто — дискриминации, нахождения в меньшинстве (расовом, этническом, культурном, языковом, религиозном и т. д.) для улучшения условий своей жизни, повышения благосостояния семьи, и, в конечном итоге, успешной адаптации в новых условиях. Все исследователи согласны с тем, что этническое предпринимательство — это один из главных видов и способов адаптации мигранта к ситуации в принимающем сообществе. Главное отличие бизнеса гражданина страны от бизнеса мигранта — это мобилизация мигрантом своих ресурсов, главными из которых являются его этническая, конфессиональная и земляческая идентичности, тогда как коренному жителю страны реципиента таких усилий прилагать не приходится (см. подробнее: Уолдинггер, Олдрич, Уорд, 2008). К числу ставших классическими примерами современного этнического предпринимательства можно отнести появление чайнатаунов (Chinatown — «китайский город») в самых разных городах мира, или пример предпринимательской деятельности евреев, выходцев из Одессы, в районе Брайтон-Бич («маленькая Одесса») в Бруклине, Нью-Йорке, США, массовое производство и реализация корейских салатов в России.

Вместе с тем, за последние годы интерес научного сообщества к этническому предпринимательству и этнической экономике в регионах России способствовал появлению соответствующих публикаций, в которых идет речь именно об этническом предпринимательстве без миграции (Тишков, 2005; Радаев, 1993; Этнические рынки в России, 2015; Ахметов, 2017; Еременко, 2014; Рыжова, 2003; Мулукова, 2008 и др.). Как следует из работ, освещающих региональные аспекты этнического предпринимательства в республиках юга России, в программах государственной поддержки предприятий малого и среднего предпринимательства в России, не предусмотрена особая поддержка этнического предпринимательства. Между тем, считают исследователи, потенциал у последнего вида бизнеса достаточно велик.

Так, к примеру, в Адыгее значительная часть потребляемых товаров массового спроса, более половины животноводческой продукции, около 4/5 овощей производится именно силами этнических предпринимателей (Тамов, Тамова, Бабалян, 2016: 78). В Дагестане этноэкономика растет быстрыми темпами в сфере услуг: свадьбы, похороны, юбилеи, мусульманские праздники и т. д. В одной Махачкале, по сведениям М. А. Багомедова, сейчас более тридцати залов, предназначенных для свадебных торжеств единовременной вместимостью более 20 тысяч мест (Багомедов, 2011: 79). В другой северокавказской рес-

публике, в Карачаево-Черкессии, даже в годы мирового экономического кризиса численность индивидуальных предпринимателей, этнических предпринимателей в том числе, росла: «В 2009 г. было зарегистрировано 16100 индивидуальных предпринимателей. В 2008 г. их количество составило 15623 чел. и выросло по сравнению с 2007 г. (13778 чел.) на 11,2%» (Атаева, 2012: 53).

Условия для ведения этнического предпринимательства в Калмыкии и в Туве

Этническое предпринимательство мигрантов обычно рассматривается как деятельность, осуществляемая в неблагоприятных социальных условиях, когда предприниматели находятся в расовом, этническом, культурном, языковом, религиозном меньшинстве и/или дискриминации по этим признакам, или социокультурной стигматизации и геттоизации.

Два рассмотренных мною кейса находятся в иных условиях. Они реализуются в субъектах Российской Федерации, которые относятся к числу так называемых «национальных республик», когда коренное население насчитывает более половины от всей численности: 82% тувинцев от общего числа населения в Туве и 57,4% — в Калмыкии. С одной стороны, тувинские и калмыцкие этнические предприниматели находятся в благоприятной социальной среде, их проекты развиваются в русле не спадающего процесса национального возрождения, который развернулся в регионах с 1990-х гг. Но с другой стороны, основная проблема для них заключается в сложной экономической ситуации, характерной для аграрных, животноводческих республик. В этой связи уровень конкуренции среди тех, кто работает в сфере услуг, розничных продаж и общественного питания, чрезвычайно высок.

Социально-экономические характеристики двух регионов сходны: они не имеют больших производств, которые являлись бы локомотивом экономики, а также зависимы от федерального бюджета, в них высокий уровень безработицы, низкий уровень оплаты труда и т. п. Уровень конкуренции, таким образом, в сфере торговли и услуг крайне высок, поскольку борьба идет за довольно специфичного клиента — работника бюджетной сферы, ограниченного в доходах невысокими в целом заработными платами, и молодежь, в том числе студентов. Благодаря тому, что деятельность предпринимателей осуществляется на территории столичных городов, в Кызыле и в Элисте, они могут рассчитывать, помимо местных жителей, и на гостей, посещающих эти регионы. Главными из них прежде всего можно назвать представителей федеральных и окружных министерств и ведомств, регулярно производящих проверки деятельности подведомственных учреждений, в связи с чем потребность в наличии заведений общественного питания с национальной кухней и учреждений

культуры, репрезентирующих местную культуру, стабильна и постоянна. Помимо этого типа гостей региона, в летнее время обе республики посещаются немногочисленными пока туристами.

Личность этнического предпринимателя

Рассматриваемые примеры этнического предпринимательства неразрывно связаны с личностью предпринимателя, в котором присутствуют важные параметры, называемые исследователями термином «фиксированное разнообразие» (Alexandre-Leclair, 2014: 158). Речь идет о том, что в идентичности человека сочетается целый спектр идентичностей, в том числе этнокультурная, половая, локальная, гражданская, которые оказывают значительное влияние на его деятельность. Рассматриваемые мною примеры этнического предпринимательства как раз демонстрируют, каким образом культура и этническая принадлежность выступают определяющими факторами в выборе сферы деятельности и стратегии ведения бизнеса. Два кейса из двух разных регионов России подтверждают исследование А. Пеку, в котором он утверждает, что этничность предпринимателя дает определенные преимущества в бизнесе, и поему многие исследователи называют ее этническим ресурсом (Pécoud, 2010: 62–64).

Тувинский кейс показывает пример того, что стремление специалиста в сфере культуры и искусства дать свое новое видение, новую интерпретацию традиционной этнической культуры привело к созданию новой формы ее репрезентации. Основным мотивом деятельности В. Донгака, очевидно, является развитие новой формы искусства, синтетического по сути, но с явным тувинским «лицом». Главное в его акциях — эстетическая составляющая, направленная на развитие народной одежды от повседневной утилитарности к высокой моде. Этому способствует форма подачи одежды от-кутюр в виде театрализованного действия с использованием традиционных музыкальных инструментов и хореографии. Предпринимательство в данном кейсе — не самая очевидная цель деятельности, но ее следствие.

Другой, калмыцкий, кейс представляет пример этнического предпринимательства в более явном, если можно так выразиться, виде. Судя по высказываниям, основная мотивация деятельности Б. Тостаевой основана на ее этнокультурной идентичности и желании не только возродить культуру калмыцкого народа, но и развивать, совершенствовать ее, делая более современной и понятной. Помимо того, что она самозанятый человек, зарабатывающая на жизнь сама, Тостаева также создает новые рабочие места, внося вклад в развитие экономики своей республики, в ее деятельности важную роль играет просветительская составляющая.

Так, к примеру, Б. Тостаева совместно с ученым, ведущим научным сотрудником Калмыцкого научного центра РАН, доктором искусствоведения С. Г. Батыревой инициировала в декабре 2016 года проведение мастер-классов по войлоковалению и вышивке по войлоку. Их провела Екатерина Адьяева, учредитель общественной организации «Гильдия мастеров народных ремесел Республики Калмыкия». С журналистами «Хамдан-ТВ» она провела передачу о процессе и технологии приготовления традиционных калмыцких пельменей, а также других блюд народной кухни, приглашая к участию ученых этнографов (Махан Шёлтягян, 2017: Электр. ресурс). Все проводимые мастер-классы сняты на видео и выложены в социальных сетях, чтобы любой человек смог ими воспользоваться («Вкусная Калмыкия» ... , 2016: Электр. ресурс).

Логично было бы в случае деятельности Б. Тостаевой развитие ее бизнеса вверх или вниз по технологической цепи — производство и реализация полуфабрикатов, к примеру, или инвестиции в фермерство с целью удешевления мясной продукции. Однако, в стратегии ведения бизнеса, как оказалось, важна и ее гендерная идентичность. В приведенном выше интервью предпринимательница, говоря об открытии дизайнерской студии «Иньглян», рассказывает, что вместе с подругами она создала «Ассоциацию женщин Калмыкии» с одноименным названием. То есть, желание узнать больше не только об одежде калмыков, но и об обычаях и традициях с участием женщин и их роли в семейной, общественной жизни, привело Тостаеву к мысли об объединении с другими заинтересованными в том же женщинами. Апробация идеи на уровне общественной организации показала перспективность пошива стилизованной калмыцкой одежды и наличие в обществе спроса, что и стало решающим фактором для диверсификации бизнеса — создания ателье «Иньглян». Будучи женой, мамой и бабушкой, Б. Тостаева задумывается о создании одежды в стилизованном национальном стиле и для детей, и для мужчин, а также спортивной одежды.

Заключение

Таким образом, рассмотренные примеры деятельности этнических предпринимателей из двух регионов России показывают, что в этом виде бизнеса важна личность самого предпринимателя. К числу наиболее важных факторов, воздействующих на мотивацию деятельности и стратегии конкурентоспособности предпринимателя, следует отнести его культурную, гендерную и этническую идентичности. Кроме того, важно отметить стремление этнических предпринимателей к разнообразию, которое ведет к диверсификации их деятельности.

Проведенное исследование этнического предпринимательства в регионах России, ведущегося представителями местного населения, использующими

в качестве ресурса и стратегии традиционную этническую культуру, множество различных видов социальных связей, подтверждает, что изучение этнического предпринимательства без миграции вполне возможно и перспективно.

На мой взгляд, важным и существенным отличием между этническим предпринимательством без миграции и этническим предпринимательством мигрантов выступает тот контекст, в котором они действуют. Если мигрант вынужден адаптироваться в изначально некомфортной и подчас агрессивной среде, то этнический предприниматель — не мигрант находится в комфортной, как минимум, ситуации. Использование своей этничности как ресурса и мигрантом, и не мигрантом, преследует совершенно схожие цели. Однако, в случае с мигрантом его этничность — это еще и способ мобилизации актором этничности солидаризирующихся с ним групп людей.

Собственно контекст, на фоне которого действуют и мигрант, и местный, я понимаю, как состоящий из культуры — родной для местного и чужой для мигранта, языка, законодательства. Безусловно, этот контекст включает множество самых разных факторов, влияющих на деятельность этнического предпринимателя, но названные — наиболее важные.

Этнический предприниматель, реализующий свои бизнес идеи у себя «дома», окружен людьми, говорящими с ним на одном языке, он понимает и разделяет ценности культуры окружающих его людей, и, наконец, он защищен законодательством как гражданин страны. Этнический предприниматель мигрант, как правило, лишен всего этого.

Этническое предпринимательство в России, как мне представляется, будучи важным для человека способом адаптации к социальной и экономической ситуации, помимо этого, играет весьма значимую для этнокультурного сообщества роль — способствует сохранению и развитию этнической культуры.

Благодаря этому феномену в глобализирующемся и унифицирующемся мире появляются такие вещи, как стилизованная в стиле этник одежда, позволяющая одному человеку самовыразиться и отличаться от безликой толпы, а другому — сохранять и развивать культурное наследие своих предков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атаева, Л. М. (2012) Традиционные и инновационные направления развития этнического предпринимательства // Региональная экономика: теория и практика. № 9 (240). С. 51–55.

Ахметов, В. Я. (2017) Роль этнического предпринимательства и этнической кооперации в сохранении и возрождении российского села (на материалах Республики Башкортостан) // Биосферное хозяйство: теория и практика. № 2 (3). С. 40–50.

Багомедов, М. А. (2011) Новые тенденции этноэкономического поведения в Республике Дагестан // Вопросы структуризации экономики. № 3. С. 78–84.

Басангова, С. Баирта Тостаева: мне нравится быть калмычкой [Электронный ресурс] // Элистинский курьер. URL: <http://ekgazeta.ru/articles/1712-bairta-tostaeva-mne-nravitsya-byt-kalmuchkoj> (дата обращения: 06.02.2018).

«Вкусная Калмыкия» 2 выпуск гость Байрта Тостаева ресторан «Легенда» (2016) [Электронный ресурс] // YouTube.com. 21 марта. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=546&v=-rO9HSfDnLQ (дата обращения: 06.02.2018).

Еременко, С. Л. (2014) Влияние этнической идентичности на экономическое поведение россиян // Общество и право. № 1 (47). С. 291–295.

Заслуженный деятель искусств Республики Тыва Вячеслав Донгак отмечает 60-летие (2015) [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 22 августа. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/8154-dongak60.html> (дата обращения: 06.02.2018).

Махан Шёлтягян (2017) [Электронный ресурс] // Ok.ru. 19 января. URL: <https://ok.ru/video/239964131669> (дата обращения: 06.02.2018).

Мулукова, Л. (2008) Феномен этнического предпринимательства на примере татар города Ижевска // Бизнес. Общество. Власть. № 2 (2). С. 21–39.

Радаев, В. В. (1993) Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Полис. Политические исследования. № 5. С. 79–87.

Рыжова, Н. П. (2003) Трансграничный рынок в Благовещенске: формирование новой реальности деловыми сетями «челноков» // Экономическая социология. Т. 4. № 5. С. 54–71.

Сандуков, А. (2015) Вячеслав Донгак: Где бы я ни работал, я всегда остаюсь тувинцем [Электронный ресурс] // ARD. 25 мая. URL: <http://asiarussia.ru/persons/7619/> (дата обращения: 06.02.2018).

Тамов, А. А., Тамова, М. К., Бабалян, Э. Б. (2016) Развитие малого бизнеса в проблемных регионах с использованием потенциала этноэкономического сегмента // Вестник Адыгейского государственного университета. Вып. 3 (185). С. 75–80.

Тишков, В. А. (2005) Рыночная экономика и этническая среда // Общество и экономика. № 12. С. 20–37.

Уолдингер, Р., Олдрич, Х., Уорд, Р. (2008) Этнические предприниматели / перевод М. С. Добряковой // Экономическая социология. Т. 9. № 5. С. 30–55.

Чонаев, Д. (2017) Баирта Тостаева: «Мы не ожидали такого успеха!» [Электронный ресурс] // Элистинский курьер. <http://ekgazeta.ru/articles/2077-bairta-tostaeva-my-ne-ozhidali-takogo-uspekha> (дата обращения: 06.02.2018).

Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи (2015) / науч. ред. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев. Иркутск : Иркутский государственный университет. 343 с.

Alexandre-Leclair, L. (2014) Diversity as a motive for entrepreneurship? The case of gender, culture and ethnicity // *Journal of Innovation Economics & Management*. № 14. P. 157–175.

Pécoud, A. (2010) What is ethnic in an ethnic economy? // *International Review of Sociology*. Vol. 20. № 1, March. P. 59–76.

Дата поступления: 20.03.2018 г.

REFERENCES

Ataeva, L. M. (2012) Traditsionnye i innovatsionnye napravleniia razvitiia etnicheskogo predprinimatel'stva [Traditional and innovative trends in the development of ethnic entrepreneurship]. *Regional'naiia ekonomika: teoriia i praktika*, no. 9 (240), pp. 51–55. (In Russ.).

Akhmetov, V. Ia. (2017) Rol' etnicheskogo predprinimatel'stva i etnicheskoi kooperatsii v sokhraneni i vozrozhdenii rossiiskogo sela (na materialakh Respubliki Bashkortostan) [The role of ethnic entrepreneurship and ethnic cooperation in the preservation and revival of the Russian village (on the materials of the Republic of Bashkortostan)]. *Biosfernoe khoziaistvo: teoriia i praktika*, no. 2 (3), pp. 40–50. (In Russ.).

Bagomedov, M. A. (2011) Novye tendentsii etnoekonomicheskogo povedeniia v Respublike Dagestan [New trends in conducting ethnoeconomics in Dagestan]. *Voprosy strukturizatsii ekonomiki*, no. 3, pp. 78–84. (In Russ.).

Basangova, S. Bairta Tostayeva: mne nraivitsia byt' kalmychkoi [Bairta Tostayeva: I like being a Kalmyk]. *Elistinskii kur'er* [online] Available at: <http://ekgazeta.ru/articles/1712-bairta-tostaeva-mne-nraivitsya-byt-kalmychkoi> (access date: 06.02.2018). (In Russ.).

«Vkusnaia Kalmykiiia» 2 vypusk gost' Bairta Tostayeva restoran «Legenda» ["Delicious Kalmykia" Issue 2: Bairta Tostayeva and the Legend restaurant] (2016). *YouTube.com*, 21 Mars [online] Available at: https://www.youtube.com/watch?time_continue=546&v=-rO9HSfDnLQ (access date: 06.02.2018). (In Russ.).

Eremenko, S. L. (2014) Vliianie etnicheskoi identichnosti na ekonomicheskoe povedenie rossiian [Influence of ethnic identity on economic behavior of the Russians]. *Obshchestvo i pravo*, no. 1 (47), pp. 291–295. (In Russ.).

Zasluzhennyi deiatel' iskusstv Respubliki Tyva Viacheslav Dongak otmechaet 60-letie [Honored artist of the Republic of Tuva Vyacheslav Dongak celebrates his

60th anniversary] (2015). *Tuva.Asia*, 22 August [online] Available at: <https://www.tuva.asia/news/tuva/8154-dongak60.html> (access date: 06.02.2018). (In Russ.).

Makhan Sheltiagian (2017). *Ok.ru*, 19 January [online] Available at: <https://ok.ru/video/239964131669> (access date: 06.02.2018). (In Russ.).

Mulukova, L. (2008) Fenomen etnicheskogo predprinimatel'stva na primere tatar goroda Izhevsk [The phenomenon of ethnic entrepreneurship on the example of the Tatars of Izhevsk]. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*, no. 2 (2), pp. 21–39. (In Russ.).

Radaev, V. V. (1993) Etnicheskoe predprinimatel'stvo: mirovoi opyt i Rossiia [Ethnic entrepreneurship: global experience and Russia]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 79–87. (In Russ.).

Ryzhova, N. P. (2003) Transgranichnyi rynek v Blagoveshchenske: formirovanie novoi real'nosti delovymi setiami «chelnokov» [Transborder market in Blagoveshchensk: the rise of the new reality via shuttle traders' business networks]. *Ekonomicheskaiia sotsiologiia*, vol. 4, no. 5, pp. 54–71. (In Russ.).

Sandukov, A. (2015) Viacheslav Dongak: Gde by ia ni rabotal, ia vseгда ostaius' tuvintsem [Vyacheslav Dongak: wherever I work, I always remain a Tuvan]. *ARD*, 25 May [online] Available at: <http://asiarussia.ru/persons/7619/> (access date: 06.02.2018). (In Russ.).

Tamov, A. A., Tamova, M. K. and Babalian, E. B. (2016) Razvitie malogo biznesa v problemnykh regionakh s ispol'zovaniem potentsiala etnoekonomicheskogo segmenta [Small business development in the troubled regions using the ethnoeconomic segment potential]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 3 (185), pp. 75–80. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (2005) Rynochnaia ekonomika i etnicheskaiia sreda [Market economy and ethnic environment]. *Obshchestvo i ekonomika*, no. 12, pp. 20–37. (In Russ.).

Uoldinger, R., Oldrich, Kh. and Uord, R. (2008) Etnicheskie predprinimateli [Ethnic entrepreneurs] / transl. by M. S. Dobriakova. *Ekonomicheskaiia sotsiologiia*, vol. 9, no. 5, pp. 30–55. (In Russ.).

Chonaev, D. (2017) Bairta Tostayeva: «My ne ozhidali takogo uspekha!» [Bairta Tostayeva: "We did not expect such a success!"]. *Elistinskii kur'er* [online] Available at: <http://ekgazeta.ru/articles/2077-bairta-tostaeva-my-ne-ozhidali-takogo-uspekha> (access date: 06.02.2018). (In Russ.).

Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi [Ethnic markets in Russia: bargaining space and meeting place] (2015) / Ed. by V. I. Diatlov and K. V. Grigoriev. Irkutsk, Irkutskii gosudarstvennyi universitet. 343 p. (In Russ.).

Alexandre-Leclair, L. (2014) Diversity as a motive for entrepreneurship? The case of gender, culture and ethnicity. *Journal of Innovation Economics & Management*, no. 14, pp. 157–175.

Pécoud, A. (2010) What is ethnic in an ethnic economy? *International Review of Sociology*, vol. 20, no. 1, March, pp. 59–76.

Submission date: 20.03.2018.

Для цитирования:

Тюхтенева С. П. Этническое предпринимательство без миграции (на примерах из Тувы и Калмыкии) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/776> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2018.2.8

For citation:

Tyukhtenyeva S. P. Ethnic entrepreneurship without migration: the cases of Tuva and Kalmykia. *The New Research of Tuva*, 2018, no. 2 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/776> (accessed: ...). DOI: 10.25178/nit.2018.2.8

DOI: 10.25178/nit.2018.2.9

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ДОКУМЕНТАХ ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ (1921–1944 гг.)

Марианна М.-Б. Харунова

Тувинский институт комплексного освоения
природных ресурсов
Сибирского отделения Российской академии
наук, Российская Федерация

ECONOMIC TERMINOLOGY IN THE DOCUMENTS OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF TUVA (1921–1944)

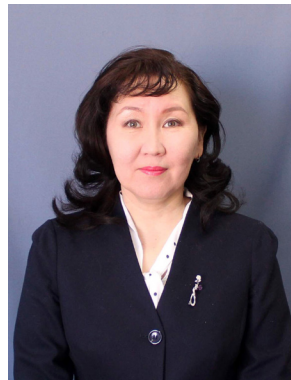
Marianna M.-B. Kharunova

Tuvinian Institute for Exploration
of Natural Resources, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

В статье на основе материалов Государственно-го Архива Республики Тыва рассматриваются экономические термины, содержащиеся в документах Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.).

В Государственном архиве Республики Тыва содержится уникальный фонд Тувинской Народной Республики, в котором насчитывается около шести тысяч единиц хранения. Одной из особенностей делопроизводства в период ТНР было использование письменности на трех языках: старомонгольской, тувинской, русской. Причем документы на тувинском языке с 1930 г. писались на латинском алфавите, с 1941 г. — на основе кириллицы.

Становление Тувинской Народной Республики было непростым процессом, связанным как со сложившимися историческими предпосылками, так и новыми политическими условиями. Молодому государству предстояло сформировать систему управления, обеспечивающую жизнедеятельность общества не только на новых идеологических принципах, но и на новых экономических основах. Большую роль в развитие ТНР сыграла всесторонняя помощь Советского Союза. Масштабные

The article analyzes the terminology of economics as it appears in the documents of the People's Republic of Tuva (PRT, 1921-1944) preserved at the State Archives of the Republic of Tuva.

The Archives hold the unique collection of over 6000 documents dating back to the PRT. One of the features of book-keeping under the PRT was the parallel use of three languages in different scripts – Old Mongolian, Tuvan and Russian. Prior to 1930, texts in Tuvan were written in Latin script, and since 1941, in Cyrillic.

The rise of the PRT was a complex process informed by both longstanding historical preconditions and the new political situation. The young state had to build its own system of governance which would help the society achieve sustainability both ideologically

Харунова Марианна Монге-Байыровна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории региональной экономики Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 667010, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117а. Тел.: +7 (913) 356-10-73. Эл. адрес: Ondar18@mail.ru

Kharunova Marianna Monge-Bairovna, Candidate of History, Leading research fellow, Laboratory of regional economics, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 117A, Internatsionalnaya Str., 667010, Kyzyl, Russia. Tel.: +7 (913) 356-10-73. E-mail: Ondar18@mail.ru

преобразования во всех сферах жизни, развитие новых отраслей экономики, промышленного производства, новых форм хозяйствования, перевод аратов на оседлость, создание финансово-экономической системы, организация национального банка и введение национальной валюты «акша», системы налогообложения, формирование новых органов государственного управления привели к активизации не только нормотворчества для регулирования новых отношений, но и к созданию целого свода новых терминов и понятий. Происходившие системные изменения способствовали формированию нового делового стиля языка, неотъемлемой частью которого стала экономическая составляющая.

Экономические термины зафиксированы в документах органов государственной власти, таких как Постановления Совета Министров ТНР, Указы Президиума Малого Хурала ТНР, инструкция Министерства финансов ТНР и др. Анализ документов позволил систематизировать рассматриваемые термины по трем основаниям: термины на тувинском языке, комбинированные русско-тувинские и тувинско-русские термины, тувинизированные русские слова.

Познавательный потенциал архивных документов Тувинской Народной Республики как источников по изучению становления и развития экономики и финансов того времени еще не исчерпан и может стать основой дальнейших научных исследований. По мнению автора, экономические термины периода ТНР можно было бы использовать и постепенно вводить в страницы республиканских документов сегодняшнего дня, тем самым расширяя границы современного тувинского делового языка.

Ключевые слова: Государственный архив Республики Тыва; Тувинская Народная Республика; Постановление; архивные документы; экономика; экономические термины; латинский алфавит; тувинский язык; русский язык

Введение

В Государственном архиве Республики Тыва хранятся около шести тысяч документов — бесценных свидетельств об одном из самых ярких периодов истории Тувы 1921–1944 годов — времени становления и развития Тувинской Народной Республики (далее — ТНР). Документы, подготовленные на трех языках: старомонгольском, тувинском, русском; написанные чернилами от руки или напечатанные на машинке, несут в себе информацию о начале новых социальных и экономических отношений в Туве.

and economically. The Soviet Union provided comprehensive assistance to the PRT. Large-scale reforms in every sphere of life, the rise of new branches of economy, industrial production, new forms of business, the arats' (nomadic farmers) transition to sedentary life, the establishment of the national bank, the introduction of taxation and of the aksha (PRT's currency), as well as the new organs of public administration, helped reinvigorate lawmaking in order to regulate the new political and economic relations, and also to introduce a whole set of new terms and notions. This systemic change contributed to the arrival of a new business style in communication, which now had an important economic constituent.

Economic terminology finds its way into the documents of such bodies of public and state administration as the Cabinet of Ministers, the Small Khural or the Ministry of Finance. Analyzing their resolutions, decrees, circular letters and other documents has allowed us to systematize the terminology into three categories: words of Tuvan origin, words combining Russian/Tuvan or Tuvan/Russian elements, and finally, Tuvimized Russian words.

The potential use of archival documents of the PRT as sources for studying the development of its economy and finance during the period is far from exhausted and can form the basis of further research. The author believes that the economic terminology which appeared in the days of the PRT could be revived and reintroduced onto the pages of contemporary documentation, thus expanding the boundaries of present-day business Tuvan.

Keywords: State Archives of the Republic of Tuva; People's Republic of Tuva; Resolutions of the Cabinet of Ministers of the PRT; archival documents; economy; economic terms; Latin script; Tuvan language; Russian language

Особенно интересны материалы на тувинском языке с использованием двух алфавитов: на латинской графике и кириллице. Тувинская национальная письменность на основе латиницы была введена Декретом Правительства ТНР от 28 июня 1930 г. (История Тувы, 2007: 270), позже 8 июля 1941 г. Постановлением ЦК ТНРП и Совета Министров ТНР утверждена новая письменность на основе кириллицы (там же: 271–272).

Уникальные документы этого периода сформированы в отдельный фонд и систематизированы по семи направлениям: «Государственная власть и управление»; «Советские организации и учреждения в ТНР», «Юстиция, суд, прокуратура»; «Финансы»; «Народное хозяйство», «Культура», «Здравоохранение» (Путеводитель ..., 2012: 3–4).

По вышеуказанным направлениям в фондах ТНР Государственного архива Республики Тыва (далее — ГА РТ) систематизированы и представлены следующие материалы:

— по истории государственной власти и управления хранятся документы Президиума Малого Хурала ТНР, Постановления ЦК ТНРП и Совета Министров, протоколы, декларации Великого и Малого Хуралов ТНР; материалы Министерства иностранных дел, Военного министерства, Комиссии Государственного контроля при Совете Министров ТНР, Главного экономического совета ТНР, Полномочного и торгового представительства ТНР в СССР, Государственной планово-экономической комиссии при Совете Министров ТНР (Госплан), Министерства внутренних дел, хошунных управлений и 7-го отдельного тувинского кавалерийского полка Восточно-Сибирского военного округа (там же: 30–44);

- документы Русской самоуправляющей трудовой колонии (РСТК), Полномочного представительства СССР в ТНР, торгового представительства Народного комиссара внешней торговли СССР в ТНР отражают деятельность советских организаций и учреждений (там же: 44–45);

- о работе системы юстиции, судов и прокуратуры свидетельствуют материалы Министерства юстиции ТНР, Верховного суда ТНР, Народного суда г. Кызыла, Прокуратуры ТНР (там же: 45–47);

- особенности финансовой политики освещают разнообразные документы Министерства финансов ТНР, Тувинского торгово-промышленного банка (Тувинбанк) и его пяти хошунных отделений; также законы ТНР, постановления СНК СССР, Совета министров, протоколы собраний акционеров банка, циркуляры Госбанка СССР, пятилетние и годовые планы развития народного хозяйства, экономические и конъюнктурные обзоры по отраслям (там же: 47–50);

— материалы по народному хозяйству включают документы Министерства животноводства и земледелия ТНР (Минживзем), Министерства горной

промышленности ТНР, Министерства промышленности и строительства ТНР, управления транспорта ТНР (Тувтранс), государственной типографии ТНР, сельхозартели, Танну-Тувинской (Урянхайской) конторы Сибгосторга, тувинского центрального кооператива (Тувинценкоп, ТЦК), хошунных кооперативных обществ потребителей (хоошкопы) и др. (там же: 51–58);

- в отдельные фонды собраны документы Министерства культуры ТНР, такие как планы работы министерства, списки работников, заявки министерства на специалистов СССР, списки учащихся в СССР и МНР, документы о работе библиотеки им. А. С. Пушкина, проект плана издания книг Тувинским Государственным издательством и др. (там же: 58);

- по деятельности Министерства здравоохранения ТНР сохранились Постановления ЦК ТНРП и Совета Министров, протоколы коллегии министерства, IV конференции работников здравоохранения, заседаний врачебно-контрольной комиссии, планы работы министерства, санитарно-профилактических и противоэпидемиологических мероприятий, протоколы медицинских обследований населения и др. (там же: 58–59).

В 2011 г. Центральный государственный архив Республики Тыва (прежнее название ГА РТ) издал уникальный научно-документальный сборник «История Тувинской Народной Республики в архивных документах», посвященный 90-летию со дня образования ТНР (История Тувинской ... , 2011). В нем опубликован 171 документ на русском языке, освещающий политическое, социально-экономическое и культурное развитие тувинского государства. Как пишут составители сборника, при отборе документов для публикации большое внимание обращалось на их подлинность, источник происхождения, уникальность и другие важные характеристики (там же: 5).

Таким образом, очевидно, что фонды Государственного архива Республики Тыва являются ценным источником по изучению всех сфер жизнедеятельности Тувинской Народной Республики. Они использовались при подготовке академического издания «История Тувы» в трех томах, в частности в подготовке второго тома, охватывающего период российского протектората и ТНР до вхождения ее в состав СССР (История, 2007: 430).

Цель данной работы заключается в том, чтобы из архивных документов выявить и представить экономические термины на тувинском языке, которые использовались в период развития Тувинской Народной Республики. Новые виды товарно-денежных отношений, появление промышленных объектов, самостоятельной финансово-экономической системы с созданием национального банка и национальной валюты «акша» и другие новации в жизни молодого тувинского государства привели к активизации не только нормотворчества для регулирования новых отношений, но и к созданию целого свода новых терминов и понятий для их устного и письменного обозначения.

Основные вехи экономического развития Тувинской Народной Республики

Становление тувинской государственности было непростым процессом, связанным как со сложившимися историческими предпосылками, так и новыми политическими условиями, определившими, в том числе, и ускоренные темпы развития республики. Тувинской Народной Республике предстояло сформировать систему управления, обеспечивающую жизнедеятельность общества не только на новых идеологических принципах, но и на новых экономических основах. Большую роль в развитии ТНР сыграла всесторонняя помощь Советского Союза. Из СССР в Туву ввозились товары широкого потребления, медикаменты, машины и оборудование для промышленности, транспорта и сельского хозяйства (Экономика ... , 1973: 78).

С середины 1920-х годов появляются первые кустарные и полукустарные промышленные предприятия по переработке древесины, производству кирпича, валяльно-войлочных и кожевенных изделий. В 1923 г. создается советское акционерное общество «Транспорт», занимавшееся грузоперевозками в Туву и из Тувы. В 1925 г. Советское правительство передало ТНР расположенные на территории Тувы телеграфную линию и почтово-телеграфные учреждения, и горнодобывающие предприятия (там же: 78). 1 октября 1925 г. в г. Кызыле открылась первая электростанция (История Тувы, 2007: 174).

Наряду с традиционными видами хозяйствования: кочевым скотоводством, охотой, земледелием, кустарным ремесленным производством в конце 1920-х годов стали развиваться новые формы сельскохозяйственной и промысловой кооперации. В 1928 г. созданы первые государственные хозяйства (госхозы) «Уюк», «Элегест», «Мараловод» (История Тувы, 2007: 173).

В Туве вновь создавалась финансово-кредитная система, развивалась торговля. Развитие новых отраслей экономики, необходимость денежной реформы требовали государственного управления и создания целого ряда соответствующих органов:

— в конце 1922 г. было создано Министерство финансов ТНР (Путеводитель ... , 2012: 47);

— 5 ноября 1923 г. — Танну-Тувинская (Урянхайская) контора Сибгосторга (там же: 56);

— 16 декабря 1924 г. — Тувинский центральный кооператив (Тувинценкооп, ТЦК) (там же: 56). Основная масса товарооборота Тувинценкоопа состояла из товаров, получаемых из СССР (Иезуитов, 1956: 115).

— 25 июля 1925 г. — Тувинский торгово-промышленный банк (Тувинбанк) (Путеводитель..., 2012: 48). Государственный и другие банки СССР предоставляли Тувинбанку долгосрочные кредиты на значительные суммы для покупки машин,

оборудования, на дорожное и коммунальное строительство. Подавляющая сумма денежных средств, выданных на развитие сельского хозяйства ТНР, являлись безвозвратными кредитами (Иезуитов, 1956: 120). До конца 1920-х гг. Тувинбанк занимался хозяйственной и коммерческой деятельностью: торговлей, строительством, разведкой недр. Заготовку хлеба, размол зерна, реализацию муки Тувинбанк курировал до 1932 г. Первые предприятия горнорудной промышленности и сельскохозяйственные государственные предприятия были организованы Тувинбанком (Аранчын, 1982: 146).

— 1 декабря 1929 г. — Министерство народного хозяйства ТНР (Миннархоз), переименованное в Министерство промышленности и торговли ТНР 1 июня 1933 г. (там же: 52–53);

— 31 декабря 1931 г. — Министерство животноводства и земледелия ТНР (Минживзем) (Путеводитель ..., 2012: 51). Динамика поголовья скота за период с 1921 по 1944 гг., а также структура посевных площадей ТНР рассмотрена Г. Ф. Балакиной и А. Д. Бегзи (Балакина, Бегзи, 2016: 98, 103, Электр. ресурс).

— декабрь 1932 г. — Советско-тувинское акционерное общество «Совтувтранс», преобразованное в апреле 1941 г. в Тувтранс (Путеводитель ..., 2012: 53);

— 1935 г. — Главное управление горной промышленности при Совете Министров ТНР (там же: 52);

— с середины 1935 г. вводится тувинская национальная валюта — акша (монеты с номиналами 1, 2, 3, 5, 10, 15 и 20 копеек; бумажные дензнаки с номиналами 1, 3, 5, 10 и 25 акша) (Бичелдей, 2009: 19).

За 21 год развития Тувинской Народной Республики произошли кардинальные перемены в жизни традиционного тувинского общества, отразившиеся в политической системе, социаль-

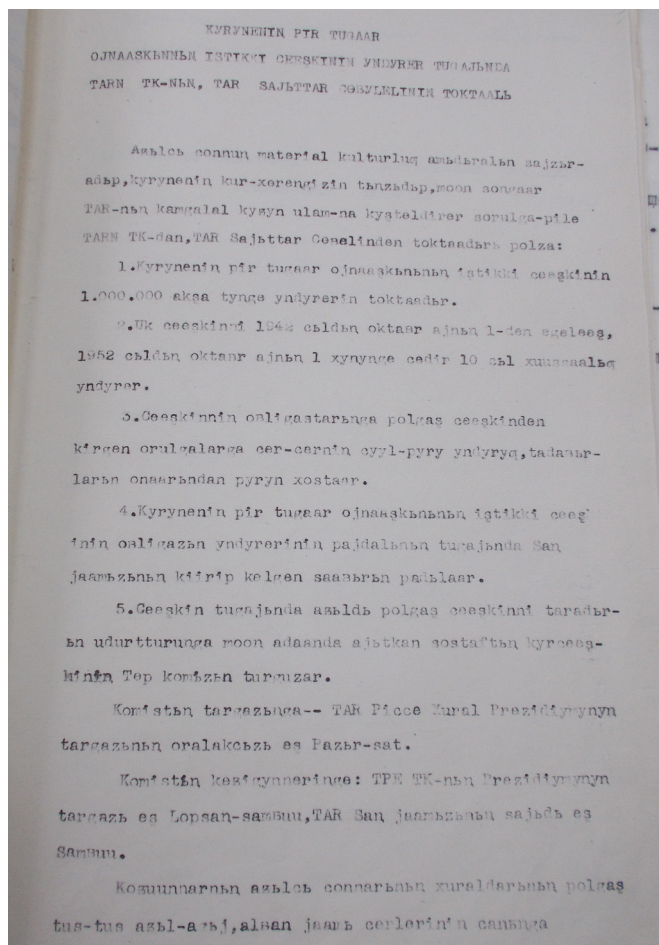

Фото 1. «Курүненин пир тугаар ойнааскэһһэн истикки ceeskinin undyrer tugajьнда TARN TK-нэн TAR Sajьttar cobulelinin toktaalь» (проект Постановления Совета Министров ТНР о ходе размещения первого государственного внутреннего выигрышного займа ТНР) от 10 сентября 1942 г. (Государственный архив РТ. Ф. 113, оп. 1, д. 122, л. 10).

Photo 1. «Курүненин пир тугаар ойнааскэһһэн истикки ceeskinin undyrer tugajьнда TARN TK-нэн TAR Sajьttar cobulelinin toktaalь» (Draft resolution of People's Republic of Tuva's (PRT) Cabinet of Ministers on the placement of internal loan in the PRT, September 10, 1942 (State Archives RT, F. 113, op. 1, d. 122, l. 10).

но-экономическом и культурном устройстве, зафиксированные в статических данных «Паспорта», составленного на 1 октября 1944 г. (Харунова, 2010: 159).

Масштабы происходивших государственных преобразований влекли за собой изменения во всех сферах жизнедеятельности, в том числе шло формирование нового делового стиля языка, неотъемлемой частью которого стала экономическая составляющая.

Экономические термины в документах Тувинской Народной Республики

На примере ряда основных государственных и официальных документов и публикаций, приведённых ниже, рассмотрим интересующий нас вопрос об экономических терминах и понятиях периода ТНР:

1) «Kyrynenin alban organizas a/a cerleri pottarǵnǵn orulga sarǵgazǵnǵn oc-cot tynnelderin kǵǵp turarǵnǵn tugajǵnda TAR Sajǵttar cobulelinin toktaalǵ» от 11 августа 1939 г. (Постановление Совета министров ТНР об отчетах государственных организаций по исполнению своих доходов и расходов) (ГА РТ. Ф. 113, оп. 1, д. 122, л.л. 160–163);

2) «Koskyn connu suurzun paidalga kiirerinin tugajǵnda TAR Sajǵttar cobulelinin polgas TARN TK-nǵn toktaalǵ» от 27 декабря 1939 г. (Постановление Совета Министров ТНР и ЦК ТНРП о переводе кочевых аратских хозяйств на оседлость) (ГА РТ. Ф. 113, оп. 1, д. 122, л.л. 198–199);

3) «Assignas № 592» от 12 ноября 1940 г. (Ассигнация № 592) (ГА РТ. Ф. 113, оп. 1, д. 54, л. 57);

4) «Tuzaal. Tǵba Arat Respubliktǵn Sajǵttar cobuleli» от 9 декабря 1940 г. (Постановление Совета Министров ТНР) (ГА РТ. Ф. 113, оп. 1, д. 122, л. 164);

5) «TAR-nǵn istinde aksa ergildezinin surumu» от 2 мая 1942 г. (Правила по денежному обращению в ТНР) (ГА РТ. Ф. 113, оп. 1, д. 122, л. 65);

6) «Kyrynenin pir tugaar ojnaaskǵnǵn istikki ceeskinin undyrer tugajǵnda TARN TK-nǵn TAR Sajǵttar cobulelinin toktaalǵ» от 10 сентября 1942 г. (Постановление Совета Министров ТНР о ходе размещения первого государственного внутреннего выигрышного займа ТНР) (ГА РТ. Ф. 113, оп. 1, д. 122, л. 10);

7) «Kodee connun tǵbǵstǵ orulgazǵnga kodee azǵl-agǵjǵnǵn polgas kulturnun undyryglerin onaar tugajǵnda TAR Picce Xural Prezidiymunyn carǵǵ» от 23 июля 1943 г. (Указ Президиума Малого Хурала ТНР «О сельхозналоге и культналоге на неземледельческие доходы сельского населения») (ГА РТ. Ф. 113, оп. 1, д. 122, л. 55 оборот).

8) «Kodee connun cer azǵlǵndan angǵda tǵbǵstǵ orulgalarǵndan kodee azǵl-agǵjǵnǵn polgas kulturnun undyryglerin tǵrttar curumunun tugajǵnda TAR San jaamǵzǵnǵn saabǵǵ» (Инструкция Министерства финансов ТНР «О порядке

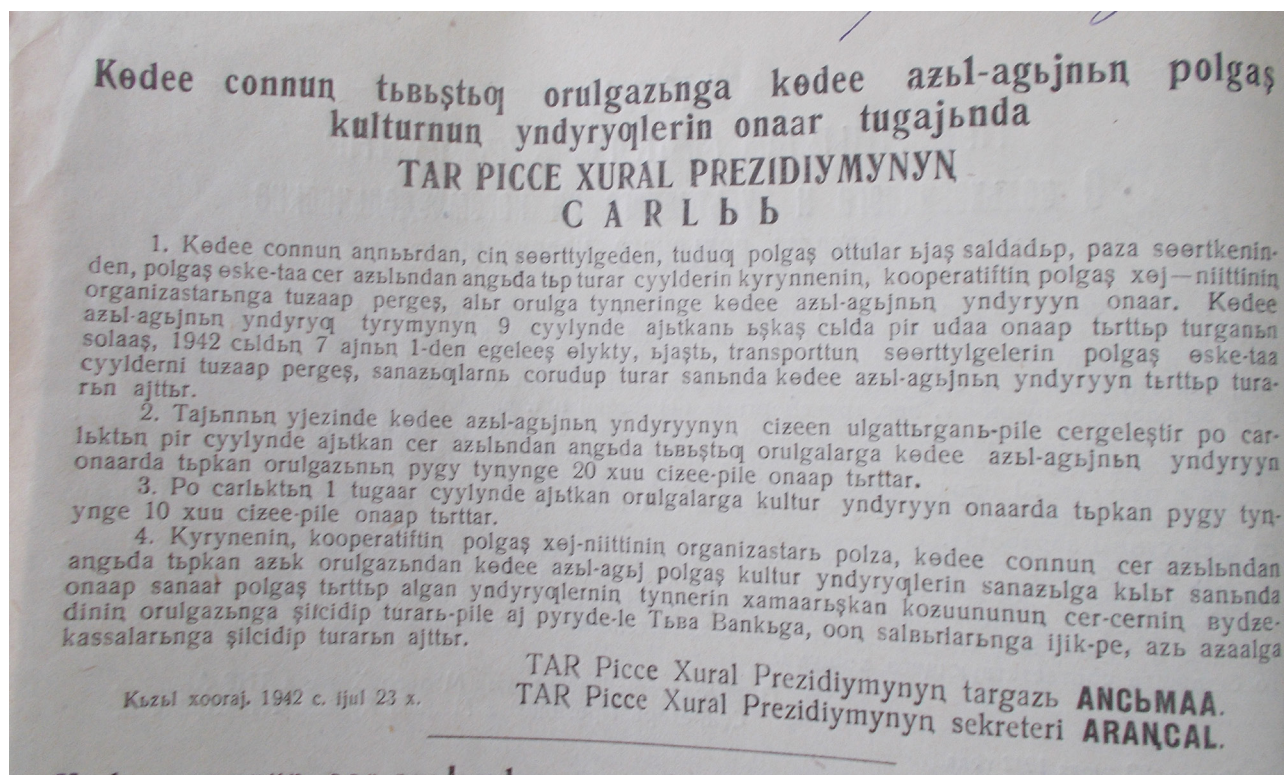

Фото 2. «Kodee connun tǔvǔstǔg orulgazǔnga kodee azǔl-agǔjǔnǔn polgǔs kulturnun undyryǔlerin onaar tugajǔnda TAR Picce Xural Prezidiymunyn carlbǔ» (Указ Президиума Малого Хурала ТНР «О сельхозналоге и культурналоге на неземледельческие доходы сельского населения») от 23 июля 1943 г.

(ГА РТ, Ф. 113, оп. 1, д. 122, л. 55 оборот).

Photo 2. «Kodee connun tǔvǔstǔg orulgazǔnga kodee azǔl-agǔjǔnǔn polgǔs kulturnun undyryǔlerin onaar tugajǔnda TAR Picce Xural Prezidiymunyn carlbǔ» (A decree of the Presidium of the PRT Small Khural “On the agricultural and cultural tax on non-agricultural income of the rural population”, 23 July 1943

(State Archives RT, F. 113, op. 1, d. 122, l. 55r).

удержания сельхозналога и культурналога с неземледельческих доходов сельского населения») (ГА РТ, Ф.113, оп.1, д.122, л.55 оборот);

9) «Rezolus» (Резолюция) (дата не установлена) (ГА РТ, Ф. 95, оп. 1, д. 71, л. 14).

Изучение этих документов позволяет условно разделить экономические термины рассматриваемого периода на три группы: 1) тувинские термины и понятия; 2) русско-тувинские и тувинско-русские комбинированные термины и понятия; 3) тувинизированные русские термины и понятия.

Рассматривая эти группы по порядку, мы будем приводить написание слов на русском языке, затем на тувинском языке на основе латинской графики, которая применялась в Туве с 1930 по 1941 год, и дадим их транслитерацию на современной тувинской письменности, основанной на кириллице.

В государственных документах периода Тувинской Народной Республики большое количество экономических терминов на тувинском языке. Например, такие как:

- *деньги, денежные средства*: Aksa mongyn — акша мөңгүн; Aksa xorengi — акша хөреңги;
- *финансы*: San-xoo — саң-хөө;
- *ответственность*: Ee харъssalga — ээ харыссалга;
- *задолженность*: Ore-sire — өре-шире;
- *кочевничество*: Koskyn coruk — көшкүн чорук;
- *листок*: Xuudus — хуудус;
- *служащие, государственные служащие*: Alban хааксъттар — албан-хаак-чыттар;
- *товары, товарная продукция*: Paraan суулу — параан чүүлү;
- *оборудование, имущество*: Xer-xerekselder — хер-херекселдер;
- *сельское хозяйство*: Kodee азъл-агъј — көдээ ажыл-агый;
- *пушнина*: Olyk — өлүк;
- *сплав дров для отопления*: Ottular ъjas saldadъгъ — оттулар ыйаш салдадыры;
- *семьи*: Og-pyleler — өг-пүлелер;
- *налог*: Ynduryg — үндүрүг;
- *транспортировка товаров, извоз*: Cin soorttylgezi — чин сөөрттүлгези;
- *пушнина и сырьё*: Olyk bolgas cig et — өлүк болгаш чиг эт;
- *частное хозяйство*: Хуу азъл-агъј — хуу ажыл-агый.

Некоторые термины, например, такие как *албан* и *үндүрүг* сложились исторически задолго до образования ТНР. В фундаментальном исследовании В. И. Дулова “Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в.” 1956 г. этим двум понятиям посвящены специальные разделы. *Албан*, соответствующий русскому ясаку, пишет автор, собирался с населения китайскими властями только пушниной, никакие другие продукты хозяйства или деньги не принимались в уплату албана (Дулов, 1956: 215). *Ундүрүг* (написание В. И. Дулова) — поборы в пользу нойнов. Размер его не был установлен, поэтому ундүрүг был одной из самых разорительных повинностей. *Ундүрүг* собирали пушниной, скотом, кожей и другими продуктами скотоводства (там же: 222). О таком же распределении податей пишет А. А. Турчанинов. По его наблюдениям, ту часть податей, которая шла на “имперские расходы” урянхи называли албан, а ту, которая шла на расходы своей страны — называли “астак” или “ундрю” (Турчанинов, 2009: 91).

В связи с происходившими экономическими преобразованиями, о которых речь шла выше, появлялись и совершенно новые экономические понятия. На наш взгляд, следующие термины скорее всего были введены в годы ТНР.

Например, связанные с банковской системой:

- **текущий счёт (в банке):** Agar san — агар сан;
- **государственные денежные средства:** Кур хөренгизи — күр хөрөңгизи;
- **расплата:** Ore-samcъgdal — өре-самчыгдал;

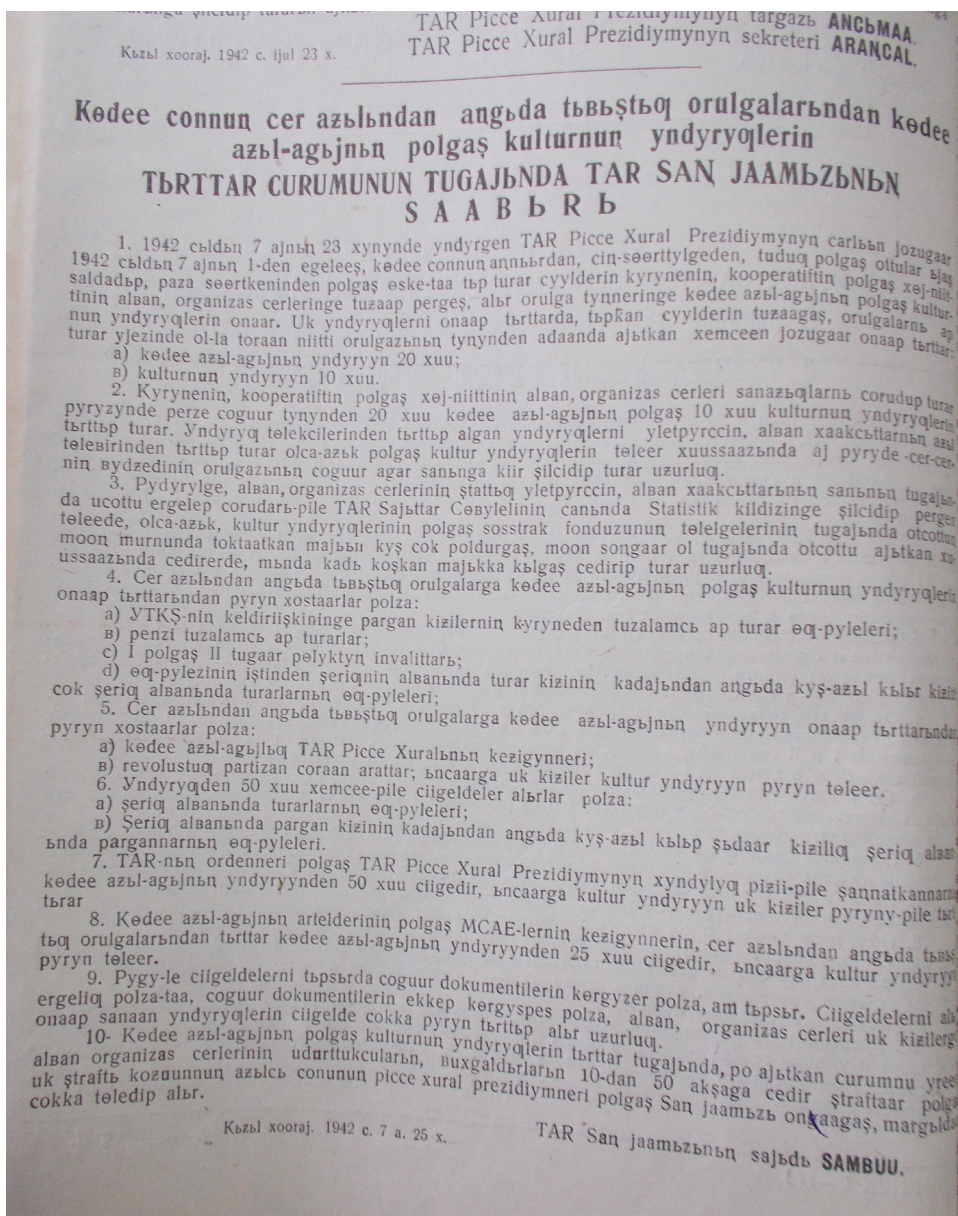

Фото 3. «Kodee connun cer azylъndan angъda tьbъstъg orulgalаръndan kodee azyl-agъjnъn polgas kulturнуn yndyryglerin tьrttar curumunun tugajъnda TAR San jaamъzъnъn saabъrъ» (Инструкция Министерства финансов ТНР «О порядке удержания сельскохозяйного и культурного с неземледельческих доходов сельского населения») (ГА РТ, Ф.113, оп.1, д.122, л.55 оборот).

Photo 3. «Kodee connun cer azylъndan angъda tьbъstъg orulgalаръndan kodee azyl-agъjnъn polgas kulturнуn yndyryglerin tьrttar curumunun tugajъnda TAR San jaamъzъnъn saabъrъ» (Circular letter of the PRT Ministry of Finance “On the procedure of deducing the agricultural and cultural tax on non-agricultural income of the rural population”) (State Archives RT, F. 113, op.1, d.122, l.55r).

- **счетоводы**: Sanakşylar — санакчылар;
- **взаиморасчёты**: Sanazylganъ — санажылганы;
- **финансовые правила**: San-xoonyн сугуми — саң-хөөнүң чуруму;
- **юстиция**: Суугу сери — шүүгү чери.

Перевод аратов на оседлость¹ также способствовал появлению соответствующих терминов:

- **оседлый, оседлость**: Suurzun — сууржун;
- **состояние оседлости и полуседлости**: Suurzun polgas carttък suurzun pajdal — сууржун полгаш чарттык сууржун пайдал;
- **действительная оседлость**: Jozulug suurzaannъ — йозулуг сууржаанны.

Развитие новых отраслей экономики не могло не получить свое непосредственное отражение в тувинском языке. В архивных документах используются такие понятия, как:

- **промышленное производство**: Yletpyr-pudyrylge — үлетпүр-пүдүрүлге;
- **государственное предприятие**: Ulustun pydyrylgezi — улустун пүдүрүлгези;
- **потребительская кооперация**: Xereglел кооперазы — хереглел кооперазы;
- **предприятия бытового обслуживания (баня, прачечная, парикмахерская)**: Амъдырал хандыргыланън серлери (сунар разън, херсиур, paas тааргы)
- **амыдырал хандырылганың черлери** (чунар пажың, хепчуур, пааш таарыр);
- **зрелищные предприятия (кино, театр, спектакль)** — Korgyzyg серлери (kino, teatr, ojun-sii) — көргүзүг черлери (кино, театр, ойун-шии);
- **оплата, расчёт**: Tolebir — төлевир;
- **проект**: Tozebilel — төзевилел;
- **торговые сети**: Sadъg cetkileri — садыг четкилери;
- **заготовители**: Peletkelciler — пелеткелчилер;
- **перевозка**: Soorttulge — сөөрттүлге;
- **рабочие**: yletpyrccin-үлетпүрччин;
- **торговый представитель**: Sadъg төleezi — садыг төлээзи;
- **(конкретный) рабочий, разнорабочий**: Tus-tus азълсън-тус-тус ажылчын.

О значительной роли частной собственности в экономике ТНР свиде-

¹ Происходивший в середине XX века на основе коллективизации процесс перехода аратов-кочевников на оседлость и его роль в дальнейшем экономическом и культурном развитии Тувы специально рассмотрен Л. В. Гребневым (Гребнев, 1955: 100).

тельствует целый ряд терминов и словосочетаний:

- **частники**: Хуу кизилер — хуу кижилер;
- **частное хозяйство**: Хуу азыл-агы — хуу ажыл-агый;
- **частные торговцы**: Хуу садьгзылар — хуу садьгжылар;
- **частное предпринимательство**: Амь хуу азыл-агы — амы хуу ажыл-агый;
- **частники сельского хозяйства**: Хуузу көдөө азылдыглар — хуужу көдөө ажылдыглар.

Совершенно новым для тувинского государства было понятие государственного бюджета и связанных с ним слов. Приведем некоторые из них:

- **денежный оборот**: Акса эргилдези — акша эргилдези;
- **правила денежного обращения**: Акса эргилдезинин сурumu — акша эргилдезинин чурumu;
- **денежные поступления (налоги, взносы, взыскания, членские взносы)**: Акса кирилгелери (yndyrygler, tadьbьrlar, siitkelder, kezigyn tadьbьrlarь) — акша кирилгелери (үндүрүглер, тадывырлар, шииткелдер, кежигүн тадывырлары);
- **расчеты не наличными деньгами, а безналичным порядком**: Акса роду-pile ebes silcilge сurumu-pile sanazьrь — акша поду-пиле эвес шилчилге чурumu-пиле санажыры;
- **мелкие расходы**: Аар-saar сарьlgalar — аар-саар чарылгалар;
- **денежные средства**: Акса хоренгилер — акша хөреңгилер;
- **соблюдение установленной очередности**: Toktaatkan eelseen парьmdaa-laarь — токтааткан ээлчээн парымдаалаары;
- **безналичный расчёт**: Silcilge сurumu — шилчилге чурumu;
- **лимит**: Хемсеези — хемчээзи;
- **расчеты**: Sanazьglar — санажыглар.

Очень интересные термины сохранились в Постановлении Совета Министров ТНР о ходе размещения первого государственного внутреннего выигрышного займа (ГА РТ. Ф. 113, оп. 1, д. 122, л. 10):

- **внутренний займ (заём)**: Istikki seeskin — иштиikki чээшкин;
- **фонды (госсредств)**: Кур-хоренги — күр-хөреңги;
- **государственные фонды (госсредства)**: Курьnenin кур-хоренгизи — күрүнениң күр-хөреңгизи;
- **госзайм**: Курсееskin — күрчээшкин;
- **доход, прибыль**: Орulga — орулга;

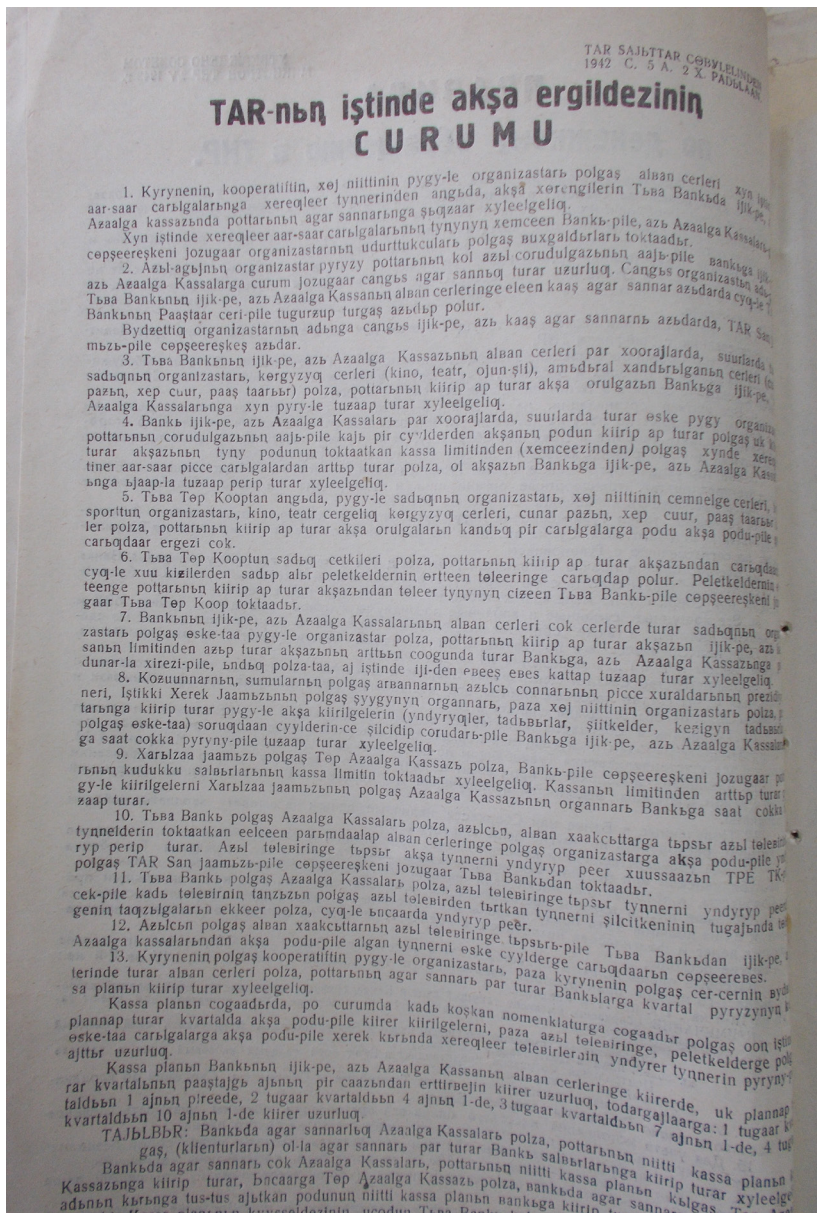

Фото 4. «TAR-нѣн иштеде акша ергилдезинин суруми» (Правила по денежному обращению в ТНР) от 2 мая 1942 г. (ГА РТ. Ф. 113, оп. 1, д. 122, л. 65).

Photo 4. «TAR-nѣn istinde aksa ergildezinin surumu» (Rules of money circulation in the PRT), 2 May 1942. (State Archives RT, F. 113, op.1, d.122, l. 65).

— **выигрыш**: Ойнаашкѣн — ойнаашкын;

— **займ (заѣм)**: Сее-скин — чѣэшкин;

— **краткосрочный займ**¹: Къска болчагыг сеели — кыска болчагыг чѣэли.

Как видно из архивных документов, система **налогов** также регулировалась специальными терминами, например:

— **сельскохозяйственный налог**: Kodee азълагънѣн ундыруу — кѣдѣэ ажыл-агыйнѣн ундѣруу;

— **доход, прибыль**: Олса-азък — олча-ажык;

— **налогоплательщики**: Ундыруг толекчилери — ундѣруг тѣлекчилери;

— **взымание**: Онаар тѣрттаръ — онаап тѣрттары;

— **расчеты и удержанные суммы налогов**: Онаар sannar polgas тѣрттѣр алган ундыруглер — онаап саннар полгаш тѣрттѣп алган ундѣруглер;

— **инструкция**: Саабър — саавыр;

— **налог**: Ундыруг — ундѣруг;

¹ В 1942 и 1943 годах правительство ТНР выпустило государственные внутренние выигрышные займы. В 1943 г. на средства, собранные с населения и выделенные из государственного бюджета Республики, была куплена и передана Красной Армии авиаэскадрилья “Тувинский народ — фронту” в составе десяти боевых самолетов (Иезуитов, 1956: 124).

— **удержанная сумма с плательщиков налогов:** Undyryg tolekchilerinden тырттыр алган undyrygler — үндүрүг төлекчилеринден тырттып алган үндүрүглер;

— **скидки:** Ciigeldeler — чиигелделер;

— **государственная помощь, государственное пособие:** Kyrynedен tuzalamcъ — күрүнеден тузаламчы.

Ко второй группе можно отнести термины, образованные из сочетания русских и тувинских слов. Например:

— **банковский текущий счёт:** Bankъda agar san — банкыда агар сан;

— **государственный экономический план:** Kyrynenin ekonom planъ — күрү-нениң эконом планы;

— **государственный бюджет:** Kyryne bydyzeti — күрүне бүдүжети;

— **национальный бюджет:** Curt bydyzeti — чурт бүдүжети;

— **государственная типография:** Kyrtipograf — күртипограф;

— **государственная база технического снабжения:** Kyр technigtig хандъргьга ceri — күр техниктиг хандырылга чери;

— **сметный проект:** Smet tozebileli — смет төзевилели;

— **экономия:** Ekonom kamnalga — эконом камналга;

— **ценные материалы:** Orttektig materialdar — өртектиг материалдар;

— **сырьевая экономика:** Et-ekonom — эт-эконом;

— **расходы по смете:** Smettig carъlgalar — сметтиг чарылгалар;

— **кассовый лимит:** Kassa limiti (хемceezi) — касса лимити (хемчээзи);

— **подотчетные лица:** Pot otcottug kiziler — пот отчоттуг кижилер;

— **облигации займа:** Ceeskinin obligastarъ — чээшкин облигастары;

— **пенсионная помощь:** Penzi tuzalamcъ — пензи тузаламчы;

— **получатели пенсионной помощи, пенсионеры:** Penzi tuzalamcъ ар turarlar — пензи тузаламчы ап турарлар;

— **транспортные перевозки:** Trasporttun soorttulgelери — транспорттуң сөөрттүлгелери;

— **соответствующие документы:** Coguur dokumentiler — чогуур доку-ментилер;

— **ввоз импортных товаров:** Import paraan сөөрттүлгеzi — импорт параан сөөрттүлгези;

— **кустарные промыслы:** Kustъвьъс — кустывыш;

— **система кустарных промыслов:** Kustъвьъс евилелинин sistemi — кустывыш эвилелиниң системи;

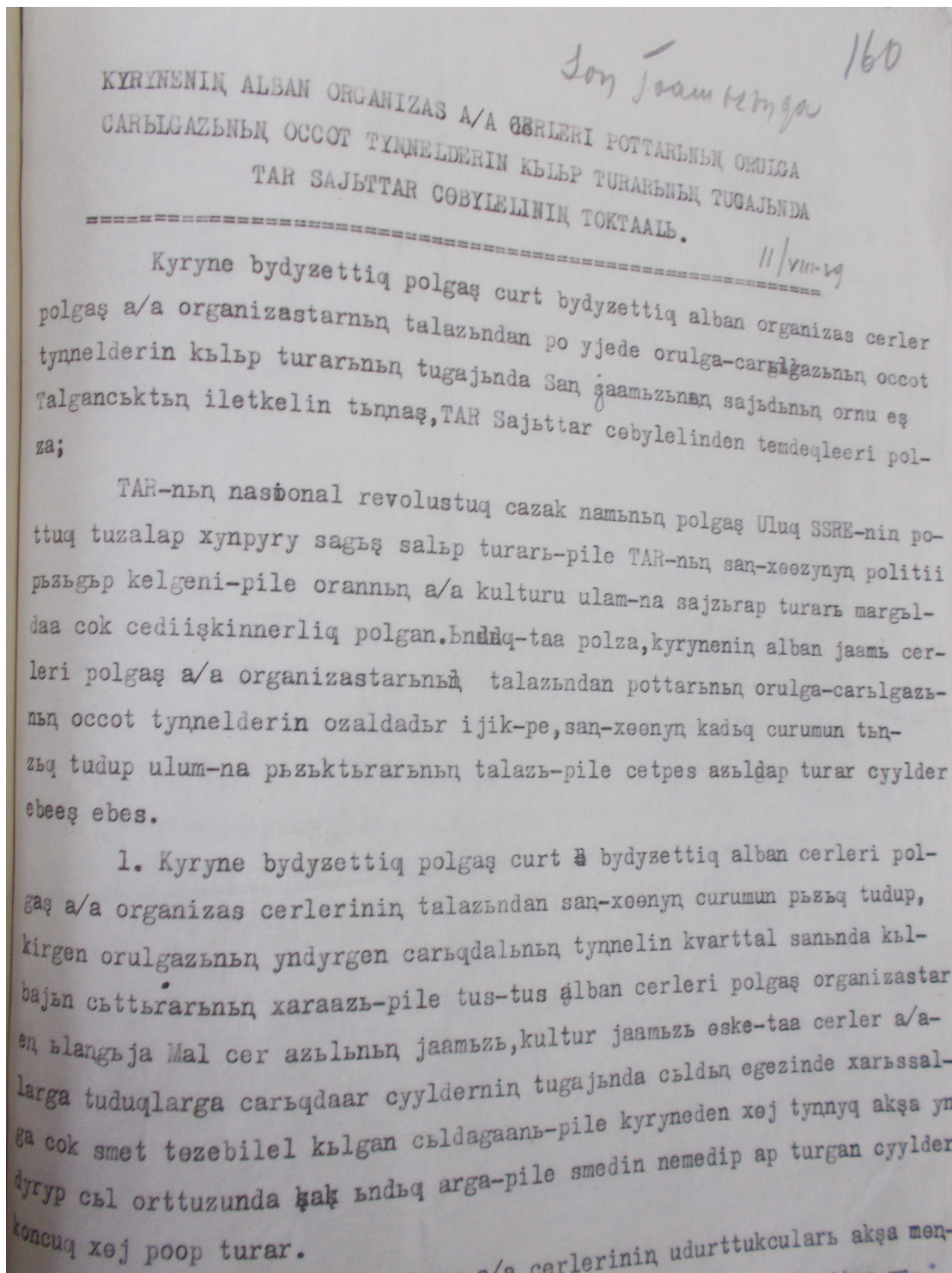

Фото 5. «КурҮненин албан организас а/а серлери поттарынын орулга сарылгазынын оссот тыннелдерин кылыр турарынын тугајында ТАҢ Сајыттар сөбулелинин токтаалъ» от 11 августа 1939 г. (фрагмент проекта Постановления Совета министров ТНР об отчетах государственных организаций по исполнению своих доходов и расходов», ГА РТ. Ф. 113, оп. 1, д. 122, л.л. 160–163).

Photo 5. «КурҮненин албан организас а/а серлери поттарынын орулга сарылгазынын оссот тыннелдерин кылыр турарынын тугајында ТАҢ Сајыттар сөбулелинин токтаалъ» (An excerpt from a draft resolution of the PRT Cabinet of Ministers on the income and expenditure reports by the state-run organization of August 11, 1939; State Archives RT, F. 113, op. 1, d. 122, ll. 160–163).

— **главный бухгалтер**: Kol bugaldyr — кол бугалдыр.

Многие названия учреждений и организаций также образованы путем сочетания русских и тувинских слов, например:

— **Тувинский торгово-промышленный банк**: Tьva sadьg yletpyr bankъzь — Тыва садыг-үлетпүр банкызы;

— **комитет по делам оседлости**: Suurzun komitedi — сууржуң комитеди;

— **Центральная сберегательная касса**: Top Azaalga kassazь — Төп ажаалга кассазы;

— **Управление Тувинского банка**: Tьba Bankъпъп pastaar seri — Тыва Банкының паштаар чери;

— **Тувинцекооп**: Tьba Top Коор — Тыва Төп Кооп;

— **торговые сети Тувинцекоопа**: Tьba Top Кооптун sadьg cetkileri — Тыва Төп Кооптун садыг четкилери;

— **центральная комиссия госзаймов**: Kyrceeskinnin Top komizi — күрчээшкінниң Төп комизи;

— **сельскохозяйственные артели**: Kodee azьl-agьjпъп artelderi — көдээ ажыл-агыйның артелдери.

К третьей группе экономических терминов, можно отнести тувинизированные русские слова такие как:

— **ассигнация**: Assignas — ассигнас;

— **арбитражные комиссии**: Arbitras komistarъ — арбитраш комистары; Arbitras komizi — арбитраш комизи;

— **баланс**: Balanzazь — балансазы;

— **отчёт**: Oscot — оччот;

— **электростанция**: Elektri stanzь — электри станзы;

— **бухгалтер**: Bugaldyr — бугалдыр;

— **клиентура**: Klienturlar — клиентурлар;

— **номенклатура**: Nomenklatur — номенклатур;

— **учёт**: Ucot — учот;

— **планово-экономическая комиссия**: Ekonom-plan komizi — эконом-план комизи;

— **облигация**: Obligas — облигас;

— **соцстрах**: Sosstrak — сосстрак;

— **фонд соцстраха**: sosstrak fonduzu — сосстрак фондузу;

- **национальная валюта**: Nasional valut — национал валют;
- **система**: Sistem — систем.

Единичные термины русского языка употреблялись в том же значении без каких-либо изменений, например:

- **кредит**: Kredit;
- **квартал**: Kvartal;
- **чек**: Cek.

Заключение

Таким образом, бурное экономическое развитие Тувинской Народной Республики способствовало формированию нового делового стиля тувинского языка, включавшего также и специальные экономические термины. Новые явления в обществе обозначались как уже бытовавшими в обиходе тувинскими словами, так и совершенно новыми, образованными по аналогии с русскими терминами и понятиями, например, такими как **текущий счёт (в банке)**: Agar san — агар сан. Использовались и комбинированные русско-тувинские и тувинско-русские термины, а также тувинизированные русские термины и понятия.

Как известно, полученная информация из архивных документов применяется в культурных, научных, политических, экономических и других целях. Познавательный потенциал документов из фондов ТНР как источника для анализа становления и развития экономики и финансов того времени еще не исчерпан и может стать основой дальнейших научных исследований.

На наш взгляд, экономические термины с архивных полок можно было бы использовать и постепенно вводить в страницы республиканских документов сегодняшнего дня, тем самым расширяя границы современного тувинского делового языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аранчын, Ю. Л. (1982) Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск : Наука. 337 с.

Балакина, Г. Ф., Бегзи, А. Д. (2016). Экономика Тувы: возможные стратегии развития / отв. ред. Ю. Г. Полулях. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 380 с. [Электронный ресурс] // ИПЦ. URL: http://ipc-publisher.ru/monographs.aspx?id_mn=27 (дата обращения: 12.03.2018).

Бичелдей, К. А. (2009) Денежная реформа ТНР 1925–1940 гг. — банкноты и монеты Тувы как предмет нумизматики (по фондовым материалам Национального музея Республики Тыва) // Наследие народов Центральной

Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование. Материалы научно-практической конференции, г. Кызыл, 9–10 сентября 2009 г. : в 2-х ч. / сост. У. Б. Нурзат. Кызыл : КЦО «Аныяк». Ч. 1. 199 с. С. 18–26.

Гребнев, Л. В. (1955) Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 100 с.

Дулов, В. И. (1956) Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в. М. : Издательство Академии наук СССР. 608 с.

Иезуитов, В. М. (1956) От Тувы феодальной к Туве социалистической. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 208 с.

История Тувы (2007): в 3 т. / под общ. ред. В.А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. 2. 430 с.

История Тувинской Народной Республики в архивных документах. 1921-1944 гг. (2011). Новосибирск : Сибирское книжное издательство. 312 с.

Путеводитель по фондам Государственного архива Республики Тыва (2012). 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Сибирское книжное изд-во. 460 с.

Турчанинов, А. А. (2009) Урянхайский край в 1915 году. Кызыл : Тываполиграф. 424 с.

Харунова, М. М.-Б. (2010) «Паспорт» Тувинской автономной области как исторический источник // Ученые записки ТИГИ. Вып. XXII. Кызыл : Тываполиграф. 504 с. С. 159-167.

Экономика Тувинской АССР (1973) / ред. коллегия: С. В. Клопов (отв. ред.) [и др.]. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 377 с.

Дата поступления: 12.03.2018 г.

REFERENCES

Aranchyn, Iu. L. (1982) *Istoricheskii put' tuvinskogo naroda k sotsializmu [The historical path of the Tuvan people to socialism]*. Novosibirsk, Nauka, 337 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Begzi, A. D. (2016). *Ekonomika Tuvy: vozmozhnye strategii razvitiia [The economy of Tuva: possible strategies of development]*. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 380 p. (In Russ.).

Bicheldei, K. A. (2009) Denezhnaia reforma TNR 1925–1940 gg. — banknoty i monety Tuvy kak predmet numizmatiki (po fondovym materialam Natsional'nogo muzeia Respubliki Tyva) [The Money reform of the Tuvan People's Republic 1925-1944 - banknotes and coins of Tuva as a subject of numismatics (in the collections of The National Museum of the Republic of Tuva)]. In: *Nasledie narodov Tsentral'noi Azii i sopredel'nykh territorii: izuchenie, sokhranenie i ispol'zovanie. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Kyzyl, 9-10 sentiabria 2009 [A heritage of the people*

of Central Asia and adjacent territories: research, preservation and use» (September 9-10, 2009, Kyzyl)] : in 2 vol. Vol 1. / ed. by U. B. Nurzat. Kyzyl, KTSO «Anyiak». 199 p. Pp. 18-26. (In Russ).

Grebnev, L. V. (1955) *Perekhod tuvinskikh aratov-kochevnikov na osedlost'* [The transition of Tuvan herdsmen to sedentary life]. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 100 p. (In Russ.).

Dulov, V. I. (1956) *Sotsial'no-ekonomicheskaiia istoriia Tuvy. XIX — nachalo XX v.* [The socio-economic history of Tuva. XIX — early XX centuries]. Moscow, Akademia nauk SSSR Publ. 608 p. (In Russ.).

Iezuitov, V. M. (1956) *Ot Tuvy feodal'noi k Tuve sotsialisticheskoi* [From feudal Tuva to socialist Tuva]. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 208 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History of Tuva] (2007): in 3 vols. /ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka Publ. Vol. 2. 430 p. (In Russ).

Istoriya Tuvinskoii Narodnoi Respubliki v arhivnykh dokumentakh 1921-1944 gg. [The History of the Tuvan People's Republic in archival documents 1921-1944] (2011). Novosibirsk, Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 312 p. (In Russ.).

Putevoditel' po fondam Gosudarstvennogo arkhiva respubliki Tyva [The guide to the collections of the State Archives of the Republic of Tuva] (2012). 2nd ed. Novosibirsk, Sibirskoe knizhnoe izd-vo. 460 p. (In Russ).

Turchaninov, A. A. (2009) *Uriankhaiskii krai v 1915 godu* [The Uryankhay region in 1915]. Kyzyl, Tyvapoligraf. 424 p. (In Russ.).

Kharunova, M. M.-B. (2010) «Pasport» Tuvinskoii avtonomnoi oblasti kak istoricheskii istochnik [The “Passport” of the Tuva Autonomous Region as a historical source]. In: *Uchenye zapiski*. Vol. XXII. Kyzyl, Tyvapoligraf. 504 p. Pp. 159–167. (In Russ.).

Ekonomika Tuvinskoii ASSR [The economy of Tuvan ASSR] (1973). Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 378 p. (In Russ.).

Submission date: 12.03.2018.

Для цитирования:

Харунова М. М.-Б. Экономические термины в документах Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/775> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2018.2.9

For citation:

Kharunova M. M.-B. Economic terminology in the documents of the People's Republic of Tuva (1921–1944). *The New Research of Tuva*, 2018, no. 2 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/775> (accessed: ...). DOI: 10.25178/nit.2018.2.9

DOI: 10.25178/nit.2018.2.10

ЛЕКСИКО- СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ КАЛМЫКОВ К ТРУДУ*

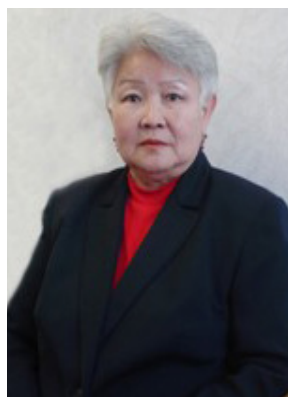
LEXICO-SEMANTIC AND PSYCHOLINGUISTIC ANALYSIS OF THE KALMYKS' ATTITUDES TO WORK

**Тамара С. Есенова,
Роза П. Харчевникова,
Галина Б. Есенова**

Калмыцкий государственный университет,
Российская Федерация

**Tamara S. Esenova,
Rosa P. Kharchevnikova,
Galina B. Esenova**

Kalmyk State University,
Russian Federation

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ (РГНФ), проект «Гендерный аспект картины мира калмыков и монголов», грант № 16-24-03002 / This work was supported by the grant of the Russian National Public Organization Project No. 16-24-03002 (the gender aspect of the picture of the world of Kalmyks and Mongols).

Есенова Тамара Саранговна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Тел.: +7 (847) 224-50-77. Эл. адрес: esenova_ts@mail.ru

Харчевникова Роза Пюрвеновна — доктор филологических наук, профессор кафедры калмыцкого языка и монголистики Калмыцкого государственного университета. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Тел.: +7 (847) 224-50-98. Эл. адрес: kharchevnikova_rp@kalmsu.ru

Есенова Галина Борисовна — магистрант кафедры русского языка и общего языкознания специальности «Филология» Калмыцкого государственного университета. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Тел.: +7 (847) 224-50-77. Эл. адрес: esenova_gb@kalmsu.ru

Esanova Tamara Sarangovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian language and General linguistics, Kalmyk State University. Postal address: 11 Pushkin St., Elista, 358 000, Russia. Tel.: +7 (847) 224-50-77. E-mail: esenova_ts@mail.ru

Kharchevnikova Roza Pyurvenovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Kalmyk language and Mongolian Studies, Kalmyk State University. Postal address: 11, Pushkin St., Elista, 358 000, Russia. Tel.: +7 (847) 224-50-98. E-mail: kharchevnikova_rp@kalmsu.ru

Esanova Galina Borisovna, Masters' student, Department of Russian language and General linguistics, Kalmyk State University. Postal address: 11, Pushkin Str., Elista, 358 000, Russia. Tel.: +7 (847) 224-50-77. E-mail: esenova_gb@kalmsu.ru

В статье представлен анализ отношения калмыков к труду, основанный на сочетании лексико-семантических и психолингвистических подходов. Рассматриваются языковые средства, связанные с концептосферой «труд», и результаты психолингвистического эксперимента авторов, проведенного в 2015 г.: анкетирование и сочинение. Респондентами выступили 100 чел. — жители 13 районов Калмыкии и г. Элисты, калмыки от 18 до 30 лет (младшая группа), от 60 до 80 лет (старшая группа). Материалы исследования вводятся в научный оборот впервые.

Языковым материалом выступили словари разных лет издания, откуда были выписаны все слова, обозначающие характеристики человека, мотивированные трудовой деятельностью. Также были проанализированы устойчивые обороты речи, выбранные методом сплошной выборки из лексикографических источников. Отмечено, что в калмыцком языке существует разнообразная лексика, передающая те или иные характеристики человека, которые складываются под влиянием разных обстоятельств, особенностей воспитания и проявляются в общении, в процессе трудовой деятельности, обуславливая определенную линию поведения человека. Особенности традиционной хозяйственной деятельности сформировали в калмыках такие черты характера, как старание, ответственность, прилежание, целеустремленность. Помимо этого, для калмыков характерны неспешность, планомерность, выносливость, непритязательность. Трудолюбие оценивается калмыками как добродетель, залог благополучия и достатка, понимается как морально необходимый вклад в благосостояние семьи, близких людей. Более высоко оценивается умственный, а не физический труд.

По результатам психолингвистического исследования выявлено, что современные калмыки не рассматривают традиционный скотоводческий труд как занятие, которому они хотели бы себя посвятить, что косвенно свидетельствует об ослаблении этнического компонента в сознании современных калмыков. Мнения информантов отражают изменения, которые произошли в сознании современных калмыков под влиянием социокультурных реалий.

Ключевые слова: калмыки; Калмыкия; психолингвистика; калмыцкий язык; экономическая культура; труд; традиция

The article presents the analysis of the Kalmyks' attitudes toward work, based on a combination of lexico-semantic and psycholinguistic approaches. The authors examine the language means associated with the concept sphere of "work", and present the outcomes of a psycholinguistic experiment conducted in 2015. The experiment included a survey and an essay authored by 100 respondents, residing in 13 rayons of Kalmykia and the city of Elista. All of them were ethnic Kalmyks belonging to either of the two age groups - 18 to 30 (juniors) or 60 to 80 (seniors). The experiment and its outcomes have never been published before.

Linguistically, the article makes use of a number of dictionaries published across the span of several decades, and of the labor-motivated attribute words found in these dictionaries. The authors have also analyzed set expressions selected out of lexicographic sources by means of continuous sampling. The Kalmyk language is rich in words describing various personal characteristics which arise under a number of circumstances or in the course of upbringing and appear in communication and work, informing the main behavior strategies. The specific features of their traditional economy made Kalmyks value diligence, responsibility, determination, endurance, regularity and unpretentiousness. Kalmyk culture sees industriousness as a virtue, a guarantee of prosperity and as a moral contribution to the well-being of the family and the loved ones. Intellectual labor is valued more than menial work.

According to the results of the psycholinguistic research, it is revealed that modern Kalmyks do not consider traditional cattle-breeding as an occupation to which they would like to devote themselves, which indirectly indicates the weakening of the ethnic component in the consciousness of modern Kalmyks. The opinions of informants reflect the changes that have occurred in the minds of modern Kalmyks under the influence of social and cultural realities.

Keywords: Kalmyks; Kalmykia; sociolinguistics; Kalmyk language; economic culture; work; tradition

Введение

В последние годы исследователи большое внимание уделяют культуре калмыков, рассматривая ее через язык калмыков, в частности концептам, которые позволяют хранить знание о мире и оказываются строительными элементами, «способствуя обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенные, выработанные обществом категории и классы» (Schwarz, 1999: 24). В настоящее время изучены базовые концепты «судьба», «душа» (Пюрбеев, 1999, 2000), «время», «пространство» и другие (Есенова, Карасик, Пюрбеев, 2009). Через изучение понятийного, образного и ценностного содержания концептов происходит постижение лингвокультуры этноса, т. к. превалирующие в обществе ценности составляют сердцевину культуры (Hofstede, 1980; Williams, 1968). Исследование ключевых концептов, этнического компонента в структуре лингвокультурных концептов способствует пониманию картины мира, формирующей представление народа об окружающей действительности (Taylor, 1995). В качестве доминанты калмыцкой лингвокультуры Ж. Н. Церенова предлагает рассматривать концепт «кочевье», который «представляет собой развернутую концептосферу с детальным обозначением в лексике, фразеологии, паремиологии скота, временных жилищ, ритуалов отправления в путь и остановки, это образ жизни народа, сохранившего и развившего древние умения скотоводства» (Церенова, 2005: 181).

Одной из актуальных проблем калмыковедения является экономическая культура, которая может рассматриваться с разных сторон, в разных аспектах, в том числе в проблематике установок, аксиологии труда и отношения к труду. Целью настоящей работы является исследование аксиологии труда калмыков, их отношения к труду. Будучи скотоводами, калмыки традиционно занимались экстенсивным кочевым скотоводством. Такой вид трудовой деятельности закладывал в калмыках определенные черты характера, в том числе неспешность, последовательность, планомерность, наблюдательность, а также выносливость, трудолюбие. Их и предлагается рассмотреть на материалах имеющихся лексикографических источников и данных психолингвистического опроса.

Материал и методика исследования

В калмыцком языке существует разнообразная лексика, передающая те или иные характеристики человека, которые складываются под влиянием разных обстоятельств, особенностей воспитания и проявляются в общении, в процессе трудовой деятельности, обуславливая определенную линию поведения человека. Они могут относиться, например, к труду (усердие, прилежание, лень, настойчивость и др.), людям (общительность, открытость, вежливость, сопереживание и др.), себе самому (высокомерие, самомнение,

тщеславие, эгоцентризм и др.), вещам (щедрость, аккуратность, скупость и др.). Эти свойства человека, являющиеся условиями его успешности в том или ином виде деятельности, могут быть базовыми (например, способность хорошо учиться) или специальными (например, художественный талант, литературная одаренность, музыкальный слух). Следовательно, изучение лексики, обозначающей соответствующую область деятельности и человека через трудовую активность, позволит определить осмысление образа калмыка в национальной картине мира. В связи с этим в работе использовались лексико-семантический и лингвокультурологический методы анализа. В качестве материала использовались лексические обозначения качеств человека, связанные с трудом, и данные психолингвистического эксперимента.

Исследование проводилось в два этапа. Вначале изучались лексические средства, обозначающие свойства человека через отношение к труду. С этой целью из лексикографических источников — словарей разных лет издания (Калмыцко-русский словарь, 1977; Русско-калмыцкий словарь, 1964; Калмыцко-монгольско-русский словарь, 1986; Калмыцко-русско-английский..., 2014; Манджикова, 2002; Хальмг келнэ синонимсин толь, 2002; Я изучаю калмыцкий ... , 2003; Позднеев, 1911; Смирнов, 1857; Kalmückisches Wörterbuch, 1935) были выписаны все слова, обозначающие характеристики человека, мотивированные трудовой деятельностью. Кроме того, для исследования аксиологии калмыков относительно труда были проанализированы устойчивые обороты речи, выбранные методом сплошной выборки из лексикографических источников (Тодаева, 2007; Оконов, 1980; Калмыцкие пословицы и загадки, 1982; Калмыцкие пословицы, поговорки и загадки, 1962; Котвич, 1972; Хальмг үлгүрмүд, 1960; Хальмг үлгүрмүд болн, 1960). Языковой материал исследования составил в общей сложности более 500 единиц (лексем, словосочетаний, паремий, входящих в семантическое поле «труд»).

Затем с целью определения оценки труда нашими современниками было проведено анкетирование в 2015 г. Анкета была разработана Т. С. Есеновой. Анкетирование и обработку данных анкет провели Р. П. Харчевникова и Г. Б. Есенова. Анкетированию подверглось более 100 человек — жители 13 районов Калмыкии и г. Элисты, все калмыцкой национальности. Наши респонденты имеют разные уровни образования, они представители двух возрастных групп: от 18 до 30 лет (младшая группа), от 60 до 80 лет (старшая группа). Выборки были соразмерны (по 50 человек обеих полов в каждой из групп).

В ходе эксперимента информантам было предложено назвать характеристики человека, связанные с трудовой деятельностью, средствами калмыцкого языка. Затем респондентам было предложено написать сочинение (проведено интервьюирование, цель которого заключалась в написании сочинения) на тему «Когда я думаю о трудолюбии калмыков, я вспоминаю...». Материалы хранятся в личном архиве авторов, вводятся в научный оборот впервые.

Лексико-семантический анализ средств, объективирующих трудолюбие в калмыцком языке

Анализ лексикографических источников и лексико-семантический анализ собранного языкового материала показал, что в калмыцком языке существует разнообразная лексика для обозначения свойств человека, связанных с трудовой деятельностью, в которой фиксируются разные свойства личности. Калмыки в первую очередь выделяют трудолюбивых (*көдлмиш* — ‘работящий’, *ажлач* — ‘трудолюбивый’, *көдлмиш тачалта күн* — ‘человек, любящий трудиться’) и ленивых (*аля* — ‘бездельник’, *хоома* — ‘ленивый, нерасторопный’, *нээдңиц* — ‘ленивый, нерадивый’, *залху* — ‘ленивый, лентяй, лодырь’, *залхуч* — ‘лентяй, лодырь, ленивый, нерадивый’). При этом делается различие между людьми, свободными, не занятыми делом (*чөлэтэ* — ‘свободный, незанятый’, *шаляг күн* — ‘легкомысленный человек, разгуливающий, праздный’, *хара күн* — ‘праздничный человек’, *ховха күн* — ‘неделовой человек’, *көдлдго күн* — ‘неработающий’), и, напротив, занятыми делом (*чөлэнго* — ‘несвободный, занятый’). Как видим, слов для обозначения отрицательных качеств человека по отношению к труду больше, чем слов, обозначающих трудолюбие.

Трудолюбие может быть охарактеризовано с позиций прилежания, качества, благодаря которому человек выполняет заданный объем работы. С этой точки зрения калмыки выделяют старательных (*килмһэ* — ‘старательный, прилежный, усердный’, *килмһэ көдлмч* — ‘старательный’, *килмжтэ* — ‘старательный, прилежный, усердный’, *кинэн* — ‘старательный, прилежный’, *чидрмалттэ* — ‘старательный, усердный’, *шилтңһу* — ‘усердный, сосредоточенный’) и нерадивых (*килмжго* — ‘нестарательный, неприлежный, неусердный’, *салңгар көдлдг күн* — ‘человек халатно относящийся к работе’). Трудолюбивый человек выполняет свою работу прилежно, с полной отдачей, на такого человека можно положиться. Для него характерны ответственность (*хэрүцл*), старание (*чирмэд*), прилежание (*килмж*, *кинэн*).

Трудолюбие, помимо желания заниматься любимым делом, подразумевает профессионализм, умение оптимально организовать труд. В ходе хорошо организованного труда в человеке вырабатываются такие качества, как планомерность (*төсвл*), методичность (*үртлж*).

С точки зрения развития трудовых навыков применительно к тому делу, которым занимается человек, выделяются умелые, ловкие (*чаддг* — ‘умеющий, способный, могущий’, *чадмг* — ‘умелый, ловкий, способный’, *чадмһа* — ‘способный, умелый’, *урн* — ‘мастеровой’, *һартан өөтэ күн* — ‘умелый человек’, *дамилтта күн* — ‘опытный в работе человек’, *дасврта күн* — ‘имеющий навык человек’) и неумелые, не способные к занятию (*чадшго* — ‘неспособный’, *чидвр уга* — ‘неспособный, неумелый’) люди.

Трудолюбие закладывает в человеке такие черты, как стремление к достижению результатов (*чирм*) и сознательно относиться к делу, которым занимаешься (*урмд*).

С точки зрения сноровки, которая проявляется при выполнении того или иного дела, калмыки различают неловких (*эв уга күн* — ‘неловкий, неповоротливый человек’, *эвго* — ‘неловкий, неуклюжий человек’) и умелых, сноровистых (*эвтэ* — ‘ловкий’) людей.

К порученному делу люди относятся ответственно (*күцэмтхэ күн* — ‘исполнительный’) либо безответственно (*күцэмт уга күн* — ‘неисполнительный’).

Калмыки подразделяют людей на тех, кто имеет квалификацию и занимается квалифицированным трудом (*мергжлтэ* — ‘квалифицированный’), и тех, у кого нет квалификации, кто занимается неквалифицированным трудом (*мергжлго* — ‘неквалифицированный, не имеющий специальности, профессии’, *хар көдлмштэ күн* — ‘человек, занимающийся неквалифицированным трудом, чернорабочий’).

С учетом возрастного фактора выделяют трудоспособных (*көдлх чадврта* — ‘трудоспособный’) и нетрудоспособных (*көдлх чадврго* — ‘нетрудоспособный’).

Кроме того, люди характеризуются по виду деятельности. Человек, занимающийся физическим трудом, оценивается как выносливый (*көдлмшт чиирг күн* — ‘выносливый человек’) и невыносливый (*көдлмшт чиирго күн* — ‘невыносливый человек’). Именно эта черта наиболее часто выделяется в литературе, описывающей калмыков. Здесь следует обратить внимание на то, что мы рассматриваем аксиологию труда в калмыцкой языковой картине мира через лексико-семантический анализ соответствующих слов. Интерес представляет и внешняя оценка трудолюбия калмыков, которая отражена в художественной литературе, публицистике, очерках путешественников и т. п. Так, П. С. Паллас, в 1769 г. совершивший поездку в калмыцкие кочевья, писал: «Все те народы, которые имеют своевольную, беспечную и степную жизнь, от природы склонны к праздности: но калмыки по их бодрому духу действительно могут назваться трудолюбивыми» (Паллас, 1773: 458). Эта характеристика П. С. Палласа, имевшего возможность сравнения калмыков с разными народами, в том числе кочевыми, весьма ценна. Не менее важно мнение Н. В. Гоголя, который отмечал: «<Калмык> силен: сила не надрывная, но неутомимая. Нанимаясь в Астраханской губернии для разъездов по волжским протокам, работают веслами несколько дней без отдыха, без пищи, против ветра и течения, солнца и комаров» (Гоголь, 2009: 36). Однако есть и противоположная точка зрения, согласно которой калмыки «апатичны, ленивы и беспечны» (Дуброва, 1998: 56).

В труде человек мужает как физически, так и нравственно. Благодаря трудолюбию человек приобретает такие черты характера, как активное отношение к жизни (*нүүрлгч, түрүлгч, хавшун, шунмһа*¹), инициативность (*һардлһн*), добросовестность (*сэн седклтә, чик седклтә*), увлеченность (*соньрхлһн, дурлһн, седклән тәвлһн, шунлт*).

С точки зрения качества произведенного в результате трудовой деятельности продукта выделяют бракоделов (*шагч*) и умелых, мастеровых (*урн*).

Большую группу образуют слова, обозначающие такую черту личности, как предприимчивость, находчивость, которые так же закладываются в человеке благодаря трудолюбию. Данная черта осмысливается как признак, характеризующий физические умения, навыки, способности: *арһта* — ‘предприимчивый, находчивый, умелый’, *зөрмг йовдл һарһх* — ‘находчивый, предприимчивый’, *олмһа* — ‘находчивый’, *уралһ* — ‘живой, ловкий, проворный’, *һавц* — ‘проворный, ловкий’, *һавшун күн* — ‘проворный человек’, находчивость, умение (как умственные способности); это способность быстро найти выход из затруднительного положения (*санархг* — ‘задумчивый, догадливый, размышляющий’, *сүвтә* — ‘находчивый, сметливый’). Находчивость, предприимчивость осмысливаются калмыками положительно: ни одно из рассмотренных обозначений не содержит отрицательной коннотации.

С точки зрения скорости выполнения действий калмыки выделяют людей, работающих медленно/быстро: *адһу күн* — ‘торопливый’, *аалжң* — ‘медленный’, *ношун* — ‘медлительный, вялый’, *шамдһа* — ‘расторопный, проворный, быстрый’. При этом положительно оценивается расторопность, проворность при выполнении дела. Резко отрицательно оцениваются те, которым свойственно проявление канители в работе. Соответствующее обозначение (*дашкаата күн* — ‘канительный, с причудами, каверзный’) содержит отрицательную коннотацию.

Итак, труд калмыцким сознанием осмысливается как осознанная деятельность человека, сопряженная с умственным или физическим усилием. Труд требует старания, напряжения сил, он утомляет. Последний признак объясняет отрицательную коннотацию значения словосочетания *хар көлстә көдлми* — ‘работа с черным потом’. Трудолюбие закладывает в человеке находчивость, предприимчивость, выносливость, усидчивость, ловкость, целеустремленность, прилежание, сознательность, расторопность и т. п.

Осмысление трудолюбия в паремии

Помимо словарных обозначений, определенным образом характеризующих человека через труд, были изучены устойчивые обороты речи — паремии, в которых в метафорической форме дается оценка характеристик человека, обусловленных трудом.

¹ Здесь и далее перечисляются термины — синонимы.

Анализ примеров паремии показывает, что справедливость, настойчивость, ответственность и усердие, которые закладываются в процессе трудовой деятельности и проявляются в ее ходе, особенно ценятся калмыками. Народное сознание однозначно положительно оценивает трудолюбивого человека: *Үг ярисни цецнэс үүл ажлһни урн дээр* — ‘Чем краснобай, лучше мастер дела’. Трудолюбие предполагает усидчивость: *Давс тэвхлэрт урстһнь, көдһми кехлэрт дуустһнь* — ‘Коль солить, так до растворения, коль делать, так до завершения’. Калмыцким сознанием особенно высоко оценивается трудолюбивый мужчина, и только труд рассматривается в качестве мерила его человеческих достоинств: *Модн темсэрт медгддг, күн кергэрт медгддг* — ‘Дерево узнают по плодам, а человека — по делам’. Утверждается, что в труде мужчина приобретает опыт: *Ажласн туршһ ол, алдаһасн сурһмж ав* — ‘От работы наберись опыта, от ошибок извлеки урок’.

Высоко оценивается человек, качественно выполняющий свою работу: *Идсн будандан сав бол, кесн ажлдан эзн бол* — ‘Будь посудинкой для своей пищи, будь хозяином своего труда’. В паремии прослеживается мысль о том, что трудолюбивый человек относится к работе как к жизненной потребности, осознанной необходимости. Не случайно присутствие положительной коннотации в следующем выражении: *Сэн көдһми унтри уга туурмж* — ‘Хороший труд — немеркнущая слава’. Трудолюбивый человек получает удовольствие от самого процесса труда, осознания того, что в ходе работы он реализует своё жизненное предназначение, осознания востребованности труда другими людьми: *Седкл туссн кергэс дишлвр ирдг, селвгэн авсн төрэс күцл ирдг* — ‘От дел, которые по душе, приходят уверенность и успех, от обмена мнениями и советов приходит удача’. Трудолюбие обеспечивает материальные блага и процветание человека: *Дурн соньрхл авьяс чадврин үр, амжлт бүтэл ажл үүлсин бүтмж* — ‘Желание, любопытство — плод таланта и способностей, успехи и свершения — результат труда и деяний’; *Көдһмиг арһар, кецүг — эвар* — ‘Дело — по возможности, а трудности — по умению’.

Трудовая деятельность калмыков исторически связана с пастбищным скотоводством, разведением четырех видов скота (овец, лошадей, коров, верблюдов), соответственно трудовой цикл был неразрывно связан с природой и сезонами года. В паремии труд скотоводов-кочевников, связанный с разведением скота, находит свое яркое отражение. При этом прослеживается мысль о том, что только скотоводство обеспечивает благосостояние человека: *Малта болхла, махта, көдһмитэ болхла, туста* — ‘Иметь скот — значит иметь мясо, иметь работу — значит приносить пользу’, *Эс көдһсн күн хот иддг уга, көдһл амн тосдг, көдһл уга суувл, ааһ хоосдг* — ‘Поработаешь — рот будет в масле, не потрудишься — пусто будет в чашке’.

В паремии сравнительно небольшое внимание уделяется лени. Однако в целом в этих единицах прослеживается мысль о том, что только труд украшает

человека — *Назриг нарн сээхрүлдг, күүг күч-көлсн сээхрүлдг* — ‘Землю солнце красит, а человека — труд’. Паремия порицает в целом лень как негативное качество человека (*Уулас үүлн хөөһдг уга, залхуһас көдлми хөөһдг уга* — ‘С горы тучи не сходят, от ленивого работа не отстают’). Калмыки считают, что лень служит помехой в работе: *Зүгэр суухар зүлгж суух* — ‘Чем сидеть просто так, лучше сидеть и тереть что-либо, считая, что лень мешает работе’, *Ажлд залху харш, амнд өвчн харш* — ‘Работе мешает лень, а здоровью — болезнь’. Полагают, что работающий мужчина обладает лучшими человеческими качествами, т. к. труд облагораживает его, делает его настоящим человеком — *Ажл кеж күмн болдг, эргиг давж күлг болдг* — ‘Трудясь, человеком становятся, преодолевая перевал, аргамаком становятся’; *Заһсн усар бээдг, күн күч-көлсэрн бээдг* — ‘Рыба живет водой, а человек — своим трудом’, *Арһснас илч һардг, ажлас тосн һардг* — ‘Кизяк дает тепло, а работа — пищу’; *Арһснас илч һарна, ажлас тус һарна* — ‘От кизяка исходит тепло, от работы — польза’.

В устойчивых оборотах не одобряется лень молодых людей, особенно девушек: *Үүл уга күүкн дуулмтха, үсн уга үкр мөөрмтхэ* — ‘Девушка-бездельница любит напевать, а корова, не дающая молока, — мычать’; *Үүл уга күүкн үрглдг, үүлтэ күүкн жирһдг* — ‘Девушка-бездельница дремлет, а рукодельница блаженствует/веселится’. При выборе невесты рекомендуется определить в первую очередь, трудолюбива ли девушка, рекомендуется присматриваться к тому, в каком состоянии находится хозяйство ее семьи, какова ее мать, т. к. по ней судят о дочери.

Значительное количество пословиц посвящено осмыслению тех качеств, которые закладываются трудолюбием. В пословицах говорится о том, что упорство, проявляемое в процессе труда, обеспечивает достойную жизнь: *Бээхтэ бээлһн цуцрлт уга ажлд* — ‘Зажиточная жизнь в упорном труде’; *Сэн көдлмшэс жирһл ясрдг, сэн идгэс мал ясрдг* — ‘От хорошей работы жизнь улучшается, от хорошего пастбища скот поправляется’. Трудолюбие вознаграждает человека: *Ажлын сэнэр күмн байждг, белчэрин сэнэр мал тарһлдг* — ‘При хорошей работе люди богатеют, при хорошем пастбище скот тучнеет’; *Ажлж бээвл, олдг, арвлж бээвл, байждг* — ‘Если трудишься, то зарабатываешь, если берегаешь, то можешь разбогатеть’. Как известно, богатство кочевников измеряется количеством скота. И этот своеобразный показатель благосостояния закладывает понимание призрачности богатства: во время падежа, вызванного бескормицей или болезнями, богатый скотовладелец мог в одночасье лишиться состояния. Поэтому калмыки не склонны к накопительству, предпочитают духовное богатство материальному: *Урһцин экн көдлмрэс, ухани экн эрдмэс* — ‘Плоды урожая — от труда, плоды разума — от науки’.

В устойчивых оборотах постулируется, что только трудолюбивый мужчина может совершить геройский поступок: *Байлг чинэлг амдрхд көдлмр кергтэ, баатрльг үүлсиг бүтэхд зөрг кергтэ* — ‘Чтобы богато жить, нужно работать, чтобы

совершить богатырские поступки, нужна храбрость'. Трудолюбие закладывает в человеке усердие, старание; об этом повествует выражение *Эдиг көдлмрэр олна, эрдмиг чирмэлтэр сурна* — 'Вещи достаются трудом, знания — старанием, усердием'.

Трудолюбивому человеку не свойственна беспечность, он заранее планирует жизнь, такой человек противопоставляется легкомысленному человеку, который не озабочен выживанием, ведет праздную жизнь: *Эндр кеж болх көдлмишэн маңһдур күртл бичэ баэлһ* — 'Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня'; *Эндрк кергиг маңһдур гиж бичэ кел* — 'Сегодняшнее дело не откладывай на завтра'; *Эрт боссн күн көдлмишэн шулуһар төгсэдг* — 'Кто рано встает, тот быстрее работу кончает'.

Прослеживается мысль о том, что трудолюбивый человек всегда будет сыт, в отличие от ленивого: *Ажлчни амбар дүүрң, самһан савнь хоосн* — 'У работающего амбар полон, у беспечного посуда пуста'; *Көдлмр кевл, цатхлң, көнжл дор орвл дулахн* — 'Потрудишься — сыт, а полезешь под одеяло — тепло'; *Ажл кү асрдг, залху кү харһндг* — 'Труд кормит человека, лень — морит голодом'; *Ажл уган амнь көдлх уга* — 'У кого нет работы, у того не шевелится рот'. Глубокой мудростью наполнены слова о том, что трудолюбивый человек оптимистичен (*Көдлмр ик гиж битгэ буц, кевл дуусдг* — 'Не отчаивайся, что работы много, взявшись за нее — завершишь').

Необходимым условием воспитания трудолюбия является осознание человеком смысла и результатов своего труда. Об этом следующие устойчивые обороты речи: *Келсн үгэснь керсүһинь медх, кесн ажласнь кевинь медх* — 'По разговору можно судить о его сообразительности, а по работе — какой он на самом деле'; *Келх үгиг йосар кемжнэ, кесн ажлыг үүдлһэр кемжнэ* — 'Произносимые слова соизмеряют с правилами, а выполненную работу — с результатами'.

В паремии заложены своеобразные регламентации о труде, которые формировались в ходе деятельности многих поколений калмыков-скотоводов, длительных наблюдений за процессом труда, его начала, продолжения, завершения и т. д. Так, сформировалась рекомендация начинать работу пораньше (*Барс цагт босх уга болвл өдрин ажл саатна* — 'Если спозаранку не подняться, то с работой за день не управиться'); *Өдрин кергиг өрлэһэс, жилин кергиг хаврас* — 'К делам, которые следует сделать за день, приступают с раннего утра, а к делам, которые следует сделать за год, приступают с весны'). Рекомендуется, не боясь объема работы, начинать с малого: *Холд йовх һазран өөрхнэс экл, икэр кех кергэн бичкнэс экл* — 'Хочешь далеко идти, начинай с близкого, хочешь много сделать, начинай с малого'. Рекомендуется выполнять работу подручными средствами (*Ажлыг арһар, агсмиг эвэр* — 'Работу выполняют как подручнее, буйного успокаивают умелым подходом'). К работе нельзя относиться с поспешностью, рекомендуется проявлять основательность — *Үрвж кесн көдлмиш түргэр төгсэдг* — 'Работа, выполненная неторопливо,

быстро завершается'. Трудолюбие немислимо без старания (*Седсн үүлэн күцтл шунж йовх кергтэ* — 'Надо приложить большое старание, пока не исполнится задуманное дело'). Рекомендуются к порученному делу относиться внимательно (*Онъг уга көдлми хөөтндэн цегтэ* — 'Работа, выполненная без внимания, имеет плохой результат'), вникая в тонкости дела, которым занимаешься (*Улмиг үзж хол хатл, онцлынъ үзж ажл үүлд* — 'Переправляйся, разузнав, не топкое ли место, делай дело, познав тонкости'). В работе следует быть собранным (*Седкльн ээдрэтэ болвл, ажльн бас ээдрэтэ* — 'Если путаница в мыслях, то и в работе неразбериха'), осмотрительным (*Үүл уйвл, үзүринъ батл* — 'Когда шьешь, закрепляй конец нитки'; *Керг нэрдвл, бийэн батл, кец нэрдвл, кеерэн батл* — 'Когда дела осложняются — крепись, когда склон становится круче, сдерживай коня'). Необходимо выполнять работу самому, не перекладывая ее на плечи других: *Эврэн кеж чадх көдлмиэн күүһар бичэ келг* — 'То, что можешь сделать сам, не поручай другому'. О предстоящем деле рекомендуется извещать окружающих: *Күүнд келхд үг эс келгдхлэ, күцэх кергэн бүтэхд берк* — 'Если человеку не сказать то, чего хотел, то будет трудно исполнить свое дело'.

Паремия советует доводить начатое дело до конца: *Үүлдвр кехдэн бүттл, давс кехдэн күцтл* — 'Работу доводят до завершения, а соль кладут по вкусу'; *Кен бэрн күцднь, сундлн бэрн гертнь* — 'Если делаешь, то доведи до конца, если усадил на коня, то довези до дома'; *Үг сурвл хэрү өг, үүл бэрвл бүтмж харһ* — 'Если спрашивают, дай ответ, если дело делаешь, добивайся результатов'.

Своевременное выполнение работы обеспечивает спокойствие: *Үүлэн күцэсн күн таварн* — 'Человек, закончивший дела, может быть спокоен'. Поэтому следует приложить большое старание к выполнению задуманного: *Седсн үүлэн күцтл шунж йовх кергтэ*. Исполненное дело подобно разорванному подолу: как разорванному подолу нельзя вернуть прежнюю форму, так и выполненную работу нельзя сделать по-новому: *Болсн керг, шуурсн хорма*. Всякую работу необходимо выполнять качественно с первого раза — таково мнение народа.

Ход работы следует продумывать: *Седсн үүлэн бүттльн шүүж йовх кергтэ* — 'Задуманное дело надо серьезно продумывать, пока не исполнится'; *Белдклин сээнэр ажл бүтэнэ, бүлүһин сээнэр утх хуридна* — 'При хорошей подготовке работа спорится, с хорошим бруском нож наточенным бывает'. Осмысленность и планомерность в труде — важные установки калмыков относительно труда. Что же касается его оценки, она — в его результате: *Кергэсн давсн хөөн кенд чигн керг уга* — 'Когда все завершено, никому нет дела'.

Своеобразное влияние буддизма на отношение к труду у калмыков, на наш взгляд, прослеживается в разграничении добрых и плохих деяний: *Сэн му үгиг йилһж соңсдг, хар цаһан кергиг йилһж шүүдг* — 'Добрые и плохие слова выслушивают отдельно, плохие и добрые дела рассматривают раздельно'; *Шорһлжн нүдн уга болв чигн үүрэн олдг; сэн му үүлдвр йовх арһ уга болв чигн эзэн олдг* — 'Хотя муравей и не зряч, все же находит муравейник; хотя хорошие и

плохие деяния не могут ходить, все же находят своего хозяина'. Наблюдения калмыков связаны с тем, что в хороших делах препон много, а в добрых делах приемов много — *Сэн үүлд саад олн, сарул кергт тослт олн*. При этом следует помнить, что хорошими результатами заканчиваются дела доброжелательного человека — *Цаһан санаһар йоввл, цаатк кергчн бүтнэ*.

Согласно народному мировоззрению, честный труд приносит пользу, а нажитое без труда бесполезно: *Күч-көлсән һарһл уга олснь күмнд зөөр болдг уга*. Следовательно, калмык нацелен на честный, результативный труд, негативно оценивая нечестный, бесполезный, не имеющий общественной пользы труд. Не случайно то, что в коллективном бессознательном калмыков труд ассоциируется с потом: *Көдлмиш күүнэс көлсн һардг, хотрхг күүнэс шүлсн һардг* — 'У трудолюбивого человека выделяется пот, у прожорливого — слюна'. Вместе с тем опыт народа подсказывает, что есть люди, у которых ни слова, ни дела не сбываются — *Келж үгнь бүтх уга, кеж кергнь бүтх уга*. Эти наблюдения народа отражают накопленный многими поколениями калмыков опыт о трудовой деятельности, в котором нашли отражение как положительные стороны отношения к труду, так и отрицательные. Исходя из этого в ходе наблюдений сформировались рекомендации, как трудиться, как относиться к порученному занятию, что приносит честный/нечестный труд и т. д.

Наполнены философским смыслом наблюдения о том, что труд сопровождает человека на протяжении всей жизни: *Күүнэ кесн үүл кевсин эрәһэс олн* — 'Дела человеческих рук многочисленнее узоров на ковре'. Трудолюбивый человек всегда найдет занятие: *Медхив гисн — суудг, меднэв гисн — йовдг* — 'Кто говорит "не знаю", тот сидит, а кто говорит "знаю", тот ходит'; *Тавар бээвл, тавг жаһжңнх, амр бээвл, альхн жаһжңнх* — 'Если жить без забот, то ступня (подошва) зачесется, если жить без дела, то ладони зачесутся'. В связи с этим еще раз можно акцентировать внимание на важности понятия «труд» для человека, концептосферы «трудолюбие» в национальной картине мира.

Анализ паремий позволяет также говорить о гендерном факторе в осмыслении трудолюбия. Так, калмыки считают, что хороший мужчина всегда занят делом: *Залуһин үүл хөөһдг уга, уулас үүлн хөөһдг уга* — 'Как мужчины в делах, так и горы в облаках'; *Уулын өндрэс будн хөөһдг уга, залуһин сээнэс үүл тасрдг уга* — 'На горных вершинах всегда туман, у настоящего мужчины всегда дела'; *Сэн залуһас үүл хөөһдг уга, сэн мөрнэс эмэл хөөһдг уга* — 'Настоящий мужчина всегда в делах, хороший конь всегда оседлан'; *Залуһин сээнэс үүл хөөһдг уга, уулын ораһас үүлн хөөһдг уга* — 'Как от лучших мужчин не отстают дела, так и вершины высоких гор не покидают тучи'; *Сэн күүнэс үүл хөөһдг уга, сэн мөрнэс дээр хөөһдг уга* — 'Хороший человек — в делах и заботах, а у доброго коня — спина всегда в ссадинах'.

Исполнение дел зависит от характера мужчины: *Залуһин зөргэс үүл бүтлдг* — 'Смелостью мужчины осуществляются дела'.

Паремия подчеркивает, что более важными являются занятия мужчины, так как их результаты прославляют народ, направлены на защиту народа, приносят весомые плоды, благодаря которым существует весь народ, каждая семья и отдельно взятый человек. Что касается занятий женщины, то они имеют более скромные результаты: направлены на благополучие отдельной семьи, конкретных людей, поэтому незаметны. Об этом народ сложил поговорку: *Гергнэ сээг гертнь одж меддг, залуһин сээг кеер йовж меддг* — ‘Хорошую женщину узнают, посетив ее дом, хорошего мужчину узнают, побывав с ним в степи (в пути)’. Вместе с тем, паремия подчеркивает, что без этого незаметного женского труда нет благополучия в хотоне, улусе. Самой высокой ценностью калмыки по праву наделяют функцию женщины быть продолжательницей рода человеческого (*Күүнэ экн — ээж, усна экн — булг* — ‘Начало людей — мать, начало воды — родник’) и связанную с ней деятельность женщины по воспитанию, обустройству, обучению подрастающего поколения (*Ээжэн көксэр күмн болна, эцкэн дахсар чидвртн болна* — ‘Сося грудь матери, становятся человеком, следуя за отцом, становятся умельцем’).

Эти оценки выделяются и в сознании современных калмыков, о чем свидетельствуют результаты проведенного социолингвистического опроса.

Психолингвистическая оценка трудолюбия

Для определения оценки трудолюбия нашими современниками было проведено психолингвистическое анкетирование.

Анализ данных опроса показывает, что калмыки однозначно положительно оценивают трудолюбие (особенно женщин), не одобряют лень. При этом отмечают склонность к лени калмыков-мужчин, объясняя эту черту традиционным видом деятельности — экстенсивным пастбищным скотоводством, которое не требовало постоянных физических затрат: *Хальмг күн малын ард йөвн йөвж жирһдг* — ‘Калмыки живут, следуя за скотом’. Наши современники, особенно люди с высшим образованием, высоко оценивают умственный труд (*номин көдлми* — ‘научная работа’, *цаасна көдлми* — ‘бумажная работа’), считают, что физический труд (*хар көдлми* — ‘черная работа’) тяжел, изнурителен (*хар көлстэ* — букв.: ‘с черным потом’). Информанты, как правило, желают своим детям *гишкн көдлми* — ‘легкую работу’, не связанную с физическим трудом. При этом представители молодого поколения калмыков не желают заниматься традиционным трудом, скотоводством (*малын көдлми*). Представители старшего поколения также не хотят видеть своих детей скотоводами.

Женщины отмечают, что «домашний рутинный труд требует больших усилий, но никак не оценивается». В этом они видят несправедливость.

Горожанки предпочитают работать не дома, а на производстве, чтобы «получать определенную (желательно высокую) оплату». В ответах отмечается, что «всякий труд должен вознаграждаться», «бесплатные субботники — это пережиток, это характерное явление социализма», «в век рыночных отношений предпочтительно получать зарплату, адекватную труду», «*гер-бүлин төлө көдлх кергтэ* — ‘работать надо ради семьи’», «*биидэн көдлх кергтэ* — ‘работать надо на себя’». Дополнительный труд, после работы, перед отчетом, проверкой — информанты оценивают положительно (*кех кергтэ*), но считают, что это результат плохой организации труда. Некоторые информанты отмечают важность моральной оценки результатов труда, пишут о труде как о способе реализации творческого потенциала человека.

В сочинениях респонденты пишут о том, что «трудолюбие делает человека человеком»; «хорошо сделанная работа приносит удовлетворение»; «благодаря трудолюбию, в человеке закладываются целеустремленность, настойчивость, выносливость, старательность, главные качества человека»; «в ходе труда человек получает нужные в жизни навыки, умения»; «если ребенок с детства научился не бояться работы, все умеет делать, ему в жизни ничего не страшно, всегда на кусок хлеба заработает»; «от родителей зависит, ленивого воспитали или трудолюбца» и т. д. Вместе с тем респонденты считают, что сейчас их «труд вознаграждается недостаточно»; желают «получать зарплату больше, чем сейчас»; при этом отмечают, что «главное, чтобы была работа»; «сейчас трудно найти работу, если бы дома была нормальная работа с хорошей зарплатой, никто бы не уезжал».

В целом ответы респондентов отражают те изменения, которые произошли в сознании современных калмыков под влиянием социокультурных реалий.

Заключение

Труд сформировал в калмыке такие важные черты характера, как старание, ответственность, прилежание, целеустремленность. Проявляется трудолюбие в активности, инициативности, добросовестности, увлеченности и удовлетворенности процессом труда. Своеобразие трудовой деятельности калмыков-скотоводов, разводивших скот в суровых условиях степи, заложило в калмыке неспешность, планомерность, выносливость, непритязательность.

Анализ паремиологического фонда калмыков позволяет говорить о положительной оценке трудолюбия и отрицательной оценке лени, одобрении честного труда, более высокой оценке умственного, а не физического труда. В паремии утверждается, что хороший мужчина постоянно занят делом, материально обеспечивая семью. Применительно к труду у калмыков выстраивается следующая регламентация: трудиться следует старательно,

собранно, осмотрительно, без спешки, доступными средствами. С трудом связаны такие предостережения, как не откладывать, не бояться, не торопиться, не лениться.

Психолингвистическое анкетирование показывает, что наши современники положительно оценивают трудолюбие, отрицательно относятся к лени, при этом отмечают склонность мужчин к лени. Причину этому они видят в экстенсивном скотоводческом занятии калмыков, не требующем постоянных физических усилий. Вместе с тем респонденты расценивают трудолюбие как главное качество человека, закладывающее важнейшие черты характера: целеустремленность, прилежание, старательность, выносливость. Из ответов явствует, что традиционный скотоводческий труд не рассматривается калмыками как занятие, которому они хотели бы себя посвятить, что косвенно свидетельствует об ослаблении этнического компонента в сознании современных калмыков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гоголь, Н. В. (2009) Калмыки // «И друг степей калмык...» / отв. ред. Н. Б. Уластаева. Элиста : ЗАОр «НПП «Джангар». 445 с. С. 30–43.

Дуброва, Я. П. (1998) Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 96 с.

Есенова, Т. С., Карасик, В. И., Пюрбеев, Г. Ц. (2009) Калмыцкие и русские лингвокультурные концепты. Элиста : Издательство Калмыцкого университета. 252 с.

Калмыцкие пословицы и загадки (1982) / сост. Б. Д. Букшаев, И. М. Мацаков. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 253 с.

Калмыцко-монгольско-русский словарь (1986) / отв. ред. П. Ц. Биткеев. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 214 с.

Калмыцко-русский словарь (1977) / под ред. Б. Д. Муниева. М. : Издательство «Русский язык». 764 с.

Калмыцко-русско-английский учебный словарь разговорной речи (2014) / под ред. В. Н. Мушаева. Элиста : Издательство КалмГУ. 73 с.

Котвич, В. Л. (1972) Калмыцкие загадки и пословицы. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 91 с.

Лихачев, Д. С. (1993) Концептосфера русского языка // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. № 1. Т. 52. С. 3–9.

Оконов, Б. Б. (1980) Калмыцкие народные пословицы и поговорки. Элиста: Калмыцкое книжное издательство. 141 с.

Паллас, П. С. (1773) Путешествие по разным провинциям Российской империи : в 3 ч. СПб.: Императорская Академия Наук. Ч. 1. 455 с.

Позднеев, А. М. (1911) Калмыцко-русский словарь слов (пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах). СПб. : Типография Имп. Академии наук. 306 с.

Пюрбеев, Г. Ц. (1999) Концепт судьбы в культуре монгольских народов // Общее и восточное языкознание (К 70-летию члена-корреспондента РАН В. М. Солнцева) / отв. ред. А. М. Шахнарович. М. : Современный писатель. 254 с. С. 211–219.

Пюрбеев, Г. Ц. (2000) Концепт души в культуре монгольских народов // АЛ-ТАЙСА-4. № 4. С. 101–107.

Русско-калмыцкий словарь (1964) / под ред. И. К. Илишкина. М. : Советская энциклопедия. 800 с.

Смирнов, П. А (1857) Краткий русско-калмыцкий словарь. Казань : Тип. Казанского ун-та. 127 с.

Тодаева, Б. Х. (2007) Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста : ЗАОр «НПП «Джангар». 838 с.

Хальмг келнэ синонимсин толь (2002) / отв. ред. Н. Н. Убушаев. Элст : АПП «Джангар». 208 х. (На калм. яз.).

Манджикова, Б. Б. (2002) Хальмг келнэ тээлвр толь / отв. ред. Н. Н. Убушаев. Элст : АПП «Джангар». 171 х. (На калм. яз.).

Хальмгүлгүрмүдболнтээлвртэтуульс (1960)/ЦуглулждеглсньБасңга Б. Элст : Хальмг дегтр хардач. 133 х. (На калм. яз.).

Хальмгүлгүрмүд болн тээлвртэ туульс (1960) / Диглж барт белдснь: Букшан Б. болн Мацга И. Элст : Хальмг дегтр хардач. 294 х. (На калм. яз.).

Церенова, Ж. Н. (2005) Концепт «кочевье» в калмыцкой, русской и американской лингвокультурах : дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград. 194 с.

Я изучаю калмыцкий. Малый русско-калмыцкий словарь (2003) / сост. И. К. Илишкин, В. Д. Бадмаев, М. О. Шургучинова. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 512 с.

Hofstede, G. (1980) Culture's consequences: International differences in work related values. London ; Beverly Hills : Sage. 325 p.

Kalmückisches Wörterbuch (1935). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. 591 p.

Schwartz, S. H. (1999) Cultural value differences: Some implications for work // Applied Psychology: An International Review. № 48. P. 23–47.

Taylor, J. R. (1995) On construing the world // Language and the cognitive construal of the world / ed. by J. R. Taylor, R. E. MacLaury. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter. 406 p. P. 11–21.

Williams, R. M., Jr. (1968) Values // International encyclopedia of the social sciences / Ed. by D. L. Sills, R. K. Merton. New York : Macmillan. 573 p. P. 283–287.

Дата поступления: 26.03.2018 г.

REFERENCES

Gogol', N. V. (2009) *Kalmyki. In: «I drug stepei kalmyk...» [Kalmyks."And a friend of the Kalmyk steppes ..."]*. Ed. by N. B. Ulastaeva. Elista, ZAO «NPP «Dzhangar». 445 p. Pp. 30–43. (In Russ.).

Dubrova, Y. P. (1998) *Byt kalmykov Stavropol'skoi gubernii [The life of the Kalmyks of the Stavropol Gubernia]*. Elista, Kalmtskoe knizhnoe izdatel'stvo. 96 p. (In Russ.).

Esenova, T. S., Karasik, V. I. and Pyurbuev, G. C. (2009) *Kalmytskie i russkie lingvokul'turnye kontsepty [Kalmyk and Russian linguocultural concepts]*. Elista, Kalmyk State University Publ. 252 p. (In Russ.).

Kalmytskie poslovitsy i zagadki [Kalmyk proverbs and riddles] (1982). Comp. by B. D. Bukshaev and I. M. Macakov. Elista, Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo. 253 p. (In Russ.).

Kalmytsko-mongol'sko-russkii slovar' [A Kalmyk-Mongolian-Russian dictionary] (1986) / ed. by P. C. Bitkeev. Elista, Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo. 214 p. (In Russ.).

Kalmytsko-russkii slovar' [Kalmyk-Russian Dictionary] (1977) / ed. by B. D. Muniea. Moscow, Russkii yazyk Publ. 764 p. (In Russ.).

Kalmytsko-russko-angliiskii uchebnyi slovar' razgovornoj rechi [Kalmyk-Russian-English colloquial dictionary] (2014) / Ed. by V. N. Mushaev. Elista, Kalmyk State University Publ. 73 p. (In Russ.).

Kotvich, V. L. (1972) *Kalmytskie zagadki i poslovitsy [Kalmyk riddles and proverbs]*. Elista, Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo. 91 p. (In Russ.).

Likhachev, D.S (1993) *Kontseptosfera russkogo yazyka [The Concept sphere of the Russian language]*. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, no. 1, vol. 52, pp. 3–9. (In Russ.).

Okonov, B. B. (1980) *Kalmytskie narodnye poslovitsy i pogovorki [Kalmyk folk proverbs and sayings]*. Elista, Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo. 141 p. (In Russ.).

Pallas, P. S. (1773) *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiiskoi imperii [A journey through various provinces of the Russian Empire]* : in 3 vol. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya Nauk. Vol. 1. 455 p. (In Russ.).

Pozdneev, A. M. (1911) *Kalmytsko-russkii slovar' slov (posobie k izucheniyu russkogo yazyka v kalmytskikh nachal'nykh shkolakh)* [A Kalmyk-Russian vocabulary (a manual for the study of the Russian language in Kalmyk primary schools)]. St. Petersburg, Tipografiya Imp. Akademii nauk. 306 p. (In Russ.).

Pyurbееv, G. C. (1999) *Koncept sud'by v kul'ture mongol'skih narodov* [The concept of fate in the culture of the Mongolian peoples]. In: *Obshchee i vostochnoe yazykoznanie (K 70-letiyu chlena-korrespondenta RAN V. M. Solntseva)* / ed. by A. M. Shahnarovich. Moscow, Sovrem. pisatel'. 254 p. Pp. 211-219. (In Russ.).

Pyurbееv, G. C. (2000) *Koncept dushi v kul'ture mongol'skih narodov* [The Concept of the soul in the culture of the Mongolian peoples]. *ALTAICA-4*, no. 4, pp. 101–107. (In Russ.).

Russko-kalmyckii slovar' [A Russian-Kalmyk Dictionary] (1964) / ed. by I. K. Ilishkin. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. 800 p. (In Russ.).

Smirnov, P. A. (1857) *Kratkii russko-kalmytskii slovar'* [A Short Russian-Kalmyk Dictionary]. Kazan', Tip. Kazanskogo un-ta. 127 p. (In Russ.).

Todaeva, B. H. (2007) *Poslovitsy, pogovorki i zagadki kalmykov Rossii i oiratov Kitaya* [Proverbs, sayings and riddles of the Kalmyks of Russia and the Oirats of China]. Elista, ZAO «NPP «Dzhangar». 838 p. (In Kalm.).

Hal'mg kelnə sinonimsin tol' [A Kalmyk Dictionary of Synonyms] (2002) / ed. by N. N. Ubushaev. Elista, APP «Dzhangar». 208 p. (In Kalm.).

Mandzhikova, B. B. (2002) *Hal'mg kelnə tælvr tol' [An explanatory dictionary of Kalmyk language]* / ed. by N. N. Ubushaev. Elista, APP «Dzhangar». 171 p. (In Kalm.).

Hal'mg ʏlgyrmyd boln tælvrtæ tuul's [Kalmyk Proverbs and sayings] (1960) / ed. by B. Basanga. Elista, Hal'mg degtr hardach. 133 p. (In Kalm.).

Hal'mg ʏlgyrmyd boln tælvrtæ tuul's [Kalmyk Proverbs and sayings] (1960) / Buktan B. and Macka I. (eds.). Elista, Hal'mg degtr hardach. 294 p. (In Kalm.).

Tserenova, Z. N. (2005) *Koncept "kochev'e" v kalmytskoi, russkoi i amerikanskoi lingvokul'turakh* [The concept of "nomadism" in the Kalmyk, Russian and American linguocultures]: Diss. ... Candidate of Philology. Volgograd. 194 p. (In Russ.).

Ya izuchayu kalmytskii. Malyi russko-kalmytskii slovar' [I'm studying Kalmyk. A Petit Russian-Kalmyk Dictionary] (2003) / comp. by I. K. Ilishkin, V. D. Badmaev and M. O. Shurguchinova. Elista, Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo. 512 p. (In Russ.).

Hofstede, G. (1980) *Culture's consequences: International differences in work related values*. Beverly Hills, Sage. 325 p.

Kalmückisches Wörterbuch [A Kalmyk Dictionary] (1935). Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura. 591 p.

Schwartz, S.H (1999) Cultural value differences: Some implications for work. *Applied Psychology: An International Review*, no. 48, pp. 23–47.

Taylor, J. R. (1995) On construing the world. In: Taylor J. R. *Language and the cognitive construal of the world* / ed. by J. R. Taylor and R. E. MacLaury. Berlin; New York, Mouton de Gruyter. 406 p. Pp. 11–21.

Williams, R. M. and Jr. Values (1968). *International encyclopedia of the social sciences*. Ed. D. L. Sills and R. K. Merton. New York, Macmillan. 573 p. Pp. 283–287.

Submission date: 26.03.2018.

Для цитирования:

Есенова Т. С., Харчевникова Р. П., Есенова Г. Б. Лексико-семантический и психолингвистический анализ отношения калмыков к труду [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/777> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2018.2.10

For citation:

Esenova T. S., Kharchevnikova R. P. and Esenova G. B. Lexico-semantic and psycholinguistic analysis of the Kalmyks' attitudes to work. *The New Research of Tuva*, 2018, no. 2 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/777> (accessed: ...). DOI: 10.25178/nit.2018.2.10

Номады азиатского материка

DOI: 10.25178/nit.2018.2.11

СУБЭТНИЧЕСКИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РОССИЙСКИХ ЭТНОСОВ (НА ПРИМЕРЕ КАЛМЫКОВ И ТУВИНЦЕВ)*

Чимиза К. Ламажаа

Московский гуманитарный университет,
Российская Федерация,

Людмила В. Намруева

Калмыцкий научный центр Российской
академии наук, Российская Федерация

SUB-ETHNIC DIFFERENTIATIONS OF RUSSIAN ETHNIC GROUPS: THE CASE OF KALMYKS AND TUVANS

Chimiza K. Lamazhaa

Moscow University for the Humanities,
Russian Federation,

Lyudmila V. Namrueva

Kalmyk Research Center,
Russian Academy of Sciences, Russian Federation

В статье предлагается рассмотреть тему разделительных, различительных явлений и процессов в этносоциальной жизни российских регионов, которые имеют в своей основе сложноставной характер коренного населения. Этот ряд явлений и процессов авторы предлагают называть субэтническими дифференциациями, различая их декларируемые формы и недедекларируемые. В качестве мате-

The article examines the issue of the differential processes and events in the ethnosocial lives of Russia's regions. These processes and events, stemming from the complexity of indigenous populations, can be termed 'sub-ethnic differentiations', which, in their turn, can appear in declarative or non-declarative forms.

* Статья подготовлена в том числе в рамках Госзадания № 12.885.2018/12.3 «Мониторинг этноконфессиональной ситуации в полиэтничных регионах Российской Федерации (Ростовская область, Астраханская область, Республика Калмыкия)» / The article has been prepared within the scope of the State Commission No. 12.885.2018/12.3 "Monitoring the ethnoreligious situation in multiethnic regions of the Russian Federation (Rostov Oblast, Astrakhan Oblast, Republic of Kalmykia)".

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5, корп. 6. Тел.: +7 (499) 374-73-90. Эл. адрес: lamajaa@tuva.asia

Намруева Людмила Васильевна — кандидат социологических наук, руководитель отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого научного центра Российской академии наук. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Илишкина, д. 8. Тел.: +7 (961) 547-58-40. Эл. адрес: lnamrueva@yandex.ru

Lamazhaa Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Deputy Director, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities. Postal address: Bldg. 6, 5 Yunosti St., 111395 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 374-73-90. E-mail: lamajaa@tuva.asia

Namrueva Lyudmila Vasilyevna, Candidate of Sociology, associate Professor, Head of Department of socio-political and ecological researches, Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Ilishkina, 358000, Elista, Russia. Tel.: +7 (961) 547-58-40. E-mail: lnamrueva@yandex.ru

риала для анализа авторы рассматривают субэтнические дифференциации современных калмыков и тувинцев.

Экскурс в этногенез калмыков и тувинцев показывает сложную структуру данных этносов. Основой социальной структуры общества калмыков и тувинцев был род, который считался по отцовской линии. Вся родня по отцовской линии составляла одно поселение (хотон, аал). Родовым связям, родовой идентификации, знанию своего рода придавалось огромное значение. Тем не менее, внутренняя структура этноса была сложнее и включала не только роды, особенно у калмыков. Исторические события XX в. по-разному повлияли на этносоциальные процессы, однако не смогли полностью изменить основы социальной структуры этносов. Долгие годы подчеркивание связей со своим родом воспринималось как «местечковость», но родовое деление, родовая идентичность не теряли своей значимости.

Декларируемой формой субэтнической дифференциации авторы называют события, мероприятия, наименования, публичные выступления и акции — все то, что подчеркивается инициаторами и субъектами действий в качестве возрождаемой традиционности этнической культуры, когда родовое, родоплеменное деление признается необходимой частью традиционной культуры. Недекларируемые формы разворачиваются без постановки высоких целей, в сфере социальных, бытовых отношений, в том числе для решения групповых экономических и политических задач.

Собственно социально-демографические, миграционные процессы в регионах не указывают на то, чтобы происходили физические расколы этносов, их распады и образования новых групп. Напротив, во многом, идет усиление урбанизации, отток населения из сел и многие внутриэтнические проблемы возникают в условиях концентрации в одном месте представителей разных родственных групп, которые до этого проживали относительно отдельно. Авторы полагают, что актуализация темы внутренней сложности этносов, групп в их составе идет в одном ряду с актуализацией в целом темы этничности в современных условиях.

Ключевые слова: российские этносы; субэтнические группы; субэтнические дифференциации; субэтническая идентичность; калмыки; тувинцы; Калмыкия; Тува; архайзация; клановость

In this article, the authors focus on sub-ethnic differentiations within the contemporary Kalmyk and Tuvan ethnicities.

A quick glance at the ethnogenesis of both Kalmyks and Tuvans explains the complex structure of these ethnicities. The social structures of both societies rested upon patrilineal clans, where all relatives of one's father comprise a settlement (hoton or aal). Kinship, clan identities, knowledge of your relatives and genealogy was extremely important. However, the internal structure of an ethnicity was more complex and did not limit itself to clans, especially among Kalmyks. The events of the 20th century have had contradictory impact on the ethnosocial processes, but definitely failed to fully transform the basic social structures of both ethnicities. For a number of decades, proud display of belonging to a kinship group has been seen as an element of 'parochial thinking', but the clan identity never lost its edge.

Declarative forms of sub-ethnic differentiations can be found in events, public attributions and talks, or indeed any other activity openly acknowledged by its subject as a form of revival of ethnic culture. In this context, clan groups are accepted as an integral part of traditional culture. Non-declarative forms, in contrast, reveal themselves without lofty goals. They are used in the field of everyday social and ethnic relations, especially when an economic or political issue has to be addressed by a group of interconnected individuals.

The sociodemographic and migration-related regional processes as such do not indicate any physical split within an ethnicity, which would have predicted its future collapse and the arrival of new entities. On the contrary, increasing urbanization, the out-migration from the countryside and other interethnic issues arise where various kinship groups which had been living separately now flock to the same area. The authors believe that accentuating the issue of ethnicities' internal complexity, as well as acknowledging the presents of composite kinship groups, will help actualize the role of ethnicity in contemporary society.

Keywords: ethnicities in Russia; sub-ethnic groups; sub-ethnic differentiations; sub-ethnic identity; Kalmyks; Tuvans; Kalmykia; Tuva; archaization; clan structure

Введение

Одна из современных актуальных проблем национальной политики России — упрочение общероссийского гражданского самосознания, что провозглашено одной из главных целей государственной национальной политики Российской Федерации, согласно принятой в 2012 г. Стратегии национальной политики РФ (Указ Президента ... 2012: Электр. ресурс). Это же направление научных исследований приоритетно для теоретических воззрений авторитетного ученого В. А. Тишкова (Тишков, 2003) и ряда других авторов. В этих условиях, а также после многократно обсужденной темы клановости, землячества, трайбализма в российской, региональной общественной жизни, что расцвели в 1990-е годы, тема не просто региональной идентичности, этнической идентичности, но субэтнической дифференциации — кажется не особенно популярной.

Однако, за последние годы в отечественном научном знании опубликовано достаточно статей, монографий, а также защищены диссертационные исследования по теме субэтнических групп, субэтнических идентичностей, прежде всего в российских регионах — так называемых национальных республиках. Авторы пишут о субэтнусах бурят (Доржиева, 2005; Требугова, 2011), калмыков (Болдырева, 2009; Намруева, 2010; Бакаева, 2010), алтайцев (Чемчиева, 2012; Нечипоренко, 2014), абазин (Камбачокова, 2013) и др. Работы показывают интерес исследователей, преимущественно проживающих в данных регионах и включенных в ткань сложных социальных взаимоотношений в них, к проблематике внутриэтнического разнообразия, актуализации темы групп в составе этносов.

Мы попытаемся сформулировать проблемы и перспективы подобных исследований и в качестве материала приведем примеры из этносоциальной жизни калмыков и тувинцев.

Вопрос о терминах

Проблематика субэтнической дифференциации обсуждается в отечественной науке с 1980-х гг. и поднималась в трудах Ю. В. Бромлея (Бромлей, 1983), Р. Ф. Итса и др. Терминов, означающих составляющие этносов, достаточно: «этническая группа», «этнографическая группа», «малая группа», «этнолокальная группа», «субэтническая группа» и др. В конце XX в. изучение малых этнических групп актуализировалось. В связи с тем, что тема стала подниматься преимущественно представителями региональных научных центров, по понятным причинам термины с использованием слова «малый» («малая») стали менее востребованными. Чаще всего в работах теперь встречается понятие «субэтническая группа», но без существенных разъяснений его использования. А, надо подчеркнуть, за термином так и не закрепилась единая трактовка.

Как показывает даже краткий обзор имеющихся определений, начиная с Ю. В. Бромлея, мнения относительно субэтнических групп существенно различались и продолжались различаться (Логинов, 2009: 58–59). Например, к субэтническим группам Ю. В. Бромлей предложил относить «отмеченные специфическими чертами культуры совокупности людей внутри этносов, которые обладают самоназванием» (Бромлей, 1983: 85). В формулировке В. К. Козлова субэтническая группа это «общность людей, составляющая часть этноса, занимающая компактную территорию и обладающая в силу этого культурной и языковой спецификой и элементами общего самосознания этнического» (Козлов, 1994: 461). При этом, автор указывает на определенный эволюционный этап развития этноса, с которого можно говорить об образовании субэтнических групп. По его мнению, происходит это вследствие неполной консолидации этноса или в результате сепарации, например, при миграции части этноса (там же). Остаточным явлением субэтнических групп В. В. Козлов называет этнографические группы, хотя в дальнейшем они могут снова превратиться в субэтническую группу (там же: 466).

Современные авторы часто не задаются необходимостью четкого определения используемого термина, теоретического обоснования, концентрируясь на полевых материалах, анализируя социальную жизнь конкретных этносов и их составных групп. В итоге субэтническая группа в этих публикациях выступает то группой с набором признаков, включая субэтническое самосознание, групповое народное наречие, групповое самосознание и компактную территорию проживания (Логинов, 2009: 59), то родоплеменной группой (Трегубова, 2011: 4), то этнической группой, признанной коренным малочисленным на-родом (Чемчиева, 2012: 5). Очевидно, что речь идет о разных предметах и даже объектах исследований.

Попытка внести терминологическую ясность в исследования, посвященные внутриэтническим различиям и сложностям взаимоотношений, и выяснения того, какой объект может и должен называться «субэтнической группой», а какой — нет, может, на наш взгляд, увести нас далеко от собственно конкретных этносоциальных проблем. В этом плане более продуктивной представляется главное: признание этносов в целом как сложных образований с внутренней структурой (мезоструктурой), о чем писал А. А. Сусоколов, в состав которой входят родственные группы, устойчивые территориальные общности, некоторые профессиональные категории и т. д. (Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 1998: 216–217). В них на уровне межличностного общения формируются и передаются наиболее устойчивые нормы поведения, социально-психологические особенности народа, воспитывается этническое самосознание. Этносоциолог подчеркнул, что разрушение мезоструктуры очень осложняет, а порой делает невозможным воспроизводство этнической традиции и поддержание этнической идентификации (там же; см. также: Намруева, 2012а). И чтобы не уг-

лубливаться в споры относительно состава этой мезоструктуры, классификации ее составных элементов, критериям выделения таксономических единиц (хотя, безусловно, это важная тема), мы бы предложили для обсуждения вопросов разделения этнических явлений, в том числе групп этнических идентичностей, использовать общий термин «субэтнические дифференциации», подразумевая под ним разные разделительные, различительные процессы, явления в этносоциальной жизни, которые имеют в своей основе сложносоставной характер мезоструктуры этносов, выражают групповые формы этнической (субэтнической) идентичности, но которые не подразумевают собственно процессы субэтнизации как разделения, раскола этноса, появления новых субэтнических групп. По сути именно проблемы субэтнической дифференциации в российских регионах в том или ином плане поднимаются в исследованиях вышеназванных авторов, и обсуждаются они, прежде всего в плане переосмысления, самоутверждения этнической идентичностей на фоне новых социальных условий, в которых находится Россия в XXI веке, во втором его десятилетии.

Рассмотрим примеры субэтнических дифференциаций в республиках Калмыкии и Туве, коренное население которых — калмыки и тувинцы — имеет родоплеменную структуру тюрко- и монголоязычных этнических групп. Поэтому они имеют много общего как между собой, так и с этносами, о «субэтнических группах» которых авторы стали писать. С 1990-х гг. в этих регионах, как и по всей России, процессы архаизации социокультурной жизни выразились в том числе в актуализации, усилении архаических родоплеменных связей, отношений, идентичностей (Ламажаа, 2011, 2013). При этом можно говорить о разных формах проявления субэтнических дифференциаций. Назовем их условно — декларируемыми и недеклаируемыми.

Однако, прежде несколько слов о том, с какой сложившейся мезоструктурой рассматриваемые народы подошли к концу XX века.

Мезоструктуры этносов калмыков и тувинцев до XX века

В целом калмыки сохранили свой основной этнический состав улусов, с которым их предки-ойраты вышли из Джунгарии в начале XVII в. Подавляющее большинство калмыцких этнических подразделений (от крупных до мелких) имеют ойратское происхождение (Балинова, 2010: 13–14). Этнос сложился из ойратских групп торгутов, дербетов, хошутов, зюнгаров и хойтов, которые переселялись на Волгу в течение XVII и первой половины XVIII вв. и заняли в итоге степные пространства между Яиком и Волгой. Этническое ядро калмыцкого этноса в XVIII в. составили три основных компонента — торгуты, дербеты и хошуты. Названные подразделения калмыков распадались на различные по численности, происхождению и этническому составу улусные

общности, которые в свою очередь делились на аймаки, а те в свою очередь в этническом плане разделялись на более мелкие группы: арбаны (десятки), торели и ясуны, которые чаще всего образуют население калмыцкого хотона.

Наследственное право калмыцких феодалов, закрепленное законами 1640 г. (Ики Цааджин бичик) и законами хана Дондук-даши, способствовало укреплению и сохранению этнических подразделений калмыков — улусов, оттоков и аймаков, вплоть до конца XVIII в. в составе так называемого Калмыцкого ханства. Кочевой образ жизни также косвенно закреплял разделение калмыцкого общества на улусы, оттоки и аймаки, хотя в них происходили эволюционные и качественные изменения. После ухода большей части калмыков в 1771 г. в Китай и последующей за ним ликвидации ханства в этническом составе калмыцкого народа произошли коренные преобразования (Эрдниев, 1980: 67). Этнический состав всех оставшихся — европейских калмыцких улусов оказался весьма сложным и разнородным, причем настолько, что каждый улус и тем более аймак стал включать в себя различные этнические, социальные и иные компоненты, закрепленные и оформленные за ним исторически под одним общим этническим наименованием (Балинова, 2010: 14). С. К. Хойт, проведя огромную сравнительную исследовательскую работу, писал, что современные калмыки сохраняют память о своей улусной, этнотерриториальной принадлежности, которую некоторые исследователи по ошибке называют племенной (Хойт, 2007). Э. П. Бакаева отмечает, что в советский период в калмыковедении проблемы исследования культуры народа на уровне субэтносов практически не затрагивались по ряду причин. Методологический подход к подобному делению отражен в обобщающем труде «Очерки истории Калмыцкой АССР»: «Родоплеменное деление ойратов и тем более калмыков в своей древней форме и древнем значении было давно пройденным этапом. Место родов и племен столетия тому назад заняли ойратская, затем — калмыцкая народности, поглотившие и растворившие в себе эти архаические группировки» (цит. по: Бакаева, 2010: 54).

Тувинский этнос также сохранил элементы сложного состава. Временем сложения первоначальных основ социально-этнической общности тувинцев М. Х. Маннай-оол считает VI–XII вв. (Маннай-оол, 2004: 119), а собственно же этнос с самоназванием «тувинцы» на территории Тувы сформировался в XVII в., главным образом в XVIII — первой половине XIX в. (там же: 129). Тува неоднократно завоевывалась, входила в состав различных ханств, общество подвергалось различным воздействиям, но в целом его деление продолжало строиться по родоплеменному принципу. И тувинцы проживали, точнее — кочевали в пределах родовых территорий — кочевий, границы которых определялись по природным маркерам. Основы новой самоидентификации тувинцев, дальнейшей социальной дифференциации, были сформулированы в результате политики государства-завоевателя — Маньчжурской империи.

Китайцами в Туве были образованы шесть больших хошунов (основных административных единиц Маньчжурской империи в Монголии и Туве) и несколько управляемых отдельно сумонов. Наибольшим из первых шести хошунов Тувы был Кемчикский (Хемчикский) хошун, занимавший территорию от р. Элегест до хребтов Сайлюгем, состоял он из 27 сумонов. Тесенгольский (или Оюннарский) хошун располагался на восток от р. Элегест по обоим склонам Танну-ола. Третий — Салчакский (Хемгольский) — хошун занимал юго-восток Тувы, четвертый — Тоджинский (или Тоджи-норский) — северо-восток Тувы. Точных границ между сумонами и хошунами не было. Население, число которых было неравномерным, кочевало смешанно (Прокофьева, 2011: 55). В дальнейшем составы хошунов несколько менялись. В целом, как пишут З. В. Анайбан и М. Х. Маннай-оол, установление административного деления, основанного главным образом не на родовом, а на территориальном принципе, способствовало стиранию племенных различий. Общее этническое самоназвание тувинцев «тыва-кижи» окончательно сложилось к началу XIX в. (Анайбан, Маннай-оол, 2013: Электр. ресурс). Лишь, особую группу в составе тувинцев — восточных тувинцев-тоджинцев этнографы, в частности С. И. Вайнштейн, назвали субэтнической (Вайнштейн, 1961). Особыми субэтническими группами тувинцев можно назвать тувинцев Монголии и Китая (внутренней Монголии), сведения о которых известны с XVIII в. М. В. Монгуш предлагает их считать скорее этнической группой (Монгуш, 2010: 10).

В целом, как пишут исследователи, основой социальной структуры общества калмыков и тувинцев был род, который считался по отцовской линии. Вся родня (по отцовской линии) составляла одно поселение (хотон или аал), который назывался по имени главного человека в роду. Родовым связям, родовой идентификации, знанию своего рода придавалось огромное значение (Ользеева, 2007; Монгуш, 2005). Тем не менее, внутренняя структура этноса была сложнее и включала не только роды, особенно у калмыков. На традиционный вопрос незнакомых калмыков «кенэхнэ та?», который дословно означает «Кто вы?», «Чьих будете?» следуют примерно такие ответы: «*Би баһа дэрвэд, абганар ээмгэ, нойнакин эңгэ, арван батыкасуд, ясун хара ногай*» («Я малый дэрбэт, из аймага абганер, анги (подразделения, отдела) нойнакин, десятка батыкасуд, кости черный ногай»). По мнению Г. О. Авляева, эта многоступенчатость самосознания отражает административно-территориальную и этническую систему, обусловленную историческим прошлым европейских ойрат. Он писал, что улусно-аймачная административная система калмыков не являлась родоплеменной системой, а наименования отдельных звеньев этой системы (улус, отог, аймаг, анги, арван, ясун) не выражают собой понятия род, племя или родовое подразделение. Из чего следует, что в целом этническая терминология калмыцкого общества XVII–XVIII вв. имела больше административное происхождение, нежели родовое или племенное (Авляев, 2002: 50).

Для тувинских групп в поздний маньчжурский период (вторая половина XIX — начало XX в.) исследователи предпочитали употреблять термины «родоплеменная группа» или «племя». Наиболее распространенными родо-племенными названиями у тувинцев назывались: *иргит, кужугет, кыргыз, маады, монгуш, ондар, ооржак, салчак, сарыг, сат, соян, тонгак, тумат, тюлюш, уйгур, хертек, ховалыг, хомушку, чооду* и др. Многие из этих названий сохранились и ныне в фамилиях тувинцев. Со второй половины XX в. стало очевидно, что родоплеменные идентичности стали уступать административным, территориальным. В целом тувинцы условно делятся на западных, южных и восточных, причем последние считаются собственно субэтнической группой — тувинцы-тоджинцы (они также вошли в состав коренных малочисленных народов Севера). Эта дифференциация также отмечается и в диалектах тувинского языка. Согласно Ш. Ч. Сат, имеется четыре диалекта: центральный (Дзун-Хемчикский, Сут-Хольский, Овюрский, Улуг-Хемский, Пий-Хемский, северо-западная часть Тандинского района), западный (Бай-Тайгинский, Монгун-Тайгинский, Барун-Хемчикский), юго-восточный (Тандинский от Элегеста, Межегея, далее Тес-Хемский, Эрзинский районы), северо-восточный, т. е. тоджинский с таежным и речным говорами. Кроме того, согласно этой классификации, существует два переходных говора: каахемский и терехольский (Сат, 1987: 24–25).

Анализируя современное расселение калмыков в республике, можно условно выделить территориальные зоны дербетов, торгуты, а также смешанного проживания дербетов (больших дербетов) и бузавов. Торгуты, как и прежде, проживают компактно на востоке и юго-востоке республики (четыре сельских района, г. Лагань), дербеты — на севере и в центре (семь сельских районов). Бузавы несколько преобладают среди калмыцкого населения на западе (два сельских района, г. Городовиковск). Современные хошуты, численность которых мала, локализованы в республике в двух сельских населенных пунктах. В столице республики Калмыкия, городе Элисте, бузавы, дербеты и торгуты представлены примерно равными по величине группами. З. Гоголданова отмечает, что Элиста выступает в качестве своеобразного республиканского этногруппового «котла», вследствие этого этнические процессы в Элисте носят более динамичный характер, чем в районах республики (Гоголданова, 1994: 20). Диалектная система калмыцкого языка имеет в своем составе, как установили лингвисты, три территориальных говора — торгутский, дербетский, бузавский (Убушаев, 2011: 5). Разница между ними в целом невелика, в основном касается фонетики, хотя есть и лексические особенности. Дербетский говор распространен в северных районах республики, торгутский — в восточных, бузавы жили на Дону, затем в западных районах республики. При выделении говоров учитывается не только языковой ландшафт, но и специфические черты культуры, самосознание (Омакаева, 2010: 380).

Исторические события XX века по-разному повлияли на этносоциальные процессы у калмыков и тувинцев, однако не смогли полностью изменить основы социальной структуры этносов. Сталинская насильственная депортация калмыков (1943–1956 гг.) оставила свои горькие следы: многие родовые хотоны были уничтожены и вновь не восстановлены. Для тувинцев значимым фактором в первую очередь стала кампания по оседлости и коллективизации, развернутая в конце 1940 — начале 1950-х годов в продолжение курса на социализм, который был взят в Туве (еще будучи в качестве отдельного государства — Тувинской народной республике) в 1929 г. (Ламажаа, 2010а: 68-75). Тогда кочевые аратские хозяйства объединялись, тувинцы переводились на оседлость, было провозглашено создание советских тувинцев.

Долгие годы подчеркивание связей со своим родом воспринималось как «родовизм», «улусизм», «местячковость», «узколобый патриотизм». Подобные проявления пресекались партийными органами, за них могли снять с работы, и даже посадить в тюрьмы. Но, как подчеркивает М. В. Монгуш, родовое деление, родовая идентичность не теряли своей значимости, их роль в социальном контексте всегда оставалась существенной: по родам формировалось селение, каждый род в прошлом имел свое знамя, буддийский храм, оваа (Монгуш, 2010: 165–166). В начале 2000-х гг. В. С. Донгак в социологическом исследовании определила, что внутриродовые связи существенно влияют на самоидентификацию почти половины современных тувинцев – 46,2% (Донгак, 2003: 14).

Субэтнические дифференциации декларируемые

В 1990-е гг. общий процесс национального возрождения в российских регионах выразился в широком обсуждении темы возрождения народных традиций, проведении мероприятий разного уровня, восстановлении родовых идентичностей, практике усиления родоплеменных связей в разных формах.

Декларируемой формой субэтнической дифференциации мы назовем события, мероприятия, наименования, публичные выступления и акции — все то, что подчеркивается инициаторами и субъектами действий в качестве возрождаемой традиционности этнической культуры, когда родовое, родоплеменное деление признается необходимой частью традиционной культуры. Среди подобных явлений утверждение правила: каждый человек обязан знать своих предков, свою генеалогию, свой род до определенного колена. В Калмыкии исследование в форме анкетного опроса 283 чел. (калмыков) в 2010 г., проведенного отделом социально-политических и исследований КИГИ РАН с участием одного из соавторов статьи, позволил определить определенную степень интереса к своему прошлому среди представителей титульного населения. Например, при ответе на вопрос «Имеется ли у вас

интерес к своей родословной?», выяснилось, что только десятая часть (10,5%) опрошиваемых не интересуется историей своего рода. Большинство же (78%) респондентов в разной степени проявляют интерес к родословной. Причем при выяснении формы проявления интереса, обнаружилось, что 22% респондентов составили свое генеалогическое дерево, 33% собирают сведения о своих предках (Намруева, 2015а: 79).

Современные калмыки стремятся возродить память о земле предков, посещая малую родину, возводя там культовые сооружения, субурганы (буддийские ступы). Представители различных родов регулярно устраивают в степи большой молебен — *газран тьяклгн* (освящение земли). Так, каждый калмыцкий род стремится возвести *ова* — обитель родовых духов. На этом священном месте проводятся различные религиозные ритуалы, посвященные хранителям рода, местности, духам воды, земли, воды, пространства. Один из авторов статьи присутствовал на заключительном этапе строительства одного из таких *ова*. В строительстве священного *ова* принимали участие представители всех восьми арванов Бага-Чоносковского рода. При этом приглашенные ламы читали молитвы на калмыцком языке во имя мира, добра и благоденствия багачоносцев. Принято считать, что с возведением *ова* хранители рода успокоились и обрели долгожданный покой, а у соплеменников появилась возможность выполнять все религиозные ритуалы на малой родине (Шакуев, 2015).

Весьма распространенными сборы представителей родов — у родовых мест, с приглашением шаманов, восстановление и освящение родовых храмов и культовых объектов (*оваа*) стали и в Туве. Другому соавтору статьи приходилось присутствовать на таких сборах: семьи собираются всех поколений и старшие особенно уповают на то, чтобы молодежь, дети знали многочисленных родственников, могли с ними общаться, а также понимали, откуда они родом, кто их предки. Здесь молятся за сохранность земли, рода, за благополучие каждого из его членов. Средства и силами членов одной кровно-родственной группы строятся буддийские храмы (*хурэ*) и буддийские ступы (Монгуш, 2010: 167). Тема знания родовых корней развивается местными учеными при поддержке властей. Тувинским государственным университетом в 2010–2011 гг. проводился республиканский конкурс «Древо рода: откуда я? Кто там?» Некоторые из его участников посчитали свою родословную до 13 колена. Хотя по материалам конкурсных работ предполагается решение прежде всего генетических задач, в том числе создание банка генетических данных (поскольку работы ведутся лабораторией генетики), это включает и анализ родословных населения региона, учет внутреннего многообразия тувинского этноса.

Субэтнические дифференциации подчеркиваются в наименованиях, заметны по вывескам, названиям. Калмыки стали называть свои поселки, предприятия, магазины по имени своего рода: «Ики чонос» («Большие волки»), «Ики бухус»

(«Большие быки»), «Харнут» («Чернявые»); появились книги, посвященные истории малой Родины: «Эркетени», «Станица Граббевская», «Хотон Эндыр» (Гучинова, 2003: 22).

У калмыков и тувинцев популярными стали краеведческие исследования школьников по истории малой Родины, издаются книги по краеведению, по истории своего рода (Намруева, 2012b: 78). В системе образования республик созданы условия для наилучшего восприятия элементов этнической культуры, формирования этнического самосознания у молодого поколения. На это нацелены образовательные программы «Основы буддизма», «История и культура родного края», «Тодо бичиг» (старокалмыцкая письменность), «История Тувы» и др., которые преподаются в школах регионов с середины 1990-х гг. Разнообразные конкурсы и фестивали — «Цаган ботхн» («Белый верблюжонок»), «Танцевальная весна», фольклорно-этнографический фестиваль «Джангрин ачнр» («Внуки Джангара»), конференция «Бичкн төрскн» («Малая родина») и др. в Калмыкии; праздники Шагаа, Наадым, фестиваль живой музыки и веры «Устуу-Хурээ» и др. в Туве — направлены на передачу подрастающему поколению республики уважения к языку и культуре, знания традиций, опыта жизни этноса.

Так, декларируемые проявления субэтнических дифференциаций носят характер публичный и свидетельствуют об актуализации родоплеменной субэтнической идентичности.

Субэтнические дифференциации недеклалируемые

Если декларируемые формы субэтнических дифференциаций, как мы сформулировали, ставит задачи восстановления традиций, то недеклалируемые формы разворачиваются без постановки высоких целей, в сфере социальных, бытовых отношений, в том числе для решения групповых экономических и политических задач.

В условиях социальной аномии и анархии по всей России с начала 1990-х годов население ухватилось за старые, архаические формы взаимоотношений, а том числе в Калмыкии и Туве — за те, которые когда-то составляли основу кочевого общества. Когда окружающий мир стал восприниматься опасным, враждебным, представления о тех, кого можно считать своими, конкретизировались в первую очередь до расширенной семьи — рода. Возобладала тактика семейного коллективного выживания, увеличение доли сложных семей, даже в городских поселениях (см. об архаизации: Ламажаа, 2013: 192–200).

Востребованными оказались традиционные нормы и представления, связанные с родовой взаимопомощью. Сложности переходного периода, резкое снижение общего жизненного уровня, безденежье, длившееся годами из-за

невыход заработной платы, обязывало людей, состоящих даже в дальнем родстве, помогать друг другу, делиться тем, что имеешь, со всеми поровну. В этом проявлялось не столько коллективное начало, сколько чувство принадлежности к общине (Монгуш, 2010: 167).

Субэтнические дифференциации стали активно проявляться и в деловой сфере. Первые частные предприятия в Туве основывались по признаку родства, клановости, что далеко не всегда было в плюс самому бизнесу, поскольку главным кадровым принципом была не квалификация, а родственная связь, и надежды при этом возлагались в первую очередь на преданность и надежность принятого родственника (там же: 168). Подобные явления наблюдаются и в Калмыкии. Конечный результат предприятий, основанных по родственно-земляческому признаку, не всегда бывает положительным. Все-таки современные деловые отношения требуют профессионализма, наличия коммуникативных качеств, ответственности, инициативности. Отсутствие их не спасет никакая близкородственная связь.

Политическая сфера республик стала одной из главных арен для разворачивания субэтнической дифференциации, особенно на рубеже XX-XXI веков. И там, и там расцвели клановые структуры во власти. Принципы кадровой политики, продолжающиеся базироваться на принципах работы партийной номенклатуры, существенно дополнились и архаическими социальными сетями (Ламажаа, 2010b; Улинова, 2011). Усиление родоплеменных начал распространилось как в «низах» общества, так и в «верхах». Сплочение у руля власти большой семейно-родоплеменной и районной группы, привлекающей на свою сторону своих сторонников на основании личной зависимости, означало реанимацию древней традиции кочевой культуры — клановости во власти.

В обыденном сознании тувинцев и калмыков существование групп внутри этноса признается, как признаются сложные взаимоотношения между представителями разных групп. Тувинский народный фольклор содержит в себе немало песен и частушек, в которых в шуточной или бранной форме дается характеристика тому или иному роду. Эта характеристика подчас бывает нелюбезной, иногда напоминает «дразнилку», но может быть и совершенно безобидной. Цель ее не только противопоставить один род другому, но и подчеркнуть наиболее характерную черту конкретного рода (Монгуш, 2010: 166). Например, собиратель тувинского фольклора Г. Н. Курбатский вычленил сквозь фольклорные формы тему межродовых характеристик и перечислил: донгаки считаются чрезмерно гордыми, монгуши — независимыми и кичливыми, ондары — грубыми и колкими, саая — жадными и ненасытными, хертеки — невезучими, ховалыги — клеветниками, хомушку — сплетниками, салчаки — черствыми. Передаваясь из уст в уста, эти характеристики часто становились устойчивыми стереотипами, отличающими один род от другого (Курбатский, 2001: 193–194). В постсоветское время эти стереотипы вновь

вышли из фольклорных кладовых в сферу общения. Также тувинцы получили возможность идентифицировать себя по административному признаку (часто противопоставляя себя другим группам): тес-хемские, улуг-хемские, пий-хемские, барун-хемчикские, дзун-хемчикские, монгун-тайгинские, сут-холь-ские, эрзинские, тоджинские и др.

Подобное деление, групповая самоидентификация и идентификация воспринимается не столь однозначно в сообществах. Например, что показал опрос населения 2010 г. в Калмыкии. Спектр ответов в анкете на закрытый вопрос «Как вы относитесь к делению калмыков на субэтнические группы?» был разнообразен. Так, почти половина опрошенных (48,8%) это деление воспринимает положительно, из них 16,6% респондентов отмечают то, что оно позволяет сохранить культуру, народ, а почти треть всех респондентов (32,2%) указывают на то, что субэтнические группы имеют древнюю историю, которую надо сохранять. Об отрицательном отношении к делению калмыков заявили 22,9% анкетированных. Почти четверть опрошиваемых (23,7%) к этому явлению относится по-разному, в зависимости от ситуации (Намруева, 2015b: 161).

В Туве подобный опрос не проводился, однако по нашим наблюдениям, тема обособленности, противопоставления родоплеменных групп тоже стала очевидной, широко обсуждаемой в обществе, в СМИ — в самых разных тональностях, хотя и не любимой властью. В том числе, например, в общественном дискурсе стали обсуждать родоплеменную принадлежность руководителей республики в течение всего XX века и делать заключения о том, что возвышение одного человека является с одной стороны следствием усиления позиций его кожууна, а с другой стороны — влечет за собой укрепление позиций территории и духа его населения. Подобные обсуждения имеют как сторонников, так и противников данной дифференциации, причем чаще всего в зависимости от того, к какому «лагерю» примыкает участник дискуссии: к лагерю «выигравшей» группы, к лагерю «проигравшей», или вовсе не к той и не другой, если это представитель иной национальности.

Заключение

Краткий обзор материала современных проявлений субэтнических дифференциаций калмыков и тувинцев, а также учет публикаций по субэтническим группам в других российских регионах ставит перед исследователями теоретические вопросы. Есть ли необходимость говорить о появлении новых групп в составе региональных этносов, о современной субэтнизации, каком-то новом витке этногенеза в данных регионах? Мы полагаем, что нет. Собственно социально-демографические, миграционные процессы в регионах не указывают на то, чтобы происходили физические расколы этносов, их распады и

образования новых групп. Напротив, во многом, идет усиление урбанизации, отток населения из сел и многие внутри-этнические проблемы возникают в условиях концентрации в одном месте представителей разных родственных групп, которые до этого проживали относительно отдельно. Вопрос об особых правах также возникает чаще как результат неудовлетворенности социально-экономическими условиями проживания. Соперничество обостряется в политической сфере по поводу сфер влияния в целом на региональный социум и за ресурсы субъекта федерации.

В целом, мы полагаем, что актуализация темы внутренней сложности этносов, групп в их составе идет в одном ряду с актуализацией в целом темы этничности в современных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авляев, Г. О. (2002) Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд., перераб. и исправл. Элиста : Калм. кн. изд-во. 325 с.

Анайбан, З. В., Маннай-оол, М. Х. (2013) Происхождение тувинцев. История вопроса [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/220> (дата обращения: 12.08.2016).

Арутюнян, Ю. В., Дробижева, Л. М., Сусоколов, А. А. (1998) Этносоциология. М. : Аспект-пресс. 271 с.

Бакаева, Э. П. (2010) «Чьи вы?» (специфика полевой работы в среде калмыков в связи с проблемой самоидентификации) // Этнографическое обозрение. № 3. С. 54–65.

Балинова, Н. В. (2010) Калмыки: антропогенетический портрет. Элиста : ЗАОр «НПП «Джангар». 144 с.

Болдырева, В. М. (2009) Эркетеневские калмыки: субэтнические особенности культуры (на материале ритуала жертвоприношения огню) // Известия Алтайского государственного университета. № 4–2. С. 22–27.

Бромлей, Ю. В. (1983) Очерки теории этноса. М. : Наука. 412 с.

Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М. : Наука. 218 с.

Гоголданова, З. Э.-Г. (1994) Субэтноссы и этнические процессы в Калмыкии в середине 80-х годов XX столетия (по материалам статистико-этнологического обследования) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 24 с.

Григорьян, К. Э. (2002) Субэтнические группы армян : дисс. ... к. ист. н. М. 187 с.

Гучинова, Э.-Б. М. (2003) Постсоветская Элиста: власть, бизнес и красота: Очерки социально-культурной антропологии калмыков. СПб.: Алетейя. 180 с.

Донгак, В. С. (2003) Этническая идентичность тувинцев : автореф. дисс.... к. с. н. СПб. 25 с.

Доржиева, Д. А. (2005) Субэтноты в процессе этнической консолидации бурят : автореф. дисс. ... к. ист. н. Улан-Удэ. 22 с.

Камбачокова, М. Ю. (2013) К вопросу об основных этапах становления этноса и субэтническом составе абазин // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. Т. III. № 1. С. 45–48.

Козлов, В. И. (1994) Этническая группа // Народы России: Энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков. М. : Большая Российская энциклопедия. 479 с. С. 466.

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.

Ламажаа, Ч. К. (2010а) Тува между прошлым и будущим. 2-е изд. СПб. : Алетейя. 368 с.

Ламажаа, Ч. К. (2010b) Клановость в политике регионов России. Тувинские правители. СПб. : Алетейя. 208 с.

Ламажаа, Ч. К. (2011) Воспроизводство архаики. Почему? // Человек. № 2. С. 97–103.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества. Тувинский феномен. М. : Книжный дом «Либроком». 272 с.

Логинов, К. К. (2009) Названия и самоназвания субэтнических групп и феномен «субэтнической мимикрии» в Карелии и на некоторых сопредельных территориях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 4. С. 59–62.

Маннай-оол М. Х. (2004) Тувинцы : происхождение и формирование тувинского этноса. Новосибирск : Наука. 166 с.

Монгуш, М. В. (2005) Тувинцы России, Монголии и Китая: этнические и этнокультурные процессы, современная идентичность : автореф. дисс. ... д-ра ист. н. М. 52 с.

Монгуш, М. В. (2010) Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака : Национальный музей этнологии. 358 с.

Намруева, Л. В. (2012а) Роль мезоструктуры в сохранении этничности (на примере калмыков) // Актуальные вопросы и достижения современной антропологии : сб. научн. тр. Новосибирск: Изд-во ООО «Сибпринт». 377 с. С. 78–86.

Намруева, Л. В. (2012b) Молодежь и процессы возрождения этнической культуры в Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 4. С. 76–80.

Намруева, Л. В. (2015a) Субэтническая идентичность современных калмыков: социокультурный аспект // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. № 1. С. 120–125.

Намруева, Л. В. (2015b) Модели культурной социализации // Намруева Л. В. Этническая социализация молодежи Республики Калмыкия (анализ 2000-2010-х гг.) Элиста : Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. 195 с. С. 156–173.

Нечипоренко, О. В. (2014) Субэтноты Республики Алтай: особенности этнической и гражданской идентичности // Этноты и формирование гражданской нации: диалектика российской национальной политики Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / науч. ред. И. В. Фролова. Уфа : БАГСУ. С. 259–263.

Ользеева, С. З. (2007) Калмыцкие народные традиции (на калмыцком и русском языках). Элиста : ЗАОр «НПП «Джангар». 480 с.

Омакаева, Э. У. (2010) Калмыцкий язык: история и современность // Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М. : Наука. 568 с. С. 375–382.

Прокофьева, Е. Д. (2011) Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб. : Наука. 535 с.

Сат, Ш. Ч. (1987) Тыва диалектология [Тувинская диалектология] : учебное пособие. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 99 с. (На тув. яз.).

Тишков, В. А. (2003) Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука. 544 с.

Трегубова, Д. Д. (2011) Субэтнические группы бурят в прошлом и настоящем : автореф. дисс. ... к. ист. н. М. 24 с.

Убушаев, Н. Н. (2011) Проблема сложения диалектной системы калмыцкого языка и ее функционирование : автореф. ... д-ра филол. наук. М. 57 с.

Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (2012) [Электронный ресурс] // Президент России. URL: kremlin.ru/acts/bank/36512 (дата обращения: 12.08.2016).

Улинова, И. Н. (2011) Этническое представительство в административной корпоративности и его роль в калмыцком обществе // Вестник ТГПУ. № 11 (114). С. 241–245.

Хойт, С. К. (2007) Вопросы этнической и административно-территориальной структуры ойратских групп // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: Изд-во КГУ. 180 с. С. 157–177.

Чемчиева, А. П. (2012) Алтайские субэтноты в поисках идентичности. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН. 254 с.

Шакуев, В. (2015) Построена Бага-Чоносовская ова // Хальмг унн (газета). 20 октября. С. 2.

Эрдниеф, У. Э. (1980) Калмыки. Элиста : Калм. книж. изд-во. 284 с.

Дата поступления: 18.04.2018 г.

REFERENCES

Avliaev, G. O. (2002) *Proiskhozhdenie kalmytskogo naroda [The origin of the Kalmyk people]*. 2nd ed. Elista, Kalm. kn. izd-vo. 325 p. (In Russ.).

Anayban, Z. V. and Mannai-ool, M. Kh. (2013) Proiskhozhdenie tuvintsev. Istoriiia voprosa [The Genesis of Tuvans: Historical background]. *The New Research of Tuva*, no. 3 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/220> (access date: 12.08.2016). (In Russ.).

Arutiunian, Iu. V., Drobizheva, L. M. and Susokolov, A. A. (1998) *Etnosotsiologiiia [Ethnosociology]*. Moscow, Aspekt-press. 271 p. (In Russ.).

Bakaeva, E. P. (2010) «Ch'i vy?» (spetsifika polevoi raboty v srede kalmykov v sviazi s problemoi samoidentifikatsii) ["Whose People Are You?": The Specifics of Fieldwork among the Kalmyk in Connection with the Issue of Self-Identification]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 54–65. (In Russ.).

Balinova, N. V. (2010) *Kalmyki: antropogeneticheskii portret [The Kalmyks: An Anthropogenetic Portrait]*. Elista, ZAOr «NPP «Dzhangar». 144 p. (In Russ.).

Boldyreva, V. M. (2009) Erketenevskie kalmyki: subetnicheskie osobennosti kul'tury (na materiale rituala zhertvoprinosheniia ogniu) [Erlenescar Kalmyks: sub-ethnic features of culture: the case of fire sacrifices]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4–2, pp. 22–27. (In Russ.).

Bromlei, Iu. V. (1983) *Ocherki teorii etnosa [Essays on the Theory of Ethnos]*. Moscow, Nauka. 412 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1961) *Tuvintsy-todzhintsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Tozhu tuvans: historical and ethnographic essays]*. Moscow, Nauka. 218 p. (In Russ.).

Gogoldanova, Z. E.-G. (1994) *Subetnosy i etnicheskie protsessy v Kalmykii v seredine 80-kh godov XX stoletiiia (po materialam statistiko-etnologicheskogo obsledovaniia) [Sub-ethnicities and ethnic processes in Kalmykia in the mid-1980s (based on the statistical and ethnological survey)]* : Thesis of Diss. ... Candidate of History. Moscow. 24 p. (In Russ.).

Grigor'ian, K. E. (2002) *Subetnicheskie gruppy armian [Sub-ethnic groups of Armenians]* : Diss. ... Candidate of History. Moscow. 187 p. (In Russ.).

Guchinova, E.-B. M. (2003) *Postsovetskaia Elista: vlast', biznes i krasota: Ocherki sotsial'no-kul'turnoi antropologii kalmykov [Post-Soviet Elista: power, business and beauty/ Essays on the socio-cultural anthropology of the Kalmyks]*. St. Petersburg, Aleteia. 180 p. (In Russ.).

Dongak, V. S. (2003) *Etnicheskaia identichnost' tuvintsev [Ethnic identity of the Tuvans]*: Thesis of Diss.... Candidate of Sociology. St. Petersburg. 25 p. (In Russ.).

Dorzhieva, D. A. (2005) *Subetnosy v protsesse etnicheskoi konsolidatsii buriat [Sub-ethnicities in the process of ethnic consolidation of Buryats]*: Thesis of Diss. ... Candidate of History. Ulan-Ude. 22 p. (In Russ.).

Kambachokova, M. Iu. (2013) *K voprosu ob osnovnykh etapakh stanovleniia etnosa i subetnicheskom sostave abazin [On the question of the main stages of ethnic development and sub-ethnic composition of the Abazins]*. *Izvestiia Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. III, no. 1, pp. 45–48. (In Russ.).

Kozlov, V. I. (1994) *Etnicheskaia gruppa [Ethnic group]*. In: *Narody Rossii: Entsiklopediia [Peoples Of Russia: Encyclopedia]* / ed.-in-chief V. A. Tishkov. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia. 479 p. P. 466. (In Russ.).

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvintsy v svoem fol'klоре (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora) [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 464 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2010a) *Tuva mezhdū proshlym i budushchim [Tuva between the past and the future]*. 2nd ed. St. Petersburg, Aleteia. 368 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2010) *Klanovost' v politike regionov Rossii. Tuvinskie praviteli [The clan politics of Russia's regions. The Leaders Of Tuva]*. St. Petersburg, Aleteia. 208 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2011) *Vosproizvodstvo arkhaiski. Pochemu? [The Reproduction of Archaicness. Why?]*. *Chelovek*, no. 2, pp. 97–103. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen [Archaization of the society. Tuvan phenomenon]*. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom». 272 p. (In Russ.)

Loginov, K. K. (2009) *Nazvaniia i samonazvaniia subetnicheskikh grupp i fenomen «subetnicheskoi mimikrii» v Karelii i na nekotorykh sopredel'nykh territoriiakh [Names and self-names of sub-ethnic groups, and the phenomenon of “sub-ethnic mimicry” in Karelia and some adjacent areas]*. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, issue 2, vol. 4, pp. 59–62. (In Russ.).

Mannai-ool M. Kh. (2004) *Tuvintsy: proiskhozhdenie i formirovanie tuvinskogo etnosa [Tuvans: the origin and formation of the Tuvan ethnos]*. Novosibirsk, Nauka. 166 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2005) *Tuvintsy Rossii, Mongolii i Kitaia: etnicheskie i etnokul'turnye protsessy, sovremennaia identichnost'* [Tuvans of Russia, Mongolia and China: ethnic and ethno-cultural processes, modern identity]: Thesis of Diss. ... Doctor of History. Moscow. 52 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2010) *Odin narod: tri sud'by. Tuvintsy Rossii, Mongolii i Kitaia v sravnitel'nom kontekste* [One people, three destinies. Tuvans of Russia, Mongolia and China in a comparative context]. Osaka, Natsional'nyi muzei etnologii. 358 p. (In Russ.).

Namrueva, L. V. (2012a) Rol' mezostrukturnykh v sokhraneniі etnichnosti (na primere kalmykov) [The role of mesostructure in the preservation of ethnicity: the example of Kalmyks]. In: *Aktual'nye voprosy i dostizheniia sovremennoi antropologii* [Topical issues and achievements of modern anthropology]: collection of proceedings. Novosibirsk, OOO «Sibprint» Publ. 377 p. Pp. 78–86. (In Russ.).

Namrueva, L. V. (2012b) Molodezh' i protsessy vrozhdeniia etnicheskoi kul'tury v Kalmykii [Youth and Revival of Ethnic Culture in Kalmykia]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniı RAN*, no. 4, pp. 76–80. (In Russ.).

Namrueva, L. V. (2015a) Subetnicheskaiia identichnost' sovremennykh kalmykov: sotsiokul'turnyi aspekt [Subethnic identity of today's Kalmyks: sociocultural aspect]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika*, no. 1, pp. 120–125. (In Russ.).

Namrueva, L. V. (2015b) Modeli kul'turnoi sotsializatsii [Models of cultural socialization]. In: Namrueva L. V. *Etnicheskaiia sotsializatsiia molodezhi Respubliki Kalmykiia (analiz 2000–2010-kh gg.)* [Ethnic socialization of young people of the Republic of Kalmykia (analysis of 2000–2010)]. Elista, Kalmytskii institut gumanitarnykh issledovaniı RAN. 195 p. Pp. 156–173. (In Russ.).

Nechiporenko, O. V. (2014) Subetnosy Respubliki Altai: osobennosti etnicheskoi i grazhdanskoi identichnosti [Sub-ethnicities of the Altai Republic: peculiarities of ethnic and civil identity]. In: *Etnosy i formirovanie grazhdanskoi natsii: dialektika Rossiiskoi natsional'noi politiki* *Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Ethnicities and the formation of the civil nation: the dialectics of Russian national policy. Proceedings of the all-Russian scientific and practical conference] / ed. by I. V. Frolova. Ufa, BAGSU. Pp. 259–263. (In Russ.).

Ol'zeeva, S. Z. (2007) *Kalmytskie narodnye traditsii (na kalmytskom i rusском iazykakh)* [Kalmyk folk traditions (in Kalmyk and Russian)]. Elista, ZAO «NPP «Dzhangar». 480 p. (In Russ.).

Omaeva, E. U. (2010) Kalmytskii iazyk: istoriia i sovremennost' [Kalmyk language: history and modernity]. In: *Kalmyki* [Kalmyks] / ed. by E. P. Bakaeva and N. L. Zhukovskaia. Moscow, Nauka. 568 p. Pp. 375–382. (In Russ.).

Prokof'eva, E. D. (2011) *Protsess natsional'noi konsolidatsii tuvintsev [The process of national consolidation of the Tuvans]*. St. Petersburg, Nauka. 535 p. (In Russ.).

Sat, Sh. Ch. (1987) *Tyva dialektologiiia [Tuvan dialectology]* : a textbook. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 99 p. (In Tuv.)

Tishkov, V. A. (2003) *Rekviem po etnosu: issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii [Requiem for Ethnicity. Studies in Social and Cultural Anthropology]*. Moscow, Nauka. 544 p. (In Russ.).

Tregubova, D. D. (2011) *Subetnicheskie gruppy buriat v proshlom i nastoiashchem [Sub-ethnic groups of the Buryats in the past and present]* : Thesis of Diss.... Candidate of History. Moscow. 24 p. (In Russ.).

Ubushaev, N. N. (2011) *Problema slozheniia dialektnoi sistemy kalmytskogo iazyka i ee funktsionirovanie [The issue of composition of the dialect system of the Kalmyk language and its function]* : Thesis of Diss.... Doctor of Philology. Moscow. 57 p. (In Russ.).

Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 19.12.2012 g. № 1666 O Strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda [Decree of the President of the Russian Federation of 19.12.2012 № 1666 on the Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period up to 2025] (2012). *Prezident Rossii* [online] Available at: kremlin.ru/acts/bank/36512 (access date: 12.08.2016). (In Russ.).

Ulinova, I. N. (2011) *Etnicheskoe predstavitel'stvo v administrativnoi korporativnosti i ego rol' v kalmytskom obshchestve [Ethnic representation in administrative corporatism and its role in Kalmyk society]*. *Vestnik TGPU*, no. 11 (114), pp. 241-245. (In Russ.).

Khoit, S. K. (2007) *Voprosy etnicheskoi i administrativno-territorial'noi struktury oiratskikh grupp [Issues of ethnic and administrative-territorial structure of Oirat groups]*. In: *Problemy etnogeneza i etnicheskoi kul'tury tiurko-mongol'skikh narodov [Problems of ethnogenesis and ethnic culture of the Turkic-Mongolian peoples]*. Elista, Izd-vo KGU. 180 p. Pp. 157–177. (In Russ.).

Chemchieva, A. P. (2012) *Altaiskie subetnosy v poiskakh identichnosti [Altai Sub-Ethnicities: In Search of Identity]*. Novosibirsk, Izd-vo IAET SO RAN. 254 p. (In Russ.).

Shakuev, V. (2015) *Postroena Baga-Chonosovskaia ova [The Baga-Chonosovskaia Ova Completed]*. *Khal'mg unn* (newspaper), 20 October, p. 2. (In Russ.).

Erdniev, U. E. (1980) *Kalmyki [The Kalmyks]*. Elista, Kalm. knizh. izd-vo. 284 p. (In Russ.).

Submission date: 18.04.2018.

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К., Намруева Л. В. Субэтнические дифференциации российских этносов (на примере калмыков и тувинцев) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/778> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2018.2.11

For citation:

Lamazhaa Ch. K. and Namrueva L. V. Sub-ethnic differentiations of Russian ethnic groups: the case of Kalmyks and Tuvans. *The New Research of Tuva*, 2018, no. 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/778> (accessed:). DOI: 10.25178/nit.2018.2.11

Рецензии и аннотации

Reviews and Annotations

DOI: 10.25178/nit.2018.2.12

ИСТОРИКО- КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АДАПТАЦИИ РУССКИХ В ТУВЕ

A HISTORICAL AND CULTURAL STUDY OF THE ADAPTATION OF RUSSIANS IN TUVA

Марина В. МонгушРоссийский государственный архив
Российской Федерации**Marina V. Mongush**Russian State Archives,
Russian Federation

Рецензия на издание: Татаринцева М. П., Моллеров, Н. М. Русские в Туве (конец XIX — первая половина XX в.). Новосибирск : Наука, 2016. 295 с. ISBN 978-5-02-038689-1

По мнению рецензента, монография представляет собой историко-культурологическое исследование, в фокусе которого — русское население Тувы. В ней всесторонне и глубоко исследован процесс социокультурной адаптации русских к новым условиям жизни, освещены их повседневная жизнь, быт, материальная и духовная культура, а также их вклад в экономическое и культурное развитие республики.

В первых трех главах внимание уделено первым переселенцам — промышленникам, торговцам и крестьянам, их мотивам переселения в Туву. Сложной теме русско-тувинских взаимоотношений посвящена четвертая глава, в которой авторам удалось значительно расширить прежние представления о взаимоотношениях коренных жителей и переселенцев за счет привлечения полевых материалов и архивных документов, что придает этой теме некоторую новизну. В пятой и шестой главах речь

This is a review of: Tatarintseva M. P. and Mollerov N. M. Russkie v Tuve (konets XIX — pervaya polovina XX v.) [Russians in Tuva in late 19th and the first half of 20th centuries]. Novosibirsk, Nauka, 2016. 295 p. ISBN 978-5-02-038689-1

The monograph is a historical and cultural study focused on the Russian population of Tuva. Tatarintseva and Mollerov's book provides a comprehensive and detailed look at the process of sociocultural adaptation of Russians to the new living conditions in Tuva, covering their everyday lives, material and spiritual culture, as well as their contributions to the economic and cultural welfare of the region.

The first three chapters are devoted to the earliest Russian settlers — craftsmen, traders and farmers, and their motives for immigrating. Chapter 4 deals with the sensitive issue of Russian-Tuvan relations. The authors have provided a treasure trove of archival documents and field materials to challenge and expand the conventional opinions on the interrelations between Russian settlers and the indigenous population, thus adding edge to

Монгуш Марина Васильевна — доктор исторических наук, ведущий специалист отдела информационно-поисковых систем Российского государственного архива Российской Федерации. Адрес: 119435, Россия, г. Москва, ул. Большая Пироговская, д. 17. Тел.: +7 (495) 580-88-41. Эл. адрес: garf@statearchive.ru

Mongush Marina Vasilyevna, Doctor of History, Leading Specialist, Department of Information Retrieval Systems, Russian State Archives. Postal address: 17 Bolshaya Pirogovskaya street, 119435 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 580-88-41. E-mail: garf@statearchive.ru

идет о правовом статусе русских переселенцев, их социальном составе и хозяйственной деятельности. В последующих шести главах довольно полно отражены различные аспекты и особенности духовной и материальной культуры русских переселенцев. Отмечается приверженность русских своим традиционным ценностям и стереотипам, которая выражается в соблюдении многих бытовых, семейных и календарных обычаев и обрядов, в сохранении привычек питания и этикетных норм в личном общении. При этом отмечается освоение ими тувинской культуры, социальных норм и ценностей, что в конечном счете способствовало этнокультурной интеграции русских в принимаемое общество и формированию у них нового менталитета, отличного как от страны исхода, так и страны проживания. Последняя глава посвящена участием советских граждан из Тувы на фронтах Великой Отечественной войны.

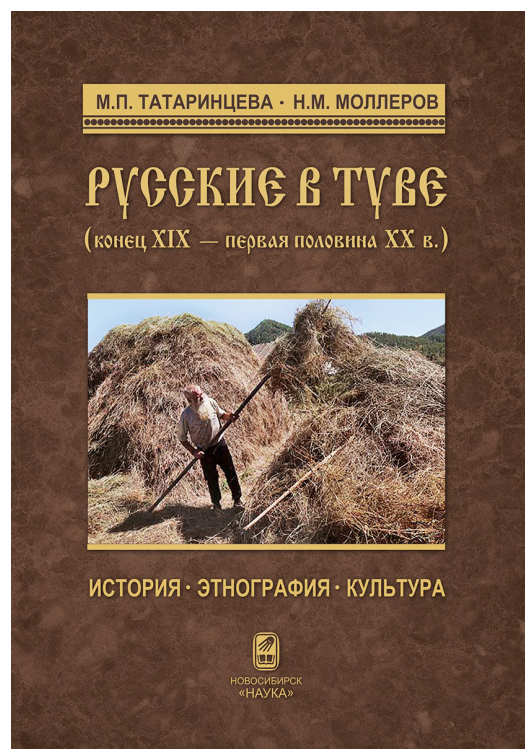
Книга представляет интерес для широкого круга читателей, но в первую очередь она адресована историкам и этнологам, изучающим жизнь, традиции, обычаи и культуру русских в иноэтнической среде.

Ключевые слова: Тува; колонизация Сибири; русские переселенцы; старообрядцы; тувинско-русские отношения; социокультурная адаптация; русские Тувы; рецензия; история Тувы

this issue. Chapters 5 and 6 examine the legal status of the Russian migrants, their social structure and economic activity. The following six chapters provide an in-depth coverage of various aspects of spiritual and material culture of the Russian settlers. The authors note their commitment to traditional Russian values and stereotypes. The settlers continued to observe their family and calendar rites and traditions, preserved their food preferences and etiquette rules. At the same time, they did not reject Tuvan culture, social norms and values. Ultimately, this facilitated their ethnocultural integration into the host society and the development of a new mentality which differed from those existing in their regions of out-migration and the society of their new resident territory. The final chapter deals with the Soviet residents of Tuva who took part in the Great Patriotic war.

The book appeals to a wide readership, but primarily to historians and ethnologists with an interest in everyday lives, customs, traditions and culture of Russians living among other ethnicities.

Keywords: Tuva; colonization of Siberia; Russian settlers; Old Believers; Tuvan-Russian relations; sociocultural adaptation; Russians in Tuva; review; history of Tuva

В 2016 г. в издательстве «Наука» вышла в свет замечательная книга «Русские в Туве», принадлежащая перу известных тувинских ученых — кандидата филологических наук М. П. Татаринцевой и доктора исторических наук Н. М. Моллерова (Татаринцева, Моллеров, 2016). Работа заявлена как историко-культурологическое исследование, в фокусе которого — русское население Тувы. Авторы ставили перед собой задачу рассмотреть адаптацию русских (золотопромышленников, торговцев, крестьян) к новым условиям жизни, их повседневную жизнь, быт, материальную и духовную культуру, а также их вклад в экономическое и культурное развитие республики.

К разработке этой темы авторы подошли фундаментально, до издания монографии

опубликовав в ведущих научных журналах и сборниках серию статей, посвященных «русскому фактору» в Туве (Моллеров 1984, 1989, 2007, 2010, 2012; Татаринцева, 2012, 2013, 2014, 2015).

В результате получилось, как нам кажется, весьма серьезное исследование междисциплинарного характера, представляющее большой интерес для широкого круга читателей. Кроме того, проблема социокультурной адаптации русского населения в национальных окраинах России является чрезвычайно актуальной как с теоретической, так и с практической точек зрения. Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XIX до середины XX вв. — именно в это время происходило интенсивное формирование русских анклавов в Сибири, в том числе и в Туве.

Во многих работах, посвященных истории Тувы конца XIX — начала XX в., приход русских в край расценивается как колонизация. Однако специалисты считают, что этот термин используется исключительно в случае насильственного захвата территории, принадлежащей другим, как правило, более отсталым в экономическом плане народам. В качестве классического примера они приводят Америку, Африку и часть Азиатского материка, но форму «колонизации» Тувы не рассматривают как классическую и настаивают на термине «переселение». Эту точку зрения разделяют и авторы настоящего исследования.

Первые три главы посвящены первым переселенцам — промышленникам, торговцам и крестьянам. Как отмечают авторы, чтобы «решиться на переселение в Туву, действительно, требовались бесстрашие и предприимчивость, ведь русского этноса изначально тут не было, никто переселенцев сюда не звал и здесь не ждал, поэтому самые первые колонисты, как торговцы, так и крестьяне, могли рассчитывать только на себя, на свои силы, выносливость и предприимчивость» (Татаринцева, Моллеров, 2016: 21). Но чем их так привлекала Тува, которая в то время называлась Урянхайским краем и еще не была частью России? Во-первых, о том, что в Туве по рекам верховой Енисея имеются месторождения золота, стало известно в России примерно в 30-е годы XIX в. Золотые россыпи встречались в долинах многочисленных горных рек. Первые золотопромышленники производили разведку золота и понемногу начинали его добычу. Во-вторых, Тува отличалась крайне низкой плотностью населения: в начале XX в. здесь насчитывалось около 60 тыс. чел., из них примерно 35 тыс. проживало в западной части края. В этих условиях переселение русских в Туву стало частью их освоения Сибири и российских окраин конца XIX — начала XX в., вызванной аграрным кризисом в России (там же: 21). Опорными пунктами для прибывающих в Туву крестьян становились уже существовавшие там русские торговые фактории.

«Вновь прибывшими использовались и отдельно стоящие заимки — одинокие избышки, землянки, построенные для зверопромысла и рыбной ловли, часто обитаемые лишь в промысловый сезон. — пишут авторы, — Вокруг них-то

и обустроивались самые первые поселенцы... Прибывшие зимой останавливались также у знакомых, заехавших раньше, уже успевших как-то обжиться на новом месте, и быстро старались построить теплое, хотя и примитивное жилье (часто землянку, полуземлянку), а весной распахать и засеять первую пашню. Одиночные заимки со временем обрастали новыми строениями и превращались в многодворные стационарные поселения из нескольких хозяйств» (там же: 43). Впоследствии на территории Тувы появились два самых первых русских поселка — Туран (ныне город) и Уюк.

Весьма сложной и деликатной теме русско-тувинских взаимоотношений посвящена четвертая глава монографии. Тема эта многократно освещалась в трудах разных авторов. Но М. П. Татаринцевой и Н. М. Моллерову удалось значительно расширить прежние представления о взаимоотношениях коренных жителей и переселенцев за счет привлечения полевых материалов и архивных документов, что, безусловно, придает этой теме некоторую новизну. Освещая ее, и делая это без излишней эмоциональности, основываясь на фактах и здравом смысле, авторы на конкретных примерах показывают, насколько сложными и неоднозначными были тувинско-русские отношения, как болезненно шел процесс привыкания двух народов друг к другу. По их справедливому замечанию, «той и другой стороне пришлось адаптироваться, понять и принять во внимание непривычные особенности жизненного уклада, быта, обычаев, религии и менталитета народа, с которым нужно было научиться жить рядом, вступать в хозяйственно-экономические отношения, в общем не конфликтовать, а ладить» (там же: 73).

Пятая и шестая главы монографии посвящены правовому статусу русских переселенцев, их социальному составу и хозяйственной деятельности. Если резюмировать содержание этих глав, следует остановиться на следующих моментах.

Во-первых, правовое положение русского населения в Туве на первых порах было разным. Золотопромышленники пользовались отсутствием демаркации российско-китайской границы на ее тувинском участке (Тува в то время являлась колонией Китая), купцы переселялись на основании русско-китайских договоров, разрешавших для них беспошлинную торговлю и устройство торговых факторий, крестьяне селились на свой страх и риск, а затем с разрешения русских властей, заявивших в 1910 г., что Тува является «спорной территорией» (там же: 90).

Во-вторых, в июле 1921 г. состоялся XII съезд русских переселенцев, насчитывавших в своих рядах 12 тыс. чел. Съезд обратился к делегатам Всетувинского учредительного хурала с ходатайством поддержать их стремление жить по советским законам, которое было поддержано тувинскими властями. Всетувинский учредительный хурал 15 августа 1921 г. постановил считать сообщество россиян в Туве «Советской автономной колонией, живу-

щей по конституции Советской России и ей непосредственно подчиненной». Заключенный 13 февраля 1922 г. договор между исполкомом Советской колонии и тувинским правительством и утвержденное в июле 1922 г. правительствами СССР и ТНР «Положение о местном самоуправлении русской колонии в Урянхае (Танды-Тува)» почти на десятилетие стали основными правовыми актами, определявшими правовое положение русского населения в Туве.

В-третьих, с приходом русских в Туве столкнулись два исторически сложившихся, но при этом разных хозяйственно-культурных типа — скотоводов-кочевников и оседлых земледельцев. «На первых порах это были настолько отличные и малоизвестные друг другу образы жизни, что говорить о тесных экономических контактах и культурном взаимодействии в начале совместного проживания русских крестьян и тувинцев едва ли возможно, — пишут М. П. Татаринцева и Н. М. Моллеров. — Какое-то время, по-видимому, это больше напоминало существование двух параллельных миров. Сказывалась разница исторического и духовного опыта каждого народа» (там же: 96). Однако результатом подобного «столкновения двух миров» стало установление не только этнической, но и конфессиональной толерантности в тувинско-русском социуме. Русское население принесло с собой не только русский язык, но и христианскую веру двух направлений — православие (в том числе объединение евангельских христиан-баптистов), представлявшее собой официальную религию бывшей Российской империи и старообрядчество, образовавшееся в результате раскола того же православия в ходе реформ Патриарха Никона в 50-е годы XVII в. Эти конфессии стали уживаться с традиционными религиями тувинцев — шаманизмом и буддизмом.

Довольно полно отражены в монографии различные аспекты и особенности духовной и материальной культуры русских переселенцев. Им уделено довольно много внимания — с 7 по 13 главы книги. С одной стороны, отмечается приверженность русских своим традиционным ценностям и стереотипам, которая выражается в соблюдении многих бытовых, семейных и календарных обычаев и обрядов, в сохранении привычек питания и этикетных норм в личном общении. С другой стороны, отмечается освоение ими тувинской культуры, социальных норм и ценностей, что в конечном счете способствовало этнокультурной интеграции русских в принимаемое общество и формированию у них нового менталитета, отличного как от страны исхода, так и страны проживания.

Последняя, четырнадцатая глава посвящена участию советских граждан из Тувы на фронтах Великой Отечественной войны.

Очень интересный материал содержится в Приложении, которое состоит из двух частей. В первой из них представлены исторические портреты наиболее выдающихся и ярких представителей из числа русских жителей Тувы, внесших значительный вклад в социально-экономическое и культурное

развитие республики, а также способствовавших укреплению русско-тувинских отношений. Биографии этих людей невероятно богаты событиями и уникальны. Вторая часть Приложения содержит рисунки, выполненные в деревнях Каа-Хемского кожууна в июле 1986 г. художником комплексной историко-этнографической экспедиции Надеждой Корчугановой. Несмотря на то, что предложенный иллюстративный материал о культуре и быте русского населения Тувы относится к более позднему, чем рассматриваемый в данной монографии, периоду, отобранные авторами рисунки все же соответствуют представлениям исследователей о бытовой культуре русских переселенцев в Туве конца XIX — первой половины XX в.

По сути, значительная часть монографического исследования М. П. Татаринцевой и Н. М. Моллерова, помимо собственно научного анализа, несет в себе и качество первоисточника, что определяет его большое значение для будущих исследований. Работа выполнена на достойном академическом уровне, в ней представлен глубокий, всесторонний анализ социокультурной адаптации русских переселенцев в Туве, выявлены и описаны адаптационные ресурсы и механизмы, которые использовались русскими и членами принимавшего их сообщества, исследованы результаты межкультурного взаимодействия между русскими и тувинцами. Весь этот широкий спектр тем и сюжетов раскрыт авторами с присущей подлинному научному исследованию полнотой.

Следует отметить, что монография посвящалась очень важному историческому событию — 100-летию протектората России над Тувой и этим обстоятельством объясняется ее актуальность.

В советской историографии вопрос об установлении протектората России над Тувой рассматривался неоднозначно. Одни исследователи считали, что этот акт был незаконным, так как протекторат образовался в результате оккупации Урянхайского края Россией, превратившей ее в колонию. Другие видели в нем ряд положительных моментов. Авторы данного исследования убедительно показали, что выбор, который был сделан Тувой и ее правителями сто лет назад, обеспечил небольшому по численности народу территориальную целостность, безопасность от посягательств на нее извне, а также улучшение условий жизни и сохранение этнической целостности, т. е. протекторат гарантировал Туве покровительство, помощь и поддержку великого северного соседа. Свой вклад в установлении этих отношений России с Тувой внесли и русские переселенцы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Моллеров, Н. М. (1984) Важный вклад РСТК (1922–1932 гг.) в укрепление советско-тувинских отношений // Проблемы истории Тувы / отв. ред. Ю. Л. Аранчын. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 283 с. С. 84–97.

Моллеров, Н. М. (1989) Деятельность комитетов советских граждан ТНР в области культуры (1932–1941 гг.) // Культура тувинцев: традиции и сов-

ременность / отв. ред. Ю. Л. Аранчин. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 152 с. С. 110–120.

Моллеров, Н. М. (2007) Основание и развитие г. Турана в конце XIX — начале XX в. (исторический очерк) // Ученые записки ТИГИ. Вып. 20 / отв. ред. В. Д. Март-оол. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 420 с. С. 60–84.

Моллеров, Н. М. (2010) Наши земляки в тылу и на фронте Великой Оте-чественной войны // Тува: через жестокую войну к великой Победе / отв. ред. Н. М. Моллеров. Абакан: ООО «Мандарин». 136 с. С. 7–11.

Моллеров, Н. М. (2012) «Нравственный представитель верующих СССР» — священник Владимир Юневич // Ученые записки ТИГИ. Вып. 23 / отв. ред. К. А. Бичелдей. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 584 с. С. 495–500.

Татаринцева, М. П., Моллеров, Н. М. (2016) Русские в Туве (конец XIX — первая половина XX в.). Новосибирск: Наука. 295 с.

Татаринцева, М. П. (2012) Социокультурная адаптация русских переселенцев в Туве в конце XIX — начале XX века // Ученые записки ТИГИ. Вып. 23 / отв. ред. К. А. Бичелдей. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 584 с. С. 408–421.

Татаринцева, М. П. (2013) Этническая культура русских переселенцев в Туве: прошлое и настоящее // Тюркская руника: язык; история; культура (к 120-летию дешифровки орхоно-енисейской письменности): материалы Международной научной конференции (г. Кызыл, 10-11 июля 2013 г.): в 2 ч. / отв. ред. К. А. Бичелдей. Абакан : Хак. кн. изд-во. Ч. 2. 186 с. С. 157–160.

Татаринцева, М. П. (2014) Аграрный календарь в культуре русских пересе-ленцев // Единая Тува в единой России: история; современность; перспективы. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию единения России и Тувы (г. Кызыл, 3-4 июля 2014 г.) / отв. ред. К. А. Бичелдей. Абакан: Хак. кн. изд-во. 211 с. С. 18–20.

Татаринцева, М. П. (2015) Старообрядцы Тувы: ретроспектива и современный этап // Старообрядчество: история и современность; местные традиции, рус-ские и зарубежные связи: материалы VI Международной научно-практической конференции / отв. ред. С. В. Васильева. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета. 392 с. С. 137–143.

Дата поступления: 09.04.2018 г.

REFERENCES

Mollerov, N. M. (1984) Vazhnyi vklad RSTK (1922–1932 gg.) v ukreplenie sovetsko-tuvinskikh otnoshenii [Important contribution of RSTK (1922-1932) to the strength-ening of Soviet-Tuvan relations]. In: *Problemy istorii Tuvy [Problems of Tuva history]* / ed. by Iu. L. Aranchyn. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 283 p. Pp. 84–97. (In Russ.).

Mollerov, N. M. (1989) Deiatel'nost' komitetov sovetskikh grazhdan TNR v oblasti kul'tury (1932–1941 gg.) [Work of the committees of Soviet citizens of the PRT in the field of culture (1932-1941)]. In: *Kul'tura tuvintsev: traditsii i sovremennost' [Tuva culture: traditions and modernity]* / ed. by Iu. L. Aranchyn. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 152 p. Pp. 110–120. (In Russ.).

Mollerov, N. M. (2007) Osnovanie i razvitie g. Turana v kontse XIX — nachale XX v. (istoricheskii ocherk) [Foundation and development of the town of Turan in the late 19th and early 20th: a historical essay]. *Uchenye zapiski TIGI*, vol. 20 / ed. by V. D. Mart-ool. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 420 p. Pp. 60–84. (In Russ.).

Mollerov, N. M. (2010) Nashi zemliaki v tylu i na fronte Velikoi Otechestvennoi voiny [Our countrymen in the home front and on the battlefields of the Great Patriotic war]. In: *Tuva: cherez zhestokuiu voinu k velikoi Pobede [Tuva: through the brutal war to a great Victory]* / ed. by N. M. Mollerov. Abakan, OOO «Mandarin». 136 p. Pp. 7–11. (In Russ.).

Mollerov, N. M. (2012) «Nravstvennyi predstavitel' veruiushchikh SSSR» — sviashchennik Vladimir Iunevich ["Moral representative of the believers of the USSR" — father Vladimir Yunevich]. *Uchenye zapiski TIGI*, vol. 23 / ed. by K. A. Bicheldei. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 584 p. Pp. 495–500. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. and Mollerov, N. M. (2016) *Russkie v Tuve (konets XIX — pervaiia polovina XX v.) [Russians in Tuva in late 19th and the first half of 20th centuries]*. Novosibirsk, Nauka. 295 p. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2012) Sotsiokul'turnaia adaptatsiia russkikh pereselentsev v Tuve v kontse XIX — nachale XX veka [Social and cultural adaptation of Russian migrants in Tuva in the late 19th and early 20th centuries]. In: *Uchenye zapiski TIGI*, vol. 23 / ed. by K. A. Bicheldei. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 584 p. Pp. 408-421. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2013) Etnicheskaia kul'tura russkikh pereselentsev v Tuve: proshloe i nastoiashchee [Ethnic culture of Russian immigrants in Tuva: past and present]. In: *Tiurkskaia runika: iazyk; istoriia; kul'tura (k 120-letiiu deshifrovki orkhono-eniseiskoi pis'mennosti): materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Kyzyl, 10-11 iiulia 2013 g.) [Turkic runic: language; history; culture (dedicated to the 120th anniversary of the decryption of the Orkhon-Yenisei script): proceedings of the International conference (Kyzyl, July 10-11, 2013)]*: in 2 vols. / ed. by K. A. Bicheldei. Abakan, Khak. kn. izd-vo. Vol. 2. 186 p. Pp. 157–160. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2014) Agrarnyi kalendar' v kul'ture russkikh pereselentsev [Agricultural calendar in the culture of Russian immigrants]. In: *Edinaia Tuva v edinoin Rossii: istoriia; sovremennost'; perspektivy. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu edineniia Rossii i Tuvy (g. Kyzyl, 3-4 iiulia 2014 g.) [United Tuva in United Russia: history; modernity; prospects. Proceedings of the International scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the unity of Russia]*

and Tuva (Kyzyl, July 3-4, 2014)] / ed. by K. A. Bicheldei. Abakan, Khak. kn. izd-vo. 211 p. Pp. 18–20. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2015) Staroobriadtsy Tuvy: retrospektiva i sovremenniy etap [The old believers of Tuva: a retrospective and contemporary stage]. In: *Staroobriadchestvo: istoriia i sovremennost'; mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye sviazi: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Old belief: history and modernity; local traditions, Russian and foreign relations: proceedings of the 6th International scientific-practical conference]* / ed. by S. V. Vasil'ev. Ulan-Ude, Izdatel'stvo Buriatskogo gosuniversiteta. 392 p. Pp. 137–143. (In Russ.).

Submission date: 09.04.2018.

Для цитирования:

Монгуш М. В. Историко-культурологическое исследование адаптации русских в Туве [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/779> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2018.2.12

For citation:

Mongush M. V. A historical and cultural study of the adaptation of Russians in Tuva. *The New Research of Tuva*, 2018, no. 2 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/779> (accessed: ...). DOI: 10.25178/nit.2018.2.12

СОДЕРЖАНИЕ

АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ

<i>Ламажаа Ч. К. (Россия)</i> Тувинское время и экономическая культура тувинцев	4
<i>Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. (Россия)</i> Экономическая культура тувинцев в горизонте социокультурного подхода	22
<i>Четырова Л. Б. (Россия)</i> Труд в этнической культуре кочевников постсоциализма (на примере бурят, калмыков, тувинцев)	40
<i>Мадюкова С. А. (Россия)</i> Ментальные и этнопсихологические особенности тувинцев в системе детерминант развития Республики Тыва (на примере этнотуризма)	72
<i>Тарбастаева И. С. (Россия)</i> Буддийские ценности как возможная экономическая детерминанта развития тувинского общества	95
<i>Анайбан З. В. (Россия)</i> Трудовая занятость и социально-профессиональные ориентации молодежи современной Тувы	112
<i>Дабиев Д. Ф. (Россия)</i> Профессиональные предпочтения населения Тувы в контексте экономической культуры	132
<i>Тюхтенева С. П. (Россия)</i> Этническое предпринимательство без миграции (на примерах из Тувы и Калмыкии)	149
<i>Харунова М. М.-Б. (Россия)</i> Экономические термины в документах Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.)	168
<i>Есенова Т. С., Харчевникова Р. П., Есенова Г. Б. (Россия)</i> Лексико-семантический и психолингвистический анализ отношения калмыков к труду	187

НОМАДЫ АЗИАТСКОГО МАТЕРИКА

<i>Ламажаа Ч. К., Намруева Л. В. (Россия)</i> Субэтнические дифференциации российских этносов (на примере калмыков и тувинцев)	206
--	-----

ЧИТАЕМ, РАЗМЫШЛЯЕМ (РЕЦЕНЗИИ, АННОТАЦИИ)

<i>Монгуш М. В. (Россия)</i> Историко-культурологическое исследование адаптации русских в Туве	227
--	-----

CONTENTS

ASPECTS OF CULTURE

- Lamazhaa Ch. K. (Russia)* “Tuvan time” and economic culture of Tuvans 4
- Popkov Yu. V., Tiugashev E. A. (Russia)* Economic culture of the Tuvans within the scope of the sociocultural approach 22
- Chetyrova L. B. (Russia)* Labor in post-socialist ethnic culture: the cases of Buryats, Kalmyks and Tuvans 40
- Madyukova S. A. (Russia)* Mental and ethno-psychological features of Tuvans within the system of development determinants of the Republic of Tuva: the case of ethno-tourism.....72
- Tarbastaeva I. S. (Russia)* Buddhist values as a potential economic determinant in the development of Tuvan society 95
- Anayban Z. V. (Russia)* Employment and socio-professional orientations of contemporary Tuva’s youth 112
- Dabiev D. F. (Russia)* Career preferences of Tuva population in the context of economic culture 132
- Tyukhtenyeva S. P. (Russia)* Ethnic entrepreneurship without migration: the cases of Tuva and Kalmykia 149
- Kharunova M. M.-B. (Russia)* Economic terminology in the documents of the People’s Republic of Tuva (1921–1944) 168
- Esenova T. S., Kharchevnikova R. P., Esenova G. B. (Russia)* Lexico-semantic and psycholinguistic analysis of the Kalmyks’ attitudes to work 187

NOMADS OF THE ASIAN CONTINENT

- Lamazhaa Ch. K., Namrueva L. V. (Russia)* Sub-ethnic differentiations of Russian ethnic groups: the case of Kalmyks and Tuvans 206

REVIEWS AND ANNOTATIONS

- Mongush M. V. (Russia)* A historical and cultural study of the adaptation of Russians in Tuva 227

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор *Ч. К. Ламажаа.*
Редакторы: *В. С. Макаров, А. С. Папын.*
Верстка - *А. С. Папын.*

№ 2, 2018

<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/38>

Для иллюстрации обложки использована фотография
Валерия Иргита (Россия).

111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5, корп. 6, каб. 18
Редакция журнала «Новые исследования Тувы»

Подписано к публикации 09.06.2018 г.

Объем - 29,9 п. л.

Эл. адрес: article@tuva.asia